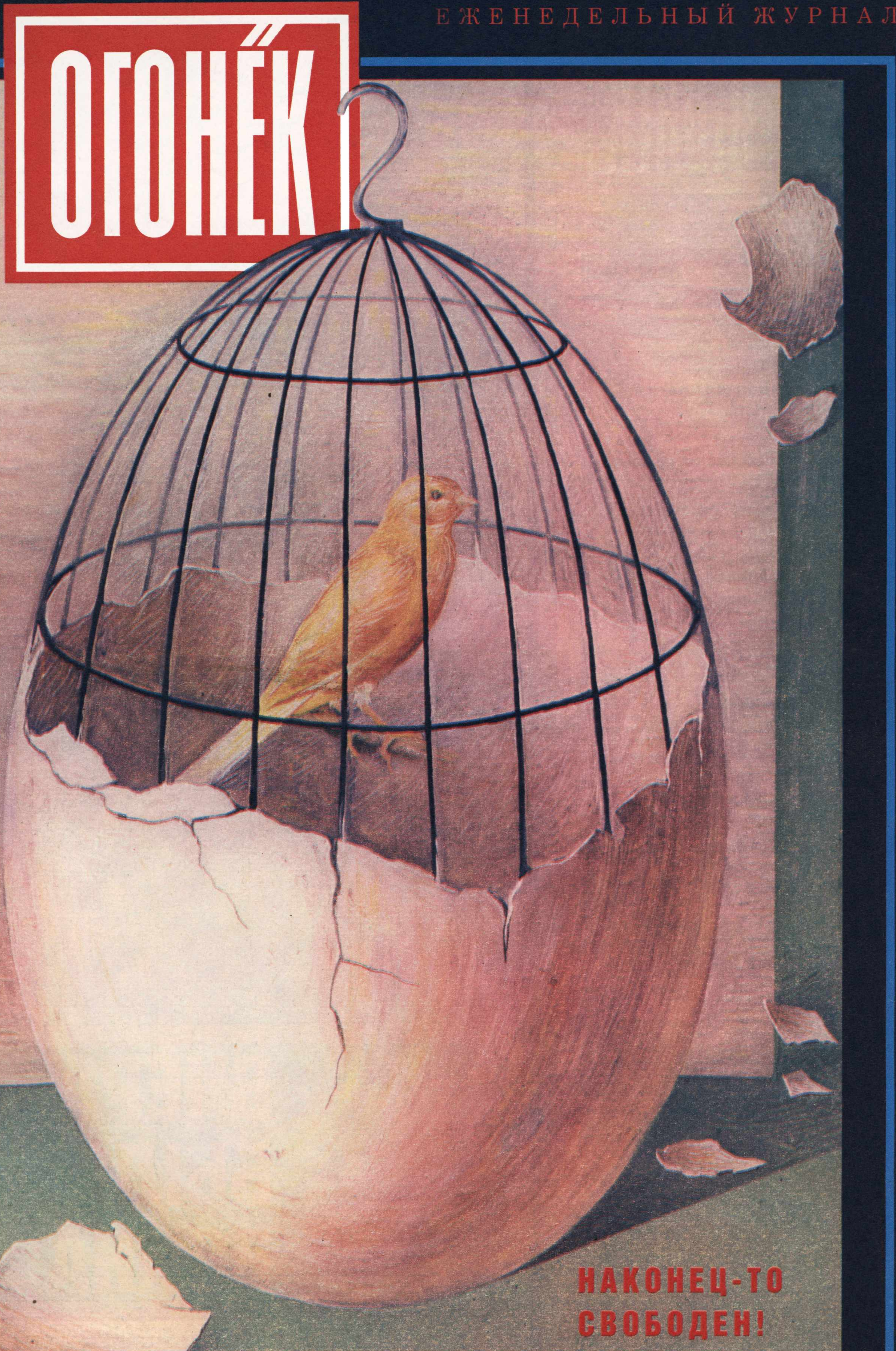
ISSN 0131—0097
ИЮНЬ № 25 1991
THE WEEKLY MAGAZINE
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

НАКОНЕЦ-ТО СВОБОДЕН!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года
УЧРЕДИТЕЛЬ — ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 25 (3335)
15 — 22 июня

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Плакат Т. КАМЕНСКИХ

Оформление А. А. КОВАЛЕВА
при участии М. В. СТАРЦЕВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 27.05.91. Подписано к печати 10.06.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 519. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда». Типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ВЧЕРА БЫЛА ВОЙНА

Анатолий ГОЛОВКОВ

Война — существительное множественного числа: нет семьи, которой бы не коснулось ее дыхание. Потому-то 22 июня еще долго будет восприниматься не просто как часть исторической хронологии или строчка энциклопедии. Такой уж была война, что, кажется, дымы ее все еще стелются над землею. Даже непрожитые годы давят тяжестью. Осколки войны, разлетевшись по свету, впились в душу каждого, и сердце ноет в непогоду...

...Вторжение, которому исполняется нынче полвека, произошло не только внутрь страны, когда не успевали закрашивать карту черным. Оно проникло в наши души, оставив в них неизгладимый след. Вторжение все еще длится во времени, протягивая к новым поколениям хищные лапы. И если всмотреться в ту даль, в тот уже трудно различимый туман 22 июня 1941 года, можно увидеть огненный отсвет, услышать эхо грозного гула... Так закончилась ли впрямь та война, одержана ли в ней победа и скоро ли начнется настоящее «послевоенное время», если вместо желанного покоя, благополучия народы наши оказались вымотаны духовно, разорены экономически? Те, кто вторгся в наши пределы пятьдесят лет назад, потерпев затем сокрушительное поражение, нашли в себе силы подняться после разгрома, извлечь уроки из истории, раз и навсегда отказаться от фашистского тоталитаризма, переосмыслить идею реваншизма, как гибельную для немецкой нации, и, наконец, создать богатое, открытое для мира демократическое общество. Может быть, теперь очередь и за нами? Дай-то Бог!

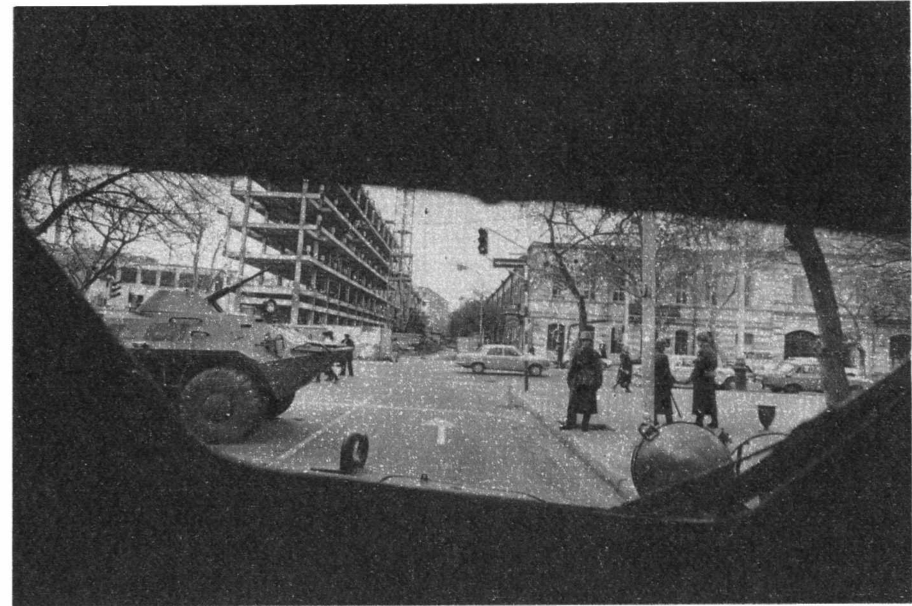
...В любой победе заключена великая печаль. Еще строятся триумфальные арки, гремят парады, звенят фанфары, но отчего-то уже не радует вид поверженного наземь противника. Злорадство у нормальных людей сменяется состраданием, жажда мстить — острой тоской разочарования. И ненависть не может долго оставаться в человеке. Часто ли мы размышляем над этой истиной на пороге третьего тысячелетия?

Задумываемся ли над тем, что история развивается по восходящей спирали, повторяя не только хорошие, но и самые дурные человеческие качества... Отзвук сегодняшних наших проблем — тоже там, в военных сороковых, когда приводным ремнем ненависти, помогавшей людям стрелять друг в друга, был национализм, а отнюдь не «классовые интересы», как это мнится догматикам от марксизма.

И теперь мы снова платим по счетам, продолжая идеализировать грязную афганскую войну. Ненависть просыпается в нас с готовностью, как только потянет порохом. Вот потянуло из Закавказья — и другие мальчики, которым тоже вдалбливают в головы что-то про «интернациональную помощь», снова вмешаны в политическую игру. И гибнут, так и не поняв, кто же из воюющих сторон прав. Плача по ним, нам впору заплакать и по себе, по всему Отечеству нашему. По судьбе его, которую очень трудно, но еще можно изменить.

ГОРЬКАЯ АРИФМЕТИКА

Геворк МАРТИРОСЯН, собственный корреспондент «Огонька»

Мертвые уже ничего не расскажут. Их удел спать вечным сном и не дать уснуть нашей совести.

Мертвые этой войны зовут не к отмщению, не к слепой ярости, не к крови, а к справедливости и состраданию.

Свежие могилы в цветущей майской земле должны стать последними в этой долгой кровавой бессмысленной войне. Но станут ли?

Война бикфордовым шнуром разгорелась по всей армяно-азербайджанской границе.

В Ереване выстрелов не было. Но стреляли по сердцу тревожные сводки с границы, газетные заголовки, фотографии искалеченных людей...

Армения объявила национальный траур по безвинным жертвам. А в это время в город вошли десантники — около 2 тысяч человек — якобы для охраны военных объектов, в том числе Армянской атомной электростанции от армянских боевиков.

Но боевики что-то не спешили взрывать АЭС, и десантники ходили по городу и заходили в пивные, где, как ни странно, тоже не было боевиков. А сидели там обычные армянские мужчины, вооруженные селедкой и батареей пивных кружек. Десантников они не трогали, и те спокойно, без помех, утоляли жажду.

В Ереван съехался цвет мировой прессы. Все просились в приграничные районы, все хотели разобраться в причинах кровопролития. Кому-то удавалось побывать на границе, кому-то — нет.

Уезжали из города утром, возбужденные и в чистеньких сорочках. Возвращались ночью: серые от пыли и молчаливые. Смерть чужих людей — это всегда и твоя немножко смерть.

Междугородная служба устала от бесконечных просьб дать каналы связи на Голландию, США, Японию, Канаду. Тесные комнатенки фотохроники Арменпресс стали в эти дни неофициальным клубом шокированных от увиденного и услышанного журналистов.

Благодаря им мир узнал о происшедшем в Армении. Мир, но не страна. Программа «Время» по уже обкатанной схеме читала набившие оскомину тассовки о боевиках и выпустила в эфир сюжет из Ростова: армяне вывозят отсюда масло.

Май начался в Армении трагически. Но участие и поддержка мировой общественности, людей доброй воли по всей стране, казалось, притупили боль потерь.

«...Я, русская писательница, обращаюсь ко всем, в ком жива совесть,— очнитесь! Я обращаюсь к вам, Святослав Федоров, Федор Бурлацкий, Дмитрий Лихачев, Анатолий Карпов, Альберт Лиханов! Забудьте о телемарафонах и рекламе, поднимите в защиту человеческих жизней свои гуманные общества, фонды — прав человека, милосердия, мира, культуры, детский! Стучите грозно в кремлевскую дверь!.. Здесь разгорается геноцид 15-го года. Это говорю я — неармянка».

(Из обращения писательницы Инессы Бурковой к русской интеллигенции. 5 мая 1991 года.)

«...Через один-два или три года мы будем судить об этой войне, как о войне в Афганистане. А пресса дает «взвешенную правду», но взвешенная правда есть взвешенная ложь. Через какое-то время мы будем стыдиться этого так же, как мы стыдимся Афганистана...»

(Из выступления Елены Боннэр 9 мая 1991 года.)

По данным МВД республики, начиная с 5 мая Армения подвергается нападениям подразделений Советской Армии. Задействованы также отряды военно-

воздушного десанта. Эта акция, как было заранее объявлено, осуществлялась согласно Указу Президента СССР о разоружении незаконных вооруженных формирований. Однако, по утверждению временно исполняющего обязанности министра внутренних дел Армении А. Манучаряна, она вылилась в карательные действия, направленные против армянского народа.

На войне случается передышка, начинают считать убитых.

С 1 по 10 мая в Армении погибло 14 работников милиции и 18 граждан. Ранено 5 милиционеров и 16 граждан. 104 человека томятся в заложниках. Военные вывезли их в Азербайджан, и судьба их неизвестна. Правительство Армении принимает все меры для вызволения своих граждан из плена. Может, это и есть боевики? Не знаю. Во всяком случае, не Самвел Пагалмян, 62 лет, приехавший в село Шурнух в гости, не корреспондент Вардан Оганян, выполнявший свой профессиональный долг, не десятки сотрудников милиции, среди которых есть и раненые, и не две душевнобольные из Горисского района... И, конечно же, не врачи Геворк Григорян и Валерий Хачатрян, прибывшие в Геташен на военном вертолете из Еревана для оказания помощи пострадавшим. Геворка ждут дома пятеро его детей, о нем беспокоятся в Грузии спасенные им люди, куда он выезжал сразу же после землетрясения.

Фото:
Игоря ГАВРИЛОВА
Павла МАРКИНА
Михаила САВИНА
Валерия ЩЕКОЛДИНА

Центральный государственный архив кинофотодокументов СССР

Горькая арифметика войны! Убитые, раненые, взятые в плен... Стоила ли десятков жизней эта война во имя спасения неизвестно кого и неизвестно чего?

А может, дело здесь в другом? Может, и армяне, и азербайджанцы, и армия — все оказались заложниками чьей-то абсурдной недальновидной игры? Не знаю...

Живые еще в этом разберутся. Живые поймут, что нет войны во спасение, что только путь компромиссов, путь переговоров может принести долгожданный мир на эту измученную межнациональными распрями землю. Но узнают ли об этом мертвые? Не окажутся ли их жертвы напрасными?

Не дай Бог!

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Год назад в это время мы обсуждали грядущий Закон о средствах массовой информации. Вера в то, что вымечтанная самостоятельность будет обретена и распахнет огромные возможности, согревала многих из нас.

Лишь позже стало понятно, что свободная пресса может существовать исключительно как одна из примет качества жизни, характеристика демократического развития — ни в коем случае не отделяясь от других его примет. Но экономика все еще не приблизилась к свободе: государство хранит за собой право владеть типографиями, регулировать поставки бумаги, государственное Министерство связи взвинчивает цены за доставку газет и журналов. Еще не став свободной, независимая пресса ставится на грань разорения. На этой грани большая часть ее балансирует и сегодня.

Мы не можем и не хотим пока расходоваться на карнавалы и фейерверки. Зато мы стараемся лучше оплачивать журналистов, по мере сил жертвуем нуждающимся, помогаем стремящимся к независимости — до плясок ли нам на Выставке недостигнутых достижений? Тем более что — от ставшего посмешищем Центрального телевидения до переполненных угрозами и намеками шовинистических газетенок — фронт противостояния свободной информации все ощутимее становится фронтом противостояния демократическим переменам в стране.

Впереди трудная борьба за свободу. Но не только за свободу средств массовой информации. Сегодня ясно, как никогда, что весь процесс преобразования тормозится именно теми силами, которым претит сам дух перемен, неприятна даже мысль о том, что народ может выскользнуть из-под административной палки.

Нам очень хочется печатать больше книг для вас, больше экземпляров журнала, но бумага продается в ограниченных количествах, да и на ту обещают взвинтить цены. Мы хотим компенсировать эти повышения цен для подписчиков хоть частично, сохранить для наших друзей возможность получать «Огонек», несмотря ни на что.

Сегодня всем нам трудно, и мы просим вас о понимании и помощи, о поддержке в борьбе за общее дело. Нам будет или всем хорошо, или всем плохо; у нас общая судьба, и каждый должен сделать что может, преодолевая завалы на общем пути. Как видите, «Огонек» меняется, ищет новые слова и новые темы, хочет быть понятней, надежнее, ближе к вам. Не дай нам Бог устать в этом стремлении друг к другу, в этом желании общности. Не дай нам Бог разделиться во времени, когда поддержка и солидарность столь важны.

Вспоминая, как год назад журнал боролся за независимость, как вы помогали нам в этой борьбе, мы очень надеемся, что весь путь к свободе пройдем вместе с вами. Старый лозунг славянских революций «За вашу и нашу свободу!» сегодня актуален, как никогда. Мы гордимся своей соединенностью с вами. Пока она существует, не одолеют ни нас, ни вас.

Виталий КОРОТИЧ

ЦИТАТНИК

Я — безработный. И таких уже много, кому за 50. Много сил утекло. А кто я теперь, кому нужен? В свои годы переучиваться? Заводить дело? Какое? Где?

Д. МОХНАЧЕВ
Тверь

Объяснение премьера Павлова, что всем сейчас живется плохо, не только шахтерам,— веский аргумент в пользу утверждения, что наша жизнь запрограммирована на материальную и социальную нищету.

А. НОВИКОВ
Ижевск

Согласен, что всякий порядочный человек должен сейчас выйти из КПСС, но я не выхожу потому, что я никогда никого не предавал, не предам и партию, а покинуть ее сейчас — в этом есть что-то от измены.

М. ИВАНОВ
Одесса

Вот и появился наконец-то Закон об органах государственной безопасности в СССР. Создателей этого закона внешняя безопасность страны беспокоит меньше всего, они думали больше о внутренних проблемах, особенно таких, как «массовые беспорядки».

М. ФАТТАХОВ
Похвистнево Самарской области

Если скажу, что мы в настоящее время живем очень хорошо, уверена, для многих мои слова прозвучат кощунственно. Да, у нас есть все, все свое, все это создано руками двух пенсионеров на небольшом участке земли. Тот, кто хочет сытно жить, должен знать простую истину: земля и только земля прокормит его, земля и труд на ней.

В. КРЫЛОВА
п. Турма Иркутской области

Непомерные налоги, из которых особое недоумение «частников» вызывает 11-процентный налог в фонд стабилизации экономики государства (ибо непонятно, почему стабилизация государственной экономики взваливается на плечи частного предпринимателя?!), начисто отбивают охоту трудиться на свое благо и обеспечивать себя самим.

М. ТУКАЛЕВСКИЙ
Вукты, Коми ССР

Желание все коммунистическое очернить и воскресить прошлое в розовых тонах выходит в журнале за рамки разумного. Считаю, что только при сильной власти народ будет выполнять производственные планы, будет развиваться экономика...

А. ИВАНОВ
Ростов-на-Дону

Ждем вас в наших очередях, наши пастыри! И за продуктами, и за напитками, и за пожитками. Только тогда сможете вы понять страждущих своих сограждан, ибо любящие свой народ любят его и в тяжелое время, а значит, разделяют его судьбу.

А. ЦУКАНОВА
Бухара

Вот мне, коммунисту, за 12 лет пребывания в КПСС не удалось вкусить привилегий, кроме одной — много, честно трудиться.

Т. ФИЛИППОВА
Москва

Одну инвалидность я получил на фронте, а вторую — в шахте «Холодная балка», где проработал 40 лет. Три года уже не работаю: выдохся до конца, все свое здоровье и силу отдал на построение коммунизма — светлого будущего.

Ф. КРИВОНОСОВ
Макеевка Донецкой области

■

На XIX партийной конференции впервые была выдвинута идея деполитизации правоохранительных органов. С тех пор прошло немало времени, а воз и ныне там. Необходимость практического решения этого вопроса диктуется тем, что с изменением статьи 6 Конституции СССР у нас в стране впервые не на словах, а на деле стал реально пробивать себе дорогу плюрализм мнений. Подтверждение тому — возникновение различных партий и движений.

Как гласит народная мудрость: от сумы и тюрьмы не зарекайся. Достаточно вспомнить, что существуют преступления, совершенные по неосторожности.

А теперь представьте себе ситуацию: на скамье подсудимых оказался член любой другой партии, не КПСС. Кто призван осуществлять правосудие? Как правило, это будут члены КПСС. Ведь ни для кого не секрет, что еще совсем недавно занять судейское кресло или должность прокурорского работника без членства в КПСС было просто немыслимо. А если добавить сюда народных заседателей, которые в большинстве своем или коммунисты, или комсомольцы, адвокатов, среди которых процент членов КПСС также достаточно высок, следователей и прокуроров, в большинстве своем состоящих в рядах КПСС, то вывод напрашивается сам собой. В этом случае подсудимый может заявить отвод суду и прокурору из-за их партийной принадлежности.

Ситуация эта отнюдь не надуманная, а в условиях многопартийности вполне реальная, за которой, возможно, кроется правовой тупик. И разрешен он может быть только скорейшей и безоговорочной деполитизацией всей системы правоохранительных органов, если мы, конечно, не на словах, а на деле хотим идти к правовому государству.

А. ГЕРАСИМОВ,
народный депутат Ленинградского областного Совета народных депутатов, юрист
Луга Ленинградской области

■

22 января с. г. я был арестован по подозрению в покушении на всем известного журналиста А. Г. Невзорова. До этого в течение месяца за мной, моими знакомыми и родными была организована слежка, прослушивался мой телефон.

Вся моя причастность «к покушению» была в том, что я встречался с девушкой, работавшей на Ленинградском телевидении и ставшей подругой Невзорова. Не имея против меня абсолютно никаких улик, при наличии 100-процентного алиби и вопреки мнению ведущего следователя по делу о покушении на Невзорова, я был арестован. За время ареста меня упорно старались склонить к самооговору по схеме: «В Невзорова стрелял я, пистолет выкинул в Неву». Это достигалось путем унижений, оскорблений, угроз, посулов. Поняв, что этого сделать не удаст-

ся, меня без объяснений, извинений, документов о задержании отпустили на свободу.

Мной была подана жалоба в прокуратуру города. В результате арест признан незаконным, принесли извинения, но все происшедшее мотивируют «ошибкой, которую вовремя устранили». Виновных в беззаконии, несмотря на мои требования, не наказали, а «сердобольные» в прокурорских мундирах посоветовали: «Не тратьте попусту время, все равно ничего не добьетесь».

Но то, что произошло со мной, отнюдь не «ошибка», это прямая попытка фальсификации нового судебного процесса, который был бы сродни сталинским судебным спектаклям. Опять нужен «кровавый гад», поднявший руку на верного сына народа — А. Г. Невзорова. Кому нужен был мой незаконный арест и последующая «обработка»? Это необходимо выяснить и предать гласности. Но одному мне это не под силу.

Пишу вам, потому что считаю необходимым вскрыть подоплеку этого беззакония, спланированного с чисто политическими целями.

И. БЕЛОВ
Ленинград

■

Прочел в газете «Вечерний Киев» статью о том, что моджахеды запросили выкуп за нашего пленного воина-афганца Павла Стасевича. И вот теперь воины-интернационалисты Балтского района Одесской области, земляки Павла, собирают деньги, как говорится, с миру по нитке. К ним присоединились также и воины-афганцы Чечельницкого района Винницкой области. Но ввиду того, что собранных средств недостаточно, так как моджахеды запросили большой выкуп, газета обращается с просьбой ко всем неравнодушным к судьбе Павла и горю матери, уже похоронившей его 7 лет назад в цинковом гробу — а кто был в нем, никто и никогда уже не узнает,— подключиться к этой акции милосердия.

Прочел это и буквально захлебнулся от гнева, стыда и обиды за этого парня, его мать, за всех нас. Ну а что же наше государство, позвольте спросить в этой связи?! По велению которого его гражданин, черт знает зачем, вопреки всем нормам международного права и общечеловеческим был брошен за тысячи километров, в чужую страну «исполнять свой долг» и уже 7 долгих лет искупает его вину перед чужим народом!

Как же можно оставить в беде безвинных своих сыновей и не принять безотлагательных мер по их возвращению на Родину? Почему люди в таких случаях еще должны побираться по миру? А как же пресловутое: «никто не забыт», «Родина помнит», «жизнь человека дороже всего» и прочий набор возвышенного?

Или другое. Много детей сейчас нуждается в срочном лечении за границей, как последнем шансе, и, естественно, за валюту. Несчастные, убитые горем родители вынуждены клянчить ее у людей, у предприятий, у кого угодно, претерпевая, как правило, унижение, и, отчаявшись, обращаются в газеты, журналы: помогите! Сколько этих криков о помощи приходится читать в последнее время!

Когда же наконец жизнь простого человека в нашей стране будет хоть что-нибудь стоить? Когда же идеалы гуманизма, человеколюбия и просто ответственность государства перед своими гражданами перестанут быть в нашей стране утопией? И при каком, наконец, строе?

Н. НОВИЧЕНКО,
инженер
Киев

■

В газете «Правда» от 25 апреля с. г. была помещена статья С. Есина «Любовь к снабжению, или кое-что о психологии ренегата». Автор сетует на то, что из партии вышло около трех миллионов членов. Он задает вопрос: кто они? Считая себя одним из характерных примеров, я отвечаю на его вопрос.

Ренегатом себя не считаю, так как вступала совсем в другую партию. У всех нас, рядовых членов партии тех лет, была убежденность, вера в светлое будущее. В те времена, когда мы голодали, вели полунищенское существование, мы были преданы партии, верили ей. Наша же номенклатура с аппаратчиками предали нас. Они дрались за власть, как пауки в банке, кто кого раньше сожрет. Чтобы как-то выгородить себя, они пошли в наступление на «антикоммунизм», «экстремизм», «очернительство».

Свыше 70 лет мы живем на сплошной лжи и страхе. Когда появился М. С. Горбачев, появилась надежда, но от всех надежд осталась только гласность, да и та идет на убыль. Стало стыдно говорить, что состою в партии — вся страна стала ареной межнациональных столкновений, а партия не только бездействует, но и поощряет антисемитские выступления в Ленинграде, допускает митинг общества «Память» на Красной площади. Антисемитское выступление Тюлькина на Российской партконференции было встречено коммунистами аплодисментами. А чего стоят события 13 января в Литве и 28 марта в Москве? Это и называется — партия с народом едины?

П. КНАБЕНГОФ
Ленинград

■

Вот уже несколько месяцев действует Закон СССР «Об общественных объединениях». Не знаю, как он работает в других местах, но могу утверждать, что в МИД СССР и его загранучреждениях положения этого закона грубо попираются. Прежде всего это касается статьи 5, которая предусматривает, что «деятельность организаций политических партий, других общественных объединений осуществляется в нерабочее время их членов (участников) и за счет средств этих объединений». Ничего подобного. Например, громадный штат комитетов КПСС в загранучреждениях МИД СССР в МНР (посольство и три генконсульства) до сих пор содержится за счет государственных бюджетных средств, в том числе в свободно конвертируемой валюте. Их работникам из сметы МИД выплачиваются заработная плата, командировочные расходы. Министерство несет затраты на содержание занимаемых работниками КПСС служебных и жилых помещений, на их обслуживание транспортом и связью, на обеспечение хозяйственными и канцелярскими товарами, оргтехникой и т. д.

Мероприятия комитетов КПСС в загранучреждениях проводятся в рабочее время с отвлечением от работы членов партии. В целом расходы министерства на комитеты КПСС в его загранучреждениях исчисляются десятками, если не сотнями тысяч долларов в год, в то время как той же статьей 5 Закона «запрещается финансирование государством деятельности политических партий».

С такой же откровенностью нарушается следующее положение той же статьи: «...вмешательство общественных объединений в деятельность государственных органов и должностных лиц не допускается». По сути дела, комитеты КПСС в загранучреждениях МИД не только вмешиваются в их работу, а в буквальном смысле, как и раньше, контролируют ее, являются полновластными хозяевами. Особенно бесцеремонно по сложившейся за десятки лет привычке парткомы вмешиваются в решение кадровых вопросов.

Попытки побудить выполнять Закон СССР «Об общественных объединениях» в МИД СССР и его загранучреждениях путем обращения к руководству министерства оказываются бесплодными, в чем я убедился на собственном опыте.

В этой ситуации остается последнее, предусмотренное самим законом средство заставить считаться с требованиями закона. Это обращение в органы прокуратуры, на которые согласно статье 20 возлагается «надзор за исполнением законов общественными объединениями». Правда, тут возникает резонный вопрос: «А прокуроры кто?»

В. ОШУРКОВ,
консул генконсульства СССР
в Чойбалсане, МНР

■

Хочу обратить ваше внимание на следующее. Не раз пресса писала о том, что цифры военного бюджета, публикуемые для нас, только видимая часть айсберга. Но вот невидимую часть пока еще никто не расшифровал. В этом году, читая о городском бюджете, я обратил внимание на строку расходов на военкоматы. На мой вопрос газета «Слава Севастополя» ответила разъяснением райвоенкома. Оказывается, только военнослужащие военкоматов получают деньги из бюджета Министерства обороны, а все вольнонаемные — машинистки, уборщицы, делопроизводители — получают зарплату согласно штатному расписанию отдела райисполкома.

Кроме того, военнообязанным, призванным на сборы, среднюю заработную плату платят предприятия. Часто райвоенкоматы вызывают повестками военнообязанных «для уточнения данных», для доставки повесток (а то и призывников), для различной канцелярской работы и с легкостью проставляют в повестках полный рабочий день, который также оплачивает предприятие (меня однажды вызывали три раза за два месяца по одному и тому же вопросу). Врачи, оторванные от лечения людей, участвуют в медкомиссиях с оплатой также по месту работы и т. д.

Это малая часть айсберга. Подозреваю, что в оборонной промышленности скрыта его бо́льшая часть. Создаются условия, когда ни военкомы, ни министр обороны не заинтересованы в экономии народных денег.

Четыре миллиона военных — непомерная ноша для народа. Нас втянули в гонку вооружений, которая оказалась страшнее оккупации и войны. Экологически и технически слабая страна не может прокормить такую огромную армию. Сократив армию, мы сможем уберечь ее от присущих ей в настоящее время пороков; призывая в ее ряды самых лучших, сможем количество превратить в качество, сократив военные расходы, мы скорее выйдем из кризиса.

Ю. КОЗЯВИН
Севастополь

■

В январе 1989 года нашу квартиру обокрали. Среди украденных вещей были золотые женские часы с браслетом. После поимки жуликов нам предъявили для опознания ряд вещей, из которых мы опознали только браслет, который был заложен за 250 рублей в Краснопресненском ломбарде г. Москвы. Следователь сообщила нам, что после осуждения преступников мы имеем право выкупить из ломбарда принадлежащую нам вещь за собственные деньги. Однако эта канитель с поимкой, следствием, судами районным и городским продолжалась около двух лет, так что документы на выкуп браслета мы получили из суда только в январе 1991 года.

Морально и материально мы подготовились к тому, что принадлежащую нам же вещь будем выкупать за собственные деньги, но, приехав в ломбард и оформив документы, были неприятно удивлены тем, что, кроме залоговых 250 рублей, нам придется еще уплатить по 0,7 процента за каждый месяц хранения браслета в ломбарде плюс 5 процентов — «президентский налог».

В результате мы заплатили 320 рублей 84 коп. Получается как в старом фильме: «Белые приходят — грабят, красные приходят — тоже грабят». Мне кажется, стыдно опускаться до такого крохоборства. Ссылки на то, что преступники компенсируют нам эти затраты, смехотворны, так как мы пенсионеры, а за преступниками 17 краж, и за год с лишним их заключения нам пока не прислали ни копейки.

А. ЗВЯГИНЦЕВ
Москва

ПРИЗНАНИЯ В ЛЮБВИ

С писательницей
Викторией ТОКАРЕВОЙ
беседует журналист
Вадим ГРИШИН

— Как вы относитесь к тому, что происходит в нашей стране в последние годы?

— В целом оптимистично. Перестройка — от слова «строить». А на стройке всегда хлам, вывороченная земля. Но это делается для того, чтобы встал новый дом. Лучший, чем прежде.

— Думаете, построим?

— Естественно. Только вот вопрос: когда? Дом, выстроенный в 1917 году, простоял почти три четверти века. Хватило как раз на целую жизнь наших родителей и на половину наших жизней. Дом оказался не тот. Теперь перестраиваем.

Известно, что в 1917 году основная масса интеллигенции того времени (среди них академик Павлов, философ Бердяев) приняла февральскую, но не приняла Октябрьскую революцию. Самых разумных людей отодвигали от строительства новой жизни. Сталину нужны были не личности, а исполнители. Так образовалась номенклатура, которая пронизала все общество. Это было нужно системе.

— Вы сталкивались с номенклатурой?

— Естественно. Она же не на небе живет. Но я против таких обобщений: «номенклатура», «молодежь», «писатели».

У молодежи, например, нет одного лица. Есть очень много молодых людей, и они все разные. (Общее, пожалуй, то, что слишком уж многие хотят уехать на Запад. Хотят жить, а не ждать.) И начальники — есть одинаковые, есть разные...

Одинаковые все похожи друг на друга: в серых костюмах с жилетками; их, наверное, шьют им в одном ателье какого-нибудь четвертого управления Минлегпрома из одного и того же материала, по одному фасону. Белая рубашка. Галстук. Галстук плохой. Тридцать процентов лишнего веса. Книг не читают. Некогда. Мысль излагают с трудом, но понять можно. Их очень много среди депутатов на съезде. Я узнаю их «по личикам». На личиках — ожидание: выпить и закусить. И ничего не отдать Ельцину. Они не любят Ельцина. А Ельцин не любит их.

Что касается разных,— среди них, например, Элем Климов. Тоже партийный и тоже номенклатура. Зав. отделом при ЦК Армен Медведев — блестящий критик, многогранный, яркий человек. Любит Рыжкова. Имеет право. Мы мало знаем друг друга. И не хотим знать больше. Дело не в людях, а в системе. Номенклатура — это как бы стропила социализма.

— А не складывается ли у вас впечатления, что Горбачев пытался осуществить перестройку прежде всего в интересах самой номенклатуры?

— Мне совершенно не важно, что им двигало. Важно то, что он сделал. Перестройку начал не Ельцин и не демократы. Ее первым двинул Михаил Сергеевич Горбачев, и в этом его историческая миссия. Он воткнул палку в муравейник. Дальше муравьи его облепят и сожрут. Может быть, и так. Но давайте отдадим себе отчет: Ельцина тоже сделал Горбачев. Что было бы с партаппаратчиком, которого выгнали с треском десять лет назад? Он ушел бы на политическое дно, и только три пузыря на поверхности. Все. Перестройка создала прецедент, когда народ из безмолвного поголовья превратился в главное действующее лицо и стал что-то решать. И народ вызвал Ельцина из небытия, поставил вожаком.

— В таком случае: кто есть кто с вашей точки зрения?

— У Ельцина три обаяния: человеческое, мужское и обаяние власти. Он как Спартак, ведущий рабов к свободе. В Прибалтике я видела его на встрече с писателями. Он был бледен, будто напудрен. Тщательно расчесан. Очень монументален и отнюдь не демократичен. Его телохранители — как пантеры. Преданы так, что их собственная жизнь не имеет для них никакой цены. В руках одного из них я заметила книгу Чингиза Айтматова. Айтматов отдыхал в одно время с Ельциным, жил в соседнем коттедже за забором. Книга была без подписи. Я поинтересовалась: почему Айтматов не подписал книгу Ельцину? Они сказали: «Хотите мы вам ее отдадим?» По тому, как небрежны были к книге телохранители, я поняла, что в этом пустяке проявилась борьба за власть. Айтматов — человек Горбачева. А раз так, не нужна его подпись Ельцину.

— Не кажется ли вам при этом, что один из лидеров как бы застыл на месте, а другой динамично развивается?

— Я не склонна противопоставлять их друг другу. Я рассматриваю их в связке, как мелодию и аккомпанемент. Мне кажется, они необходимы друг другу. Земля и Луна. Между планетами существует притяжение, и это притяжение держит Землю на своей оси. А если Луну из неба вынуть — Земля полетит в тартарары.

Я придаю большое значение внешности. Во внешности Горбачева главное — глаза. Они вспарывают пространство. У Ельцина — улыбка. Застенчивая улыбка чистого человека.

В наших характерах очень мало терпимости. Люди шарахаются от любви к ненависти без перехода. Был такой эпизод с Аллой Пугачевой, когда она разговаривала с администратором ленинградской гостиницы непарламентским языком. Боже мой, с какой страстью накинулись на нее! Как хотелось стащить своего кумира с пьедестала и лицом в лужу, в лужу...

То же самое ожидает и лидеров, и вожаков. Как бы ни обожали Ельцина, а стоит ему ошибиться — не простят.

Не понимаю: зачем мужчины рвутся к власти? Работают по восемнадцать часов в сутки, никакой личной жизни — все на виду. И конец известен. Пусть оглянутся, посмотрят на длинный ряд: Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев... Кто удержался в памяти, кого поминают добрым словом?

Хотя, наверное, комплекс власти — самый мощный допинг. Есть упоение властью. Нет ничего слаще власти, недаром на это жизнь кладут. Вот и Макашов туда же. Куда конь с копытом, туда и рак с клешней. И забавно, что Невзоров в своей передаче «Паноптикум» сделал монтаж Макашова с декабристами. Вот уж и правда, паноптикум. И мрачно-многозначительный Невзоров с четкой артикуляцией тоскует по сильной руке с автоматом.

Прав Александр Николаевич Яковлев: бедная Россия...

Бедная богатая прекрасная жалкая Россия.

— В чем наше богатство, по-вашему?

— Андрей Дмитриевич Сахаров. Солженицын. Ростропович.

Сахарова я люблю бесконечно. Читаю его воспоминания в «Знамени». Это сигналы, идущие к нам от необыкновенного человека. А, впрочем, почему необыкновенного? Быть честным, искренним в своих убеждениях — это норма. Наше общество искажено так, что норма стала редкостью. Уникальностью. Все реакции на события у Андрея Дмитриевича были нормальны. А у властей предержащих — не нормальны. Поэтому схлестнулась норма и патология. Андрей Дмитриевич всех поражал только потому, что ничего не боялся.

Фазиль Искандер дал такое определение таланту: «Талант — это инстинкт передачи информации».

Для творцов очень часто самое главное — работать, и чтобы не мешали, не трогали. А Сахаров пошел за флажки. Ему показалось недостаточным выполнять только научную программу. На нем еще лежало бремя заботы о человечестве. Он хотел, жаждал справедливости. В этом, может быть, проявился инстинкт богоискательства. Пророка.

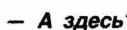
Примерно то же самое Солженицын. Он вышел из тюрьмы, напечатал «Один день Ивана Денисовича». Стал знаменит. Живи и радуйся. Но Солженицын шагнул за Эгоизм. Пошел за флажки.

— А не кажется ли вам, что они в ряде случаев являются антагонистами?

— Безусловно. Солженицын агрессивен. Сахаров терпим.

У Солженицына другой темперамент. Другой стиль. Сахаров — интернационален. Известно, что в науке много евреев. Сахаров работал в их окружении и не делил людей по национальному признаку. Для него были люди честные и нечестные, талантливые и бездарные, благородные и подлые. А уж кто ты при этом — еврей, или татарин, или русский — не важно. Человек ведь не сам выбирает себе национальность. В этом вопросе от него ничего не зависит. И гордиться лишь тем, что ты русский — все равно как гордиться тем, что ты родился во вторник. Какая твоя личная в этом заслуга?

«Новый мир» стал печатать солженицынские «узлы» и «глыбы». Появилась возможность читать все, что Александр Исаевич написал. Мне кажется, в его творчестве далеко не все равнозначно. «Архипелаг Гулаг» потрясающ, потому что документ, учебник нравственности. А, скажем, сценарий... Если бы мне такой сценарий попался по самотеку, я на третьей странице перестала бы его читать. Кондовый соцреализм. Конечно, талант имеет право работать неровно. Могут быть свои подъемы и спады. Это

так, и об этом нужно говорить, тем более если мы не хотим его канонизировать. А мы, похоже, не можем без этого. Нам обязательно нужно кого-то канонизировать.

Тем не менее Солженицын — человек века, фигура того же масштаба, что и Сахаров, только расположен в иной системе координат.

— Причисляете ли вы себя к какой-нибудь группировке?

— Я считаю, что писатель — штучный товар, должен существовать в одном экземпляре и не объединяться в коллекцию.

— Но все крупные прогрессивные писатели объединялись вокруг «Апреля».

— Я тоже решила записаться в «Апрель». Пришла в Дом литераторов и увидела активистку «Апреля» — некую критикессу. Лет пятнадцать назад был такой случай: я написала рассказ «Инструктор по плаванию». Киностудия имени Довженко заказала мне сценарий по этому рассказу. Я написала сценарий, поставил начинающий тогда Вячек Криштофович, поставил хорошо. Критикесса написала статью, хвалила сюжет, диалоги, режиссера, но как-то ни разу не вспомнила обо мне и на протяжении всей статьи ни разу не написала моей фамилии, будто этот фильм возник от непорочного зачатия. Я была молодая и обиделась. И когда я увидела критикессу — прошлая обида всколыхнулась во мне, стало противно, и я прошла мимо и не записалась в «Апрель». Решила поесть. Вошла в ресторан. В ресторане за столиком в центре зала сидел русский патриот, и его глаза горели фанатическим блеском...

Но ведь патриотизм писателя — писать талантливую литературу, и другого патриотизма у писателя нет. А некоторые нехватку способностей и трудолюбия пытаются добрать криком о патриотизме. Криком ничего не доберешь. Только устанешь. Главарь наших профессиональных патриотов испортил себе всю нервную систему, у него уже ходит плечо и дергается глаз. А воз и ныне там. Высоцкого все равно поют, Пастернака заучивают наизусть, хоть главарь и пытается объяснить народу, что это очень плохие поэты и для русской культуры бесполезные.

Я посмотрела на патриота, вежливо поздоровалась:

— Привет!

Он прошипел:

— Огоньковка.

Это значит: печатаюсь в «Огоньке».

Я подумала и сказала:

— А ты ловишь рыбку в мутной жиже.

Аппетит у меня пропал. Я уехала домой. В «Апрель» не записалась. С патриотами мне тоже скучно.

Все кончилось тем, что я вступила в группу независимых. Есть такая фракция. В нее входят Виктор Астафьев, Сергей Антонов и другие. Это любимые писатели и уважаемые мною люди. Куда они, туда и я.

— Вы часто бываете в Европе. Как вы думаете, сможем ли мы встать в ряд европейских государств?

— Наше общество очень неоднородно. Сегодняшние славянофилы не понимают, что ту Россию, о которой они ностальгируют, Россию столетней давности, не вернуть. Что они хотят? Возродить сарафаны? Купцов с бородами? За прошедшие почти сто лет цивилизация ушла далеко. Запад более однороден. И более скучен. Разговаривать «по душам» считается признаком дурного тона. Русский характер кажется мне более артистичным. Там мне скучно.

— А здесь?

— А здесь противно.

— Как же вы живете?

— Хорошо.

Когда я сижу в Москве, у меня есть мечта — уехать, попутешествовать. На сегодняшний день у меня есть два приглашения: во Франкфурт на книжную ярмарку и в Рим на презентацию своей книги. Сижу и жду, скорее бы поехать. А там жду, скорее бы вернуться, сесть за письменный стол. В магазине русской книги покупаю наши лучшие книги (там все можно достать свободно) и, если путешествие затягивается, спасаюсь Искандером, Трифоновым, Распутиным. В последнее время Распутин устремился в политику, вместо того чтобы сесть и написать еще один замечательный роман. Рассказы его божественны. Такое впечатление, что его темя не заросло и имеет прямой выход на космос. Распутин включает меня на работу. Он мне помогает. Я не могу его не любить.

— Получается, что вы всех любите...

— Я люблю не всех. Но я не хочу тратить свою душу на черное чувство. Ненависть — очень сильная эмоция, такая же, как любовь, только со знаком «минус». Она иссушает душу, и душа трескается, как земля без воды. А на иссушенной почве ничего не растет, только репьи и колючки. Любовь и всепрощение — благодатная почва, на этом можно написать хорошую книгу. Недаром религия настаивает на любви и всепрощении. Мне легче любить. А другим легче быть в конфликте. Некоторые люди испытывают потребность в конфликте. Это их подзарядка. Они заряжаются от борьбы.

— Но ведь невозможно заставить себя любить, если не хочешь.

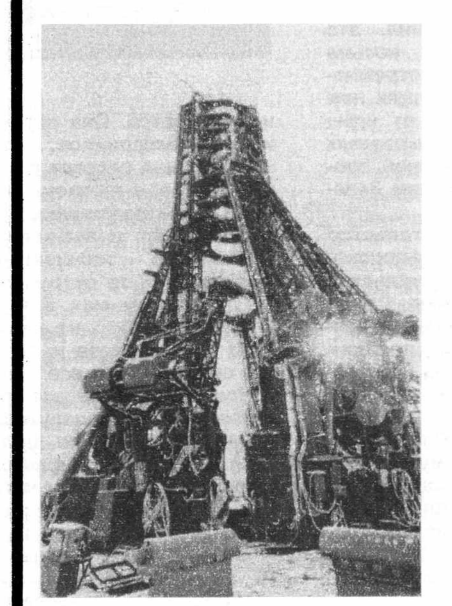
— Возможно. Не любить, конечно, но терпеть. В нас мало терпимости. Есть такой термин: несделанный человек. Он не находит нужным себя делать. Вы замечали: люди, воспитанные в демократическом обществе, никогда не бывают столь агрессивны, как наши депутаты. Они находят парламентские формулировки. А наши выходят на трибуну и зачастую выплескивают в зал заряд хамства. Зал погружается в это хамство, как в мутную воду. И нервничает. Если кухаркины дети принялись управлять государством, то пусть не привносят атмосферу кухни. А однажды на съезде РСФСР чуть не разодрались возле микрофона.

Ельцин и Хасбулатов тут же объявили перерыв. Они устремили в зал совершенно одинаковый напряженный взгляд. Не глаза. Глаза у них разные. А взгляд один и тот же. Единомышленники. На них в паре очень приятно смотреть. Двое верных в упряжке.

А между Ельциным и Горячевой шаровая молния неприязни. Как можно работать при таком напряжении? На месте Светланы Петровны Горячевой я бы не ходила на заседания. Себе дороже. И Ельцину спокойнее.

Мне очень понравилось, как Борис Николаевич Ельцин сказал о Горбунове (не путать с Горбачевым): «Это человек с позитивной заданностью». Позитивная заданность — вот о чем мы должны заботиться, воспитывать в себе. Верить, что, как в сказках, зло должно быть наказано, а добро восторжествует. И дом будет построен — удобный для всех.

Мы карабкаемся из пропасти, срываемся, снова вылезаем. Снова падаем. И все равно наверху, над нашей ямой — такое синее небо и надежное солнце, которое светит всем поровну.

✉

В статье Ю. Лушина «Космодром и люди» («Огонек» № 13, 1991 г.) о трудностях города Ленинска написано как о природном бедствии — что, мол, тут поделаешь? Простительно так писать кому угодно, но не спецкору «Огонька», который просто обязан был задать вопрос: «Почему?».

А ответ ведь очень прост. Это вовсе не стихийное бедствие. Причина как раз в тех генералах, на которых так восторженно взирал Ю. Лушин. Со дня сотворения Ленинска руководящий состав создал себе особые, льготные условия. Тут и обязательное обеспечение их квартир кондиционерами, и спецобслуживание (магазин) для командного состава и проч. Им плевать на положение несчастных молодых семей офицеров, на то, что тем негде купить дешевую мебель, даже табуретки, на то, как устроиться на работу их женам, куда девать детей (нет ни яслей, ни детсадов). Нет у них и средств, чтобы купить кондиционер (а жара там в тени +40°). Я не раз бывал в Ленинске у своих детей, и поэтому знаю, как они живут, не понаслышке.

В отличие от гражданских у офицеров нет профсоюзов, через которые они могли бы бороться за свои права. Они вынуждены молчать! И молчат — попробуй только скажи! Фактически они обмануты, никто им не сказал, что будет так. Они же связаны присягой, и обратной дороги для них нет. Безысходность!

Раз уж вы начали разговор на эту тему, то надо и довести его до конца, если вас действительно волнует судьба этих несчастных, одураченных людей.

В. НАДЕЖДИН
Миасс Челябинской области

✉

Прочитал статью Ирины Журавской «Мир. Май... Безработица?» («Огонек» № 20, 1991 г.). Да, безработица становится реальностью нашей жизни. В статье говорится о необходимости принять закон, способный защитить нас. В этой связи мне бы хотелось обратить внимание на следующее.

В нашей стране до сих пор сохраняется установленная в 60-х годах продолжительность рабочей недели в 41 час, что значительно выше, чем во многих других странах. Даже на недавно прошедшем профсоюзном форуме об этом не было сказано ни слова.

Постановка вопроса о сокращении рабочего дня в современной кризисной ситуации в стране может показаться несвоевременной. Однако следует учесть, что именно эта обстановка вызывает тяжелейший, всевозрастающий кризис в занятости трудящихся. Как известно, сейчас в стране уже несколько миллионов человек неработающего трудоспособного населения, и их число значительно увеличится в ближайшее время.

Значительная часть ожидаемых отрицательных явлений как раз и может быть предотвращена или уменьшена за счет сокращения рабочего дня хотя бы на один час в неделю. Эта мера позволит увеличить занятость 2,5 процента трудящихся и обеспечить работой свыше 3,5 миллиона человек.

С. АСЛАМАЗОВ
Тбилиси

Анатолий КРАВЦОВ

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ЗАМЕТКИ

ГРУППОВЫЕ ИГРЫ

Сейчас трудно представить депутатские баталии без участия депутатских групп. Сначала их не было. Но в самом начале I Съезда в противовес агрессивно-послушному большинству образовалась Межрегиональная депутатская группа. Через четыре дня звонко заявила о себе Группа аграрников из 417 депутатов. А еще через девять месяцев родилась группа «Союз», все более набирающая силу.

«Союзники» уже свергают со своих постов министров, замахиваются на Президента, чистят комитеты и комиссии Верховного Совета СССР. Недавно они создали свой печатный орган — газету «Политика». Без всякого сомнения, это очень влиятельная депутатская группа, весьма ловко спекулирующая на патриотизме, стремлении к единству и на генетически присущих нам имперских амбициях. В ход идет все: от игры на чувствах по поводу якобы выбрасываемых из окон беременных женщин до обвинений своих соперников в запроданности разведкам Запада.

Но, несмотря на высочайшее покровительство и искусство манипулирования машиной голосования, «союзникам» и парламентскому начальству не всегда удается проводить свою линию. Слишком очевидным даже для не посвященных в тонкости политической борьбы является поощрительное предоставление им микрофонов на съездах и сессиях, на телевидении, радио, страниц коммунистической партийной печати.

Поэтому пришлось создавать другие подобные формирования, например, «Группу коммунистов». Благо это легко было сделать, так как члены правящей партии составляют подавляющее (в прямом и переносном смысле) большинство в депутатском корпусе. На союзном Съезде их около 90 процентов — 1900 человек. Но записались в группу, правда, не все, а только 741 член КПСС. Язык не поворачивается называть такую уйму людей группой, скорее это полк, ну, если кому-то нравится название женского рода — дивизия. В нее записались и около полусотни депутатов безальтернативно избранной в узком кругу «красной сотни», многие «союзники» и многочисленные партийцы, совмещающие пребывание в этой группе с участием в других.

На фоне этих семи сотен членов девятнадцатичленная социал-демократическая группа кажется вообще карликовой. Хотя и весьма боевой. Ее участники Н. Сазонов, Н. Тутов, А. Оболенский и другие часто выступают на съездах и сессиях. Как им заткнуть рот? Не может же КПСС остаться на равных, нужно наращивать преимущество. Пожалуйста, вот вам еще — группа «Отечество» числом в 124 члена — дополнение к «Союзу» и «Коммунистам». В нее вошел почти весь депутатский генералитет — от действующих начальника Генштаба, главкомов, командующих военных округов до различных «экс». Здесь В. Чебриков, В. Шабанов, А. Лизичев, другие экс-начальники. Конечно же, здесь и генерал Макашов. Такого числа генералов, адмиралов не сыскать более ни в одной депутатской группе в мире.

Как бы в противовес этой армейской группе образовалась значительно меньшая — «За радикальную военную реформу». На IV Съезде 25 декабря в ней зарегистрировались 50 человек в званиях от полковника до ефрейтора запаса. И ни одного генерала или маршала. Кто же будет делать эту самую реформу?.. Интересная деталь — информация к размышлению: из 50 только 13 депутатов от общественных организаций. Общественные организации тоже не хотят реформы? Для сравнения: в «Отечестве» «общественных» депутатов более половины, в межрегиональной — менее восьмой части.

Идем дальше. Четырехсотенная группа аграрников впитала в себя как аграрный генералитет в лице директоров совхозов, агроуправляющих, председателей колхозов, так и некоторых эксмаршалов этого сектора, таких, как Е. Лигачев, В. Никонов, В. Месяц. В нее входят и некоторые живущие на селе депутаты, например, Н. Касьян, известный не только своим замечательным искусством целителя, но и знаменитым высказыванием, что студенты могут устраивать голодовки, чтобы нам продуктов больше оставалось. Сказано это, когда еще о всеобщей голодухе в стране и разговоров не было, но как актуально это сейчас! Эта группа часто проявляет себя защитницей старых устоев и порядков.

Академики и доктора объединяются в «Академическую группу», всего 87 человек.

«Группа депутатов-рабочих» в особой рекламе не нуждается. Она столь же многочисленна, как и группа аграрников, и столь же бедна беспартийными. В ней состоят такие представители правящей партии и гегемона, как В. Ярин — разоблачитель проштрафившихся следователей, он же — экс-оператор и экс-член Президентского совета, Г. Леженко — экс-шахтер, то и дело обзывающий межрегионалов разными словами.

Группа «Знание». Всего 56 депутатов числится в ней. Среди них не нуждающиеся в представлениях В. Медведев и А. Сухарев, Н. Петрушенко. Уж они-то точно все знают.

Боюсь, читатель уже утомился от перечисления названий групп и запутался в них. Но прошу извинения и продолжаю. Дальше буду давать только название группы и фамилии некоторых наиболее известных широкому читателю активных членов.

«Группа воинов-интернационалистов» — 52 человека (С. Ахромеев, В. Лобов, Б. Громов...).

«Научно-промышленная группа» — 90 человек (Б. Гидаспов, А. Вольский, Т. Исмаилов...).

«Группа по вопросам развития культуры» — 112 человек (А. Дзасохов, Р. Нишанов, Б. Олейник, Т. Хренников...).

«Группа содействия научно-техническому прогрессу» — 90 человек (О. Бакланов, А. Крайко...).

Есть еще группы «Справедливость», «Жизнь», «К гражданскому обществу», «Экологическая депутатская группа», «Группа молодых народных депутатов», «Группа народных депутатов от автономных образований», «За конструктивное взаимодействие», «Депутатская группа Сибири и Дальнего Востока». Ох, кажется, наконец-то все перечислил.

Всего 23 депутатские группы, 3924 группо-депутатов. Среднегрупповой охват равен двум, то есть среднестатистический депутат является двучленом. Правда, при этом некоторые депутаты вовсе не охвачены групповщиной (бесчлены), то ли по причине их отсутствия при регистрации, то ли по принципиальным соображениям. Зато многие из них умудрились заявить свое членство в трех, четырех, пяти группах. Немало и депутатов-шестигруппников. Представительница женсоветов В. Рогожина — одна из них. Это она столь яростно и настойчиво помогала своему товарищу по группе «За конструктивное взаимодействие» А. Крайко вышибать из председательского кресла межрегионала Ю. Рыжова, своего одногруппника по «Академической группе». Правда, неудачно. И не в последнюю очередь потому, что член «Группы рабочих» доктор юридических наук Ю. Калмыков поддержал опального, в самый критический момент напомнив заседавшим об «интересах дела, закона, чести, совести». Кстати, он состоит и в «Группе коммунистов» вместе с трехчленом Т. Пупкевичем, четырехчленом П. Клищуком и другими многочленами, тоже пытавшимися повалить Ю. Рыжова и завалившими многих межрегионалов (А. Мурашова, В. Лопатина, С. Сулакшина и др.), не допустив их в комитет по науке.

Есть и семичлены. Например, доцент из Омска Е. Ким, один из представителей «Союза», состоит и в дивизии коммунистов, и в полку рабочих, и в «Знании», и среди поборников культуры, и среди сибиряков, и очень конструктивно взаимодействовал с А. Крайко и В. Рогожиной, о чем сказано выше. Майор В. Золотухин — восьмичлен.

Есть десятичлен. Надеюсь, достаточно заинтриговал читателя. Кому не интересно узнать его имя? Сообщаю: это доктор наук из Ижевска Н. Энгвер. Но единственный ли он? Абсолютный ли чемпион? И нет ли еще более активных депутатов? Дальнейшие раскопки покажут.

На фоне столь обильного многочленства удивительным может показаться одночленство Н. Рыжкова, бывшего в момент регистрации еще главой правительства и отвечавшего за всю страну, за соблюдение интересов всех групп. Почему? Может быть, потому, что помнил, секретарем ЦК какой партии он был до премьерства, а может, уже тогда метил в президенты... РСФСР?

Благодарю тебя, мой дорогой читатель, за долготерпение. Сколько названий и фамилий отягощают этот текст! Но извиняю себя тем, что тебе, возможно, интересно узнать о таком группотворчестве.

А теперь хватит цифр и перечислений. Задумаемся: зачем нужно столько групп? Скажете: плюрализм. Может быть, может быть. Трудно возразить против образования, например, группы депутатов-медиков «За охрану здоровья народа», куда вошли всемирно известные Н. Амосов, Н. Касьян. Или группы «За радикальную военную реформу», ведь идеей реформирования нашего милитаризованного общества одержимы многие депутаты — и военные, и штатские. Ясно назначение МДГ, «Союза» и «Группы коммунистов», «Группы социал-демократов», но зачем такое обилие прочих, поло-возрастных, территориальных, отраслевых групп, в которых, кстати, большинство являются или членами КПСС, или «союзниками»?

Отраслевой подход насквозь пропитал все поры нашей политической жизни, и этот, так назовем его условно, отраслевизм ловко используется господствующей партийной верхушкой. Он как ширма, как зонтик для прикрытия ее деятельности. Правда, при этом возникают и независимые от нее депутатские образования, в основном малочисленные и мало влияющие на ход событий в стране. Они не смогли, например, защитить межрегионалов С. Сулакшина, В. Лопатина, А. Мурашова, А. Казамарова и других от выщелкивания оных из комитетов и комиссий Верховного Совета. Оставшиеся в комитетах межрегионалы находятся там постольку, поскольку это допустил, по меткому выражению А. Мурашова, директор Верховного Совета А. Лукьянов и поскольку не помешал этому Р. Нишанов, называющий почти каждого депутата своим другом.

Проводившаяся впопыхах, под занавес IV Съезда народных депутатов регистрация членства в группах у некоторых вызывает снисходительные улыбки. Депутаты только успевали нажимать кнопки, а многие, видимо, и не успевали.

Как говорят, все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Объединившись в Съезд для решения единой задачи преобразования тотально-бюрократического общества в демократическое, народные депутаты разбегаются по группам, хотя есть палаты, комитеты и комиссии почти одноименных названий. Но, к сожалению, нет пока партий. Партия-монополист, которой является КПСС, олицетворяет государство в целом. С кем она боролась ранее, кого представляла? Называясь пролетарской, а сейчас партией социальной защиты, она была и есть маскировочная сеть и прибежище генералов и генеральных директоров и управляющих, министров и председателей. Остальные в этой партии — ширма, камуфляж и источник финансирования. Аппарат такой партии, переливаясь и трансформируясь, проникая во все поры, во все ячейки, продолжает свое управляющее действие, приспособившись к новым условиям и прикрываясь новейшей фразеологией. Так было, так пока и остается, партия без конкуренции принципиально нереформируема.

Не смешно и то, как эта партия руками и устами своих представителей во влиятельных группах блюдет чистоту депутатских рядов. Напрасно на недавнем объединенном Пленуме ЦК и ЦКК КПСС один из членов Политбюро, С. Гуренко, сокрушался, что партия не занимается кадровыми вопросами. Еще как занимается! Посмотрите, к примеру, как проучили народного депутата-антикоммуниста С. Сулакшина, требовавшего суда над КПСС!

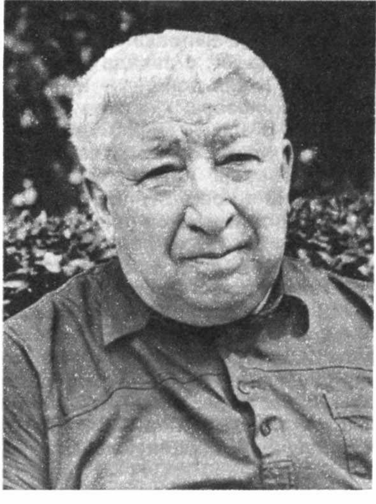
Читая стенограмму Съезда и списки членов групп, трудно отделаться от впечатления, что наших депутатов будто кто-то умело выставляет на посмешище, что многие из них попались в ловко расставленные капканы с вывеской «группа». Не послушали они Козьму Пруткова, который много раз говорил «Бди!». Втянулись в игру, надеясь получить иногда доступ к микрофону.

Когда уже закончил статью, увидел любопытное объявление в Верховном Совете СССР. Оно заслуживает быть хотя бы частично процитированным: «Самоорганизовалась инициативная группа... с целью сплочения различных депутатских групп в широкую коалицию для успешной реализации антикризисной программы...» Представители десяти групп призывают всех других принять участие в коалиции. Уже и название коалиции есть — «За прогрессивные реформы», вариант — «Прогресс и согласие». Итак, появляется новое формообразование — коалиция. Что дальше?

Расул ГАМЗАТОВ

Последние два года Расул Гамзатов работал над новой книгой стихов в формах дагестанской народной поэзии: обрядовых песен, плачей, колыбельных, притч, двустиший и четырехстиший... Предлагаем читателю некоторые стихи из этой книги.

ИЗ НОВОЙ КНИГИ «КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ»

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ЖЕНЕ

Ушло, растаяв, летнее тепло.
Спустилась осень в наш отцветший сад.
В горах от снега вновь белым-бело.
Спи, Патимат. Спи, Патимат.

Спи, огонек в моей шальной судьбе,
моих дорог полночная звезда.
Рассказывают только о тебе
летящие по свету поезда.

Стремится к солнцу каждая гора.
В ущелье скрыться тучи норовят.
И на земле то стужа, то жара...
Спи, Патимат. Спи, Патимат.

И пусть сквозь сетку сомкнутых ресниц
вливается в мои стихи твой взгляд.
Я в пении на юг спешащих птиц
твое лишь слышу имя, Патимат.

Спи, стройная гимринская лоза.
Спи, тополь из Гуниба. И во сне
пусть листья, что дрожат как паруса,
напомнят снова о твоей весне.

Пусть где-то в недоступном далеке
плывут суда и лайнеры летят,
пусть льют дожди и на моей щеке
пусть капли шепчут имя Патимат.

Мы каждый день наш будем вспоминать.
Какие дни еще нам предстоят?..
Я в мир пришел, чтоб сон твой охранять.
Спи, Патимат. Спи, Патимат.

Лампада жизни, свет ночей и дней,
ягненок белый посреди полян,
ты бирюзы из Персии ценней,
прямее пальм Аравии твой стан.

Такой тебя я вижу, мой кумир,
такой тебя я в нашей жизни знал.
И нет страны, которую б назвал
я «Патимат». Ты не страна — ты мир.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ РОДИТЕЛЯМ

Горы, горы стеною стоят.
Спит утес, словно всадник в седле.
Только думы Расула не спят,
ходят-бродят по грешной земле.

Эта в снежной папахе скала —
мой отец. А поляна под ней —
моя мать. Их навеки взяла
память в храм для любимых людей.

Спите, спите, мои старики.
В небе — звезды, в низинах — огни:
жизнь течет, словно воды реки,
и ночами сменяются дни.

И как свет от далекой звезды —
нежный знак материнской любви
и поэзии гордой следы,
что в моей и отцовской крови.

Спите, спите, мои старики.
Пусть проходят года стороной.
В завершенье последней строки
вы придете, родные, за мной.

А пока я ваш сон охраню.
Час придет — вас в горах догоню.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ В КРЕМЛЕ

Царь-колокол в Кремле, молчавший сотни лет,
вдруг (так приснилось мне) заговорил.
Набатно загремел. И колоколу вслед
царь-пушка расходилась что есть сил.

Какая вновь напасть на землю к нам пришла?
Какой пожар грозит спалить наш дом?
Тот гулкий звон страна как будто бы ждала,
как будто бы ждала тот дальний гром.

Что будят в нас они? Способны ли помочь
надежды робкой не помять цветы?
Все в корне изменить, как день сменяет ночь,
и дело отделить от суеты?

Курантов бой почти не разобрать. Лишь гул,
тревоги гул гудит, невыносим.
И словно камнепад державу захлестнул,
Чернобылей страшней и Хиросим.

Царь-колокол в Кремле, я слышу твой набат,
но признаюсь, что мне всегда милей
звон колокольчиков, когда они звенят
у колыбелей маленьких детей.

Я слышал пушек гром —
страшней лишь Страшный суд.
Я видел: пушки тащат на руках...
Но видеть мне милей, когда легко несут
Красавицы кувшины на плечах.

Мечтаю я: пусть все колокола сольют
в честь матерей мелодии свои.
А если в пушки бить, пусть будет то салют
во славу женщин, мира и любви.

Спи, колокол. Спи, пушка. Спите, спите,—
свидетели неслыханных событий...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ СЕБЕ

Спи, Расул Гамзатов, баюшки, Расул.
Далеко остался твой родной аул.
Как в песок уходят вешние ручьи,
так уходят песни вещие твои,
и уходят в вечность годы навсегда,
и надежды гаснет дальняя звезда.

Спи, цадинский мальчик, спи, аварский сын,
в домике отцовском уж остыл камин,
и побито поле вдоль и поперек,
и друзей старинных ты не уберег.
Или жизни тоже нужен перекур?
Или ветры дули злые чересчур
и могучий ствол твой ураган согнул?
Спи, Расул Гамзатов, баюшки, Расул.

Что-то происходит с нашею Землей!
То ли вдруг дорога сделалась кривой?
То ли время встало, вдруг лишившись крыл?
Слышишь: разбивают камни у могил,
памятники сносят с боевых полей,
и несут тревогу клики журавлей...
Снег зловеще-черный сыплет с высоты,
а на снеге мерзнут белые мечты.
Эхо страшных взрывов носится в горах,
и ложатся стены под ноги как прах.
И твоя отныне не летит, легка,
пред лицом Корана грешная строка.

Спи, Расул Гамзатов, баюшки, Расул.
Ты одной лишь теме в жизни присягнул —
ты всегда молился дружбе и любви,
что ж, и ныне тоже их благослови.
Время предлагает каверзный вопрос:
в этом грешном мире как ты жил и рос?
Смысл и цену жизни смог ли ты понять?
Снизошла ль к поэту божья благодать?

Что ответить людям? Промолчать нельзя.
Шепчешь ты молитву, руки вознеся,
а колени сами гнутся до земли,
и летят над миром песней журавли.
И джигит джигиту руку протянул...
Спи, Расул Гамзатов, баюшки, Расул.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ЦЕНЗУРЕ

Дракон у входа к сердцу родника,
медведь, глядящий на пришельцев хмуро,—
о, как чужда тебе моя строка,
поэта стерегущая цензура!

Я в мир пришел, чтоб снять покровы с тайн,
освободить от паранджи красавиц,
и потому, цензура, ты отстань,—
мне трудно петь, с тобой соприкасаясь.

Ты камушек, забравшийся в башмак.
Ты боль зубная. Ты нарыв на коже.
Ты с ниткою иголка, что никак
мне рот зашить, хоть хочет, да не может.

Ворота тюрем я открыть мечтал,
но ты всегда у тех ворот стояла.
Когда я вдруг беспечность проявлял,
ты бдительность немедля проявляла.

Поэт обязан слабых защищать.
А ты всегда служила сильным свято
и тем купила право запрещать
иль разрешать рассветы и закаты.

Чтоб я за оскорбленных не болел,
держала наготове ты лекарство.
И если тихо «родина» я пел,
ты редактировала тотчас «государство».

Моих мелодий и моих картин
ценителем назначила себя ты.
И незаметно все — не я один —
перед тобою стали виноваты.
Но сочтены твои, цензура, дни,
и ты отныне не номенклатура.
Ты долго не дремала. Так усни.
И спи спокойно... вечным сном, цензура.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПРАВДЕ

Уснула правда в мягкой колыбели.
Бушуют ветры, как в канун зимы.
И каждый день, как первого апреля,
друг друга все обманываем мы.
И песнь любви теперь звучит все реже,
и песня чести оборвалась вдруг,
и часто слышу я зубовный скрежет
там, где я раньше слышал сердца стук.

О подвигах, увы, давно не слышно,
и наша цель все менее ясна...
За что же покарал ты нас, Всевышний?
Неужто мы не вспрянем ото сна?
Нет, песня, нет, не умолкай вовеки.
Дай правде силу. Пробудиться дай.
Когда гроза, когда взбухают реки,
то, значит, ждет нас добрый урожай.

Перевод Георгия МЕЛИКЯНЦА

«Все говорят: Кремль, Кремль. Ото всех я слышал про него, а сам ни разу не видел. Сколько раз уже (тысячу раз), напившись или с похмелюги, проходил с севера на юг, с запада на восток, из конца в конец, насквозь и как попало — и ни разу не видел Кремля». Это из Ерофеева. «Москва — Петушки», помните?

Так и с нашей инфляцией — она вроде бы была и есть, и вроде бы ее вплоть до недавнего времени не было вовсе. У них, капиталистов,— сколько угодно, у нас — ни в коем случае. Что уж тут говорить о подсчете реального индекса инфляции — тайна была за семью печатями. Да и кто пытался ее разгадать?

Впрочем, надо признать, что до 1988 года официальная точка зрения на инфляцию была недалека от истины. Действительно, обесценивание денег носило вялотекущий характер и проявлялось в основном в исподволь накапливающемся и все больше раздражающем народ дефиците. Народу его более или менее складно объясняли объективными причинами, в объяснения более или менее не верили. Все это напоминало ленивую и привычную семейную свару.

ЗАЧЕМ НАМ СТОЛЬКО ДЕНЕГ?

Никита КИРИЧЕНКО,
Андрей ШМАРОВ

Первый сигнал раздался в 1989 году. Вдруг как-то неожиданно быстро ухудшилось положение на относительно благополучном до этого рынке непродовольственных товаров. Исчезли из продажи цветные телевизоры, проигрыватели и магнитофоны, холодильники, модная одежда. Подскочили «черные» цены на мебель, автомобили, загородное жилье. Обострение ситуации было столь резким и непонятным, что породило самые неожиданные, если не сказать, экзотические объяснения, типа того, что все, мол, вывозят поляки и вьетнамцы.

На самом деле причина заключалась в том, что к этому моменту дали себя знать незадолго до того принятые законы о государственном предприятии и кооперации. Точнее говоря, сработали не сами законы, а заложенные в них и никем не учтенные два механизма.

Первый связан с открывшейся возможностью перевода безналичных средств со счетов государственных предприятий и организаций на счета кооперативов с последующим их «обналичиванием». Спохватились довольно быстро — навыпускали запретительных постановлений, писем, инструкций, но было поздно. Вода дырочку найдет.

Второй механизм заключался в образовании и активном расширении новой для советского общества социальной группы. Ее состав весьма неоднороден, и то общее, что объединяет входящих в нее людей, можно охарактеризовать, пожалуй, лишь одним признаком — желанием зарабатывать деньги. Обычно эту группу сужают до бизнесменов от новой, альтернативной экономики. Однако это не совсем так. Здесь и высококвалифицированные наемные специалисты — врачи, инженеры, программисты, строители, экономисты, подрабатывающие по договорам и получающие не предпринимательский доход, а большие заработки по труду.

Вновь сформировавшаяся социальная группа (на Западе ее называют Upper middle class — средневысокий класс) и сделала погоду на рынке. В самом деле, представьте себе ситуацию: стопятидесятирублевый программист или бухгалтер вдруг получает большой и неожиданный заработок. Его действия? Нетрудно догадаться — покупка

Коллаж Александра КОВАЛЕВА (младшего).

приличного костюма вместо лоснящегося, а то и нового пальто на зиму. А если этот заработок систематический? Возникает и реализуется (!) наполеоновский план — покупается цветной телевизор. Более того. У некоторых сорвиголов закрадывается и вовсе сумасшедшая мысль о собственной машине.

Эйфория первоначального обустройства быта была радостной, но недолгой. Примерно к середине прошлого года возрастающие потребности и растущие доходы вошли в совершенно не диалектическое, а, напротив, в вульгарное противоречие со спадом производства. Инфляция приобрела новое качество. Поэтому о событиях 1990 года немного подробнее.

По нашим оценкам, индекс инфляции должен был составить в 90-м году 10—11%, что соответствовало бы уровню 89-го года. Однако плановые показатели по объему наличной эмиссии (10 миллиардов рублей) были перевыполнены еще в первом полугодии, а к концу года, по различным оценкам, выпуск денег в обращение составил 22—25 миллиардов рублей. Намеченный рост доходов населения в прошлом году был превышен на 7%, фактическое превышение доходов над расходами составило 285% от уровня плановых цифр. В итоге реальный уровень инфляции составил в прошлом году 23%. Красноречивые цифры, не правда ли? Куда нам столько денег? На что?

Но этого мало — в том же 1990 году инфляция приобрела ряд новых, специфических черт.

Первая из них связана с распадом потребительского рынка и соответственно денежного оборота на локальные, замкнутые сектора.

Этому способствовало как неравномерное повышение цен в регионах (по решению местных властей), так и несогласованное введение талонов, купонов, таможенных ограничений на организованный вывоз товаров. В результате произошла резкая дифференциация темпов инфляции — от 50—70% в Прибалтике до 3—9% на Украине. Наличный рубль стал все меньше походить на единую государственную валюту.

Кроме того, нарушился привычный для нашей банковской системы кругооборот денег по территории страны. К концу прошлого года, по нашим оценкам, резко ускорился вывоз денег из Прибалтики, Украины и Москвы, то есть из тех мест, куда раньше традиционно ввозились (в стихийном порядке) значительные суммы наличности.

Другая особенность инфляции, сложившаяся во второй половине года,— эффект истерии продавца.

Суть его заключается в следующем: торгово-посреднический капитал, пока он находится в денежной форме, довольно интенсивно обесценивается. В этих условиях торговые фирмы заинтересованы в максимально возможном ускорении оборота капитала. Однако и у него есть свой предел. И когда норма торговой прибыли, получаемая за один оборот, становится меньше индекса инфляции за то же время, торговые фирмы вообще прекращают превращать свой капитал в деньги. Зачем им реализовывать товары по равновесным ценам (ценам спроса и предложения), растущим в меру индекса инфляции? Выгодно продать свое за такую сумму, которая, будучи вложена в банк (или в акции), приносила бы, с учетом инфляции, привычную прибыль. Можете вообразить, какие будут цены у таких продавцов?

Первые признаки «истерии продавца» уже начинают проявляться. Об этом свидетельствует значительный рост цен в свободных секторах («черный» и колхозный рынок, коммерческие цены в комиссионных магазинах). Здесь сплошь и рядом складываются совершенно фантастические цифры и пропорции. Характерный пример: когда весь центр Москвы недавно был заставлен восьмидесятирублевым виски «Тичерс», те же бутылки в комиссионных тянули вдвое-втрое больше. Цены тем самым приобретают запретительный характер, а процесс переходит в новое качество — фазу гиперинфляции.

Наконец, в условиях нарастающего дефицита и непредсказуемых цен покупатели вообще не хотят расставаться с наличностью. Начиная с июня 1990 года остатки денег на руках у населения стали расти быстрее, чем вклады в сбербанке. В Москве, Ленинграде и еще 30 регионах России сумма вкладов населения даже стала уменьшаться, в том числе и за счет возврата населением сертификатов и казначейских обязательств.

В итоге привычный круг денежного обращения почти прервался. Далее события стали меняться как на поле боя.

В недавнем ноябре — повышение процентных ставок сбербанка.

В сочетании с распространением слухов о готовящейся денежной реформе эта мера дала позитивный эффект — прирост вкладов сразу составил 12,3 млрд. руб., что на 36,5% больше, чем за аналогичный период прошлого года. В результате удалось сохранить наличную эмиссию в рамках плана. Надолго ли?

Уже в январе стало тревожнее: клиентов сбербанков стало меньше.

В итоге — перспектива дефицита банковского кассового баланса в размере около 10 млрд. руб. Случись это — и было бы нечем платить зарплату и пенсии.

В этих условиях был предпринят резкий отвлекающий маневр: изъятие из обращения 50- и 100-рублевых купюр.

Эта акция требует комментария, к которому мы, к сожалению, не готовы, поскольку никаких видимых объяснений происшедшему ни в сфере экономической теории, ни в области здравого смысла не усматриваем.

Тем не менее из 51,5 миллиарда рублей имевшихся в январе в обращении крупных купюр было изъято около 4 миллиардов. Кроме того, в последнюю неделю января напуганный народ в ожидании продолжения обмена отнес в сбербанк 7 миллиардов рублей. В результате «экономического чуда» кассовый дефицит был заткнут. Но ненадолго. В первой половине февраля приток денег в казну снова упал, за две недели было внесено лишь 3,5 миллиарда рублей, что катастрофически мало. Положение изменилось лишь после распространения во второй половине февраля — начале марта слухов о приближающейся реформе цен, а также объявленных 19 марта намерениях правительства провести индексацию вкладов. В итоге с середины февраля до апреля население доверило на хранение государству более 15 миллиардов рублей.

Таким образом, нарастание масштабов инфляции в период с октября 1990 года по апрель 1991 года привело к своеобразной конвульсивной динамике денежного оборота, регулировать который стало возможно лишь при помощи чрезвычайных мер.

Другой главной особенностью инфляции в первом квартале нового года стало ее полное переключение в ценовое русло. По данным Госкомстата СССР, рост цен (без учета «черного» рынка и тарифов на услуги) составил в январе 7%, в феврале — 5,9%, в марте — 6,9%. Подавленная инфляция впервые стала явной и куда как понятной. Осталось лишь официально узаконить это событие, что и произошло 2 апреля.

Предварительные расчеты к реформе цен предполагали их повышение на 65—75%. Однако, по-видимому, при проведении этих расчетов не было учтено, что эффект «истерии продавца» захватит не только негосударственные секторы экономики. В результате введения с 1 января 1991 года новых оптовых цен их общее повышение составило 83% против расчетных 60%.

В результате после 2 апреля, когда применение договорных цен было существенно расширено и в государственной розничной торговле, они стали неизмеримо выше, чем это предполагалось разработчиками реформы.

По итогам независимой регистрации цен (об этом ниже) выяснилось, что в апреле по тем товарам, которые реально продаются в магазинах, рост цен составил 2,6 раза (по оценке Госкомстата СССР — 2 раза). Продукты питания подорожали при этом в 2,5 раза, предметы гардероба и обуви — 2,5—3,0 раза, в том числе детского ассортимента — в 4,3 раза.

По нашему мнению, здесь сказался основной порок схемы проведения реформы «от издержек», а не от платежеспособного спроса населения. В результате по многим товарам новые цены значительно превысили равновесный уровень. Учтем к тому же, что и реакция населения на повышение цен проявилась не в полной мере, так как определенную стабилизирующую роль играют довольно солидные — по оценкам, примерно на 150 миллиардов рублей — запасы товаров текущего и периодического спроса, накопленные людьми до реформы цен.

Последнее обстоятельство требует предельно внимательного и настороженного отношения. Нам неизвестно, насколько тщательно правительством Павлова были проиграны возможные сценарии реакции населения на резкий скачок цен. Объективно эту реакцию предугадать крайне сложно — ведь подобные эксперименты пока никогда еще не ставили. А кроме того, насколько мы знаем, вплоть до последнего времени у соответствующих государственных служб не было работающей системы оперативного учета изменений цен. О каких же прогнозах может идти речь, если нет информации?

Тем не менее мы попробовали сделать некоторые прикидки. Их результат основывается на данных так называемой потребительской корзины, разработанной нами вместе с коллегами год назад. Главное отличие метода корзины от традиционной государственной статистики заключается в том, что фиксируются те цены на покупки, которые непосредственно заплатил покупатель, тогда как официальная статистика ориентируется скорее на цены государственной торговли. Именно поэтому метод учитывает и цены у спекулянтов, и на толкучках, и переплаты в государственных магазинах. Отслеживаются даже закрытые распродажи. Вот что показали наблюдения за ценами в период до 2 апреля. Индекс стоимости жизни горожан за последний год вырос на 52%. Эта оценка выше официальной, зафиксировавшей удорожание жизни примерно на одну треть. При этом довольно резко сократился ассортимент товаров, имеющихся в продаже. Так, если в марте прошлого года из 159 наблюдаемых нами позиций непродовольственных товаров в государственной торговле отсутствовало 42 наименования, то сейчас — уже 104.

Цены колхозного рынка выросли в целом в 3,1 раза, в 3,7 раза — рынка «черного». В наименьшей степени, по данным наблюдений, повысились цены новой кооперации — на 36%. Это, кстати, существенно меньше, чем в государственном секторе (рост — 50%). По всей видимости, кооперация нашла свою «экологическую нишу» на потребительском рынке и более или менее в ней обосновалась. А даже минимальная уверенность в ведении дел привела к относительной стабильности. Впрочем, это и понятно. Еще нобелевский лауреат экономист Милтон Фридман показал, что менее эффективная, но стабильная экономика предпочтительнее эффективной и нестабильной.

Вырисовываются и абсолютные «лидеры» в гонке цен. По продуктам питания это овощи, реализуемые в государственных магазинах. Цены на них подскочили более чем в 10 раз. Почти в 4,5 раза подорожали алкогольные напитки в общепите, во столько же — птица на колхозных рынках.

Среди предметов гардероба вне конкуренции оказались товары в комиссионных магазинах. Цены на куртки здесь увеличились более чем в 14 раз, на обувь — более чем в 10. Не ударила в грязь лицом и государственная торговля. Средние цены на брюки подскочили за год более чем в шесть раз.

Показательны итоги годовой динамики стоимости жизни различных категорий населения. Мы выделили три условные группы. Первая — люди низкого достатка, на уровне черты бедности. Вторая — среднеобеспеченные, большинство населения. Третья категория — люди высокого достатка, ориентирующиеся на среднеевропейский потребительский стандарт.

Исследование показало, что стоимость корзины первого типа выросла за год со 108 рублей в месяц до 164 рублей (+ 51,9%), причем только за март прирост расходов составил 5,2%. Отметим, кстати, что уровень и динамика стоимости жизни этого потребительского типа примерно совпадают с прожиточным минимумом городских жителей.

Для самого массового, второго типа корзина удорожала с 320 до 465 рублей, или на 45%. Абсолютный лидер — третья группа, высокодоходные граждане, стоимость жизни которых возросла с 875 до 2255 рублей, или в 2,6 раза. Благополучная жизнь, как видим, дорожает быстрее всего — типичный инфляционный феномен. Отметим также, что резко увеличился разрыв между жизненным стандартом бедных и богатых — за год наблюдений с 8,1 раза до 13,8 раза. Имущественное расслоение общества нарастает.

Анализ данных апрельского наблюдения цен показал, что стоимость корзины потребителей третьего типа выросла в апреле до 3310 рублей на человека в месяц. По сравнению с мартом прирост расходов этого типа потребления составил 46,8%.

Наиболее зримо выросла стоимость жизни самого массового — второго — типа. Теперь, чтобы сохранить привычные масштабы покупки товаров, придется тратить уже более 1160 рублей против 465 рублей в марте.

Теперь понятно, что и этот тип после реформы цен нельзя уже называть массовым, ведь большинство населения должно будет покупать товары подешевле, не обращая внимания на качество.

Кроме того, по прогнозам экспертов, большинству наших сограждан придется урезать свои потребности — в этом случае они не будут отличаться от потребителей первого типа.

А раз так, то уровень доходов, который может гарантировать прожиточный минимум после повышения цен, составил в апреле 350 рублей в месяц. То есть по сравнению с мартом стоимость минимального потребительского набора выросла на 186 рублей, или на 113%. В мае прожиточный минимум вырос еще на 4% и достиг 364 рублей в месяц. А это значит, что половина жителей СССР оказалась за чертой бедности. Понимаем ли мы, что это такое?

Здесь мы, наконец, подходим к сакраментальному вопросу: что делать? Очевидно, что отвечать на него крайне

сложно. Хотя, впрочем, кому как. По нашим наблюдениям, ученые-экономисты довольно отчетливо делятся на две группы. К первой относятся эксперты академического толка, склонные к советам, обобщениям, пророчествам на грани ясновидения, не без пера, охотно публикующиеся в политизированной прессе. Вторые — погрязшие в цифрах аналитики, которые не то что обобщать — леса за деревьями увидеть не способны. Золотая середина встречается крайне редко.

Авторы статьи относятся скорее ко второй группе, поэтому советовать не рискуют. Однако готовы сослаться на свежий документ.

В середине апреля Совет Министров России представил в Верховный Совет республики новую программу правительства по стабилизации экономики и переходу к рынку. Один из основных авторов программы — бывший ученый-экономист, а ныне заместитель министра образования РСФСР Евгений Сабуров.

Основная черта нового проекта — его ясная ориентация на незамедлительное формирование в Российской Федерации жизнеспособных и работающих рыночных структур. Для этого в документе предусмотрен комплекс мер, осуществить которые предполагается уже в самое ближайшее время. Читатели о них почти не слышали, поэтому не грех рассказать хотя бы вкратце.

Либерализация экономики. ***Речь идет прежде всего о снижении налоговых ставок на инвестируемую прибыль, дивиденды, личные доходы граждан. Существенно высвобождаются цены, резко расширяются права предприятий и населения в области валютных сделок. Ограничивается сфера государственного вмешательства в экономике — ранее централизованно распределяемые ресурсы переправляются на товарные биржи, инвестируется и распродается с молотка «незавершенка». При этом властными способами снимаются ограничения на свободное движение товаров по всей территории республики.***

Защита от внешних воздействий на российскую экономику. Она предполагает выработку экономических договоров с другими союзными республиками, а также меры по ограничению деструктивных воздействий центра на хозяйственную политику РСФСР.

Договариваться с союзным правительством Россия намерена согласно программе лишь в части вопросов денежной эмиссии, общих проблем финансов, ценообразования, внешнеэкономической деятельности и таможенной политики. Вместе с тем в документе весьма недвусмысленно названы рычаги защиты от центра — законодательный запрет на всевозможные конфискационные эскапады, безотносительно, направлены ли они на деньги частных лиц (сбережения), или предприятий (средства на счетах). Юридически закрепляются и республиканский суверенитет на денежное обращение, валютное регулирование, налоги.

Контроль за расходами бюджета. ***Россия намерена предельно внимательно рассмотреть все правительственные инвестиционные проекты и прекратить финансировать все грандиозное, но бесполезное. Предполагается провести массовую инвентаризацию бюджетных организаций и бюджетных трат и ликвидировать неэффективные. Сокращается бюджетное финансирование капитальных вложений и дотаций убыточным предприятиям.***

Приватизация государственной собственности. ***Крупная промышленность в случае перехода под российскую юрисдикцию будет защищена от распыления капитала. В то же время организованные на ее основе акционерные общества получат поддержку в модернизации производства, привлечении иностранного капитала, выходе на внешний рынок.***

Небольшие предприятия, магазины, службы сервиса предполагается просто распродать. В течение 1991 года перейдут в коллективную и частную собственность 19 тысяч магазинов, 12 тысяч точек общепита, 15 тысяч предприятий Росбытсоюза. В течение весны — лета этого года будут распроданы «все сферы, обслуживающие сельское хозяйство».

В части социальной защиты населения программа предусматривает законодательно устанавливаемый минимум заработной платы, его привязку к росту стоимости жизни, индексацию денежных доходов населения. Предполагаются также административные меры по предотвращению дальнейшего развала системы здравоохранения. Обращает на себя внимание широкая программа помощи молодым семьям — кредиты на строительство жилья с частично безвозвратной ссудой, на обзаведение домашним хозяйством (до 5 тысяч рублей).

Новый российский проект в принципе имеет довольно цельный и сбалансированный вид. Однако некоторые его аспекты требуют комментария.

Прежде всего замечаешь, что программа носит отчетливо инфляционный характер. Индексация доходов, кредиты молодежи, кредиты на приватизацию — не слишком ли все это шикарно? Ведь декларируемое сокращение налогов снизит поступления в бюджет, а ожидаемое в результате налоговых послаблений расширение деловой активности и связанный с ним возврат средств (так называемый «эффект Лэффера») наступит не сразу. Неясен также масштаб экономии бюджета за счет сокращения государственных расходов. Здесь нужен тщательный экономический расчет, а как раз его в программе и нет.

А на какие средства проводить приватизацию?

Ценовая реформа резко ограничила возможность инвестирования сбережений населения и средств предприятий в дело, все накопленное пойдет на текущие расходы. Это означает, что приватизация либо пойдет бесплатно и, следовательно, безответственно, либо под займы. Второе вызовет дополнительную кредитную эмиссию и подхлестнет и без того немалую инфляцию.

Есть в программе и явные «проколы». Ну, в самом деле, о каких государственных гарантиях права на труд и выбор профессии может идти речь в условиях предполагаемых проектом банкротств предприятий? Ведь они, очевидно, приведут к безработице, о чем следовало бы честно сказать.

Далее, вызывает некоторое недоумение предложение разработчиков торговать госсобственностью по балансовой стоимости. А как быть с изношенными фондами? Ведь известно, что бо́льшая часть основных средств — оборудование, безнадежно устаревшее.

Говоря в целом, мы имеем дело не с программой, а скорее с концепцией стабилизации и перехода к рынку. Собственно программа требует кропотливой и «черной» работы — надежных экономических расчетов.

Что же касается ожидающей нас перспективы, то на сугубо экспертном уровне можем предположить, что это скорее всего будет все та же гиперинфляция, высвобождение цен, расширяющаяся карточная система, безработица, все то же «затягивание поясов».

Перспективы, как видим, не слишком уж обнадеживающие. Ничего удивительного — ведь мы ведем речь о тяжелобольной экономике, которую многие пытаются лечить, но вряд ли кто знает, как именно это делать. Подумаем еще?

ПарКультуры

Отдел искусств представляет:

ЗАКУЛИСЬЕ

«И да здравствуют руки «Эрмитажа», снимающие землю горсть за горстью с гробов!» — Александр Терехов.

МУЗЕИ МИРА

2200 баснословно дорогих картин можно посмотреть задаром на Трафальгар-сквер.

ПОЗИЦИЯ

Юрий Никулин: «Я глянул в зеркало... и обомлел: ну какой же я директор? Я — клоун. Всегда был и остаюсь клоуном».

Александр ТЕРЕХОВ
Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

Весной в театре орут ошалевшие коты. Директор грозит: выявлю и повешу. Котов прячут перед спектаклем, когда костюмерши приносят костюмы, приносят обувь, приносят лигнин — это такая бумажка, чтоб «морду вытереть после грима». Перед спектаклем осветитель свешивается с балкона поправить прожектор: «Эх, рогатки у меня нету!» — сокрушается хозяин звука из кабинки.

Уже заплеванными, затоптанными закоулками бредут актеры на сцену, занавешенную и черную, как гроб, глядят в щелку занавеса — они сейчас родятся. Софиты висят, как спящие летучие мыши, крутит тросточку актер Пожаров. Обольстительная актриса Панченко шипит: «Где помреж-ш-ш?!» Помрежу завидуешь и жалеешь, а уже контрабасист ощупывает тонкошеий свой инструмент, как слепец возлюбленную, и готов ткать паутину паук-концертмейстер Легин, он занес уже руку — сейчас родятся. Итак!!!

Чувствуешь себя полным идиотом, когда пытаешься рассказать о своей любви. Внутри все — ах-ах-ах! А рот раскроешь: она... она... Ну? Ну какая? Что покраснел? Такая же, как все — верно?

Зато здорово что-нибудь вспоминать: «А до этого было». Я так и буду.

«Парижская жизнь» Оффенбаха в театре «Эрмитаж» поет сейчас. А до этого Михаил Левитин поставил «Вечер в сумасшедшем доме» — счастье прошлого театрального сезона столицы.

«Вечер» — это родные уже для театра обэриуты, на этот раз Введенский, Олейников, Заболоцкий.

Обэриуты — это забытые люди, их опять не покупают. Когда-то они жили поразительно не в ногу, навсегда в сторонке, как моряки в пустыне. Шутили, пили, носили галстуки «пластрон», картежничали, размечали планы воображаемых квартир, рассматривали калек, мудрили, любили женщин как следует, обнажали внутренние ветхости жизни. Ссылались в Курск, а потом — на тот свет, споткнулись смертельно, играючи в пушкинской поре. Называли себя объединение реального искусства — ОБЭРИУ. Печатали стихи для детей. Потому что знали, кто прочтет их ненапечатанное.

И потом, когда толпа ревела у темниц, воскрешая загубленных, и семенила вослед триумфальным колесницам вернувшихся, на них опять не хватило бумаги, обэриуты прошли стороной. Они не лизали стену. Они не плевали в нее. Но когда стена рухнула сама собой, когда все заткнулись — одни устыдясь разработанных языков, другие захлебываясь избытком смелой слюны — тогда и завиднелся их огонек, стал ясен их труд поддерживать огонь, строить песочные замки под ливнем, собирать солнечные лучи в ночи — не видеть быдла. И да здравствуют руки «Эрмитажа», снимающие землю горсть за горстью с гробов!

«Вечер в сумасшедшем доме». Сидит на кровати Поэт — скользкий лицедей Виктор Гвоздицкий, воплощают его слова пассажиры зарешеченной кареты — Евгений Герчаков с осанкой спившегося мушкетера, неистовый колобок Геннадий Храпунков, поразительный

L'ERMITAGE, или история любви

душа-певец Александр Пожаров и еще три нимфы-прелестницы.

Это принудительное осязание жизни для зрителя самым привычным для России способом — через смерть поэта.

Все мы не думаем о смерти и поэтому не живем, а поэт — лицом к этой реке, болтает в ней ногами, заглядывается на отражение — все вокруг уже понятно, и лето засушено в гербариях, и слова остывают и принимают форму на виду, как чередование препятствий на пути воздуха из гортани, и смерть атеистически безжалостна, и свечи, как пионеры, тянутся ввысь, пожираемые рыже-огненными пилотками. Поэт запускает время, часы, как ордена на груди, люди — узники, но камеры их соразмерны душе. И через непостижимый для человека ужас ухода постигается великая разность вещей, неповторимость дней и жизнь,— как затрещавший, пушистый, дрожащий путь майского жука в синем просвете майского неба меж ветвями.

Поэт уходит вслед за незаметной смертью великой русской литературы, за Пушкиным, по которому определялась высота солнца над горизонтом и долгота дня, за Пушкиным, похороненным кабальным саваном школьных сочинений, ослепленному медяками памятных рублей, забитому бронзовыми гвоздиками памятников.

Поэт уходит, щупая воздух словами, ощупывая себя пальцами, обирая предсмертно, и у его чемодана забытого, как у гроба, садятся картежничать дикари, и изящный столик прошлого столетия оборачивается вокзальной протертой задницами скамьей — остается только это. И зрители в зале. И мир, не видящий смерти вокруг.

А до этого они играли «Вечер» в сытой Голландии, где зрителю до лампочки стоны шестой части суши, живущей без кожи. Привалил местный колледж, двухметровые веселые ребятки, летающие, как на коньках, с бодрой музыкой в наушниках, галдели, тянули актрис на колени. Переводчик показал руки крестом: это конец. Сушите весла.

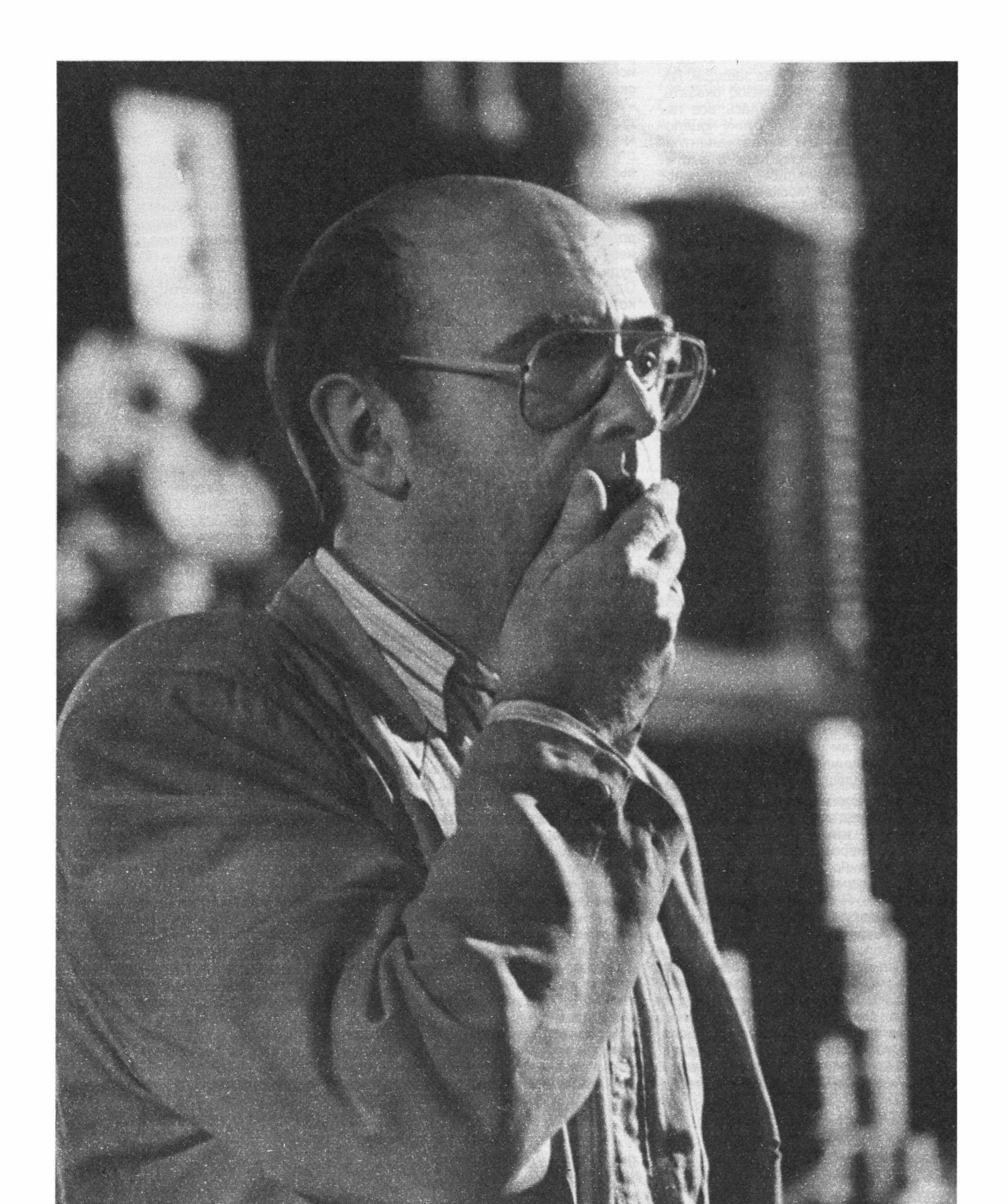
Гвоздицкий говорил до первого шороха. Потом он презрительно молчал. Ждал тишины. Говорил еще. И еще молчал. «Вечер» наливался злобой. Они играли так, чтобы люди заткнулись. Чтобы люди что-то поняли. Через десять минут в зале боялись моргнуть.

В финале очень хлопали. Понравилось. Поэт рыдал за сценой. Остальные хмурились.

«Вечером» театр «Эрмитаж» ушел с обжитых мест. А до этого были ликующий «Хармс! Чармс! Шардам!», чудо воскрешения «Нищий, или Смерть Занда» Олеши, отчаяние «Скверного анекдота», на премьере которого с балкона начали кричать: «Это же сумасшедший дом! Достоевский ворочается в гробу!» Завязалась драка. Партер искренне думал, что это составная часть действия.

До этого был последний воздушный спектакль Левитина — «Соломенная шляпка», свет и счастье, блистательная Любовь Полищук и следом два неразлучных Аякса — Гвоздицкий и Герчаков, потом что-то стронулось и началось другое.

Гвоздицкий прыгал в канкане по очереди с Володей Жоржем, чуть ноги не улетали в партер, а в зале сидел немой Левитин, раздавленный не сказанным в антракте Гвоздицкому — умерла мать. Левитин дал дожить спектаклю, дал дорадоваться рантье Леонидасу Фадинару, уже зная, что завтра Гвоз-

дицкий уедет, и с ним поедет Жорж, а сейчас все так весело.

Выбила три позвонка по холоду в той же «Шляпке» Полищук, и в больнице ее пичкали черт знает чем — она перестала узнавать детей, и у какого-то человека с дипломом врача хватило ума потащить ее показать студентам в качестве пособия...

Они сменили название: теперь «Эрмитаж» вместо театра миниатюр — и отсекли от себя публику, верно шедшую на «миниатюры», грезящую «Кабачком».

Еще до «Вечера» ушла Люба, ушла Любовь Григорьевна Полищук, вот это была совсем беда, она была сама театром, его иконой, она была такой женщиной, которая крепится на носу корабля, вот что было до этого.

Я расстелил на скамеечке Петровского бульвара газетку, Любовь Григорьевна села и погладила случившегося рядом спаниеля. Она была как живое свадебное платье, со смуглым запрокинутым, будто подставленным солнцу лицом, оленьим хитрым носом, темным, томительным собранным ртом, соединением величия буфетной стойки и полета Благородного собрания. У нее замерзали руки, она прятала их в рукава. Я слушал, косился по сторонам и потерянно думал: «Ну хоть бы одна знакомая сволочь тащилась бы сейчас мимо!»

— Себя я нашла в театре. Ну кино, что там кино...

Она в мюзик-холле была звездой. Левитин зашел за кулисы, чтоб сказать: вы — гений. Она не удивилась, все так говорили. Смоктуновский ручку поцеловал: такая красивая, такая талантливая. Подрос сын — ему надо в школу. По стране с мюзик-холлом уже не поколесишь. Пошла в Москонцерт на сто двадцать рублей, начинала чуть ли не с подвалов. И тогда ее позвал Левитин. В театре уже были знакомые Карцев и Ильченко.

— Я пришла засыхающим растением. Побеги были черные, сухие. Левитин разрубал на репетициях на пятьсот кусочков, и все они кровоточили, шевелились, срастались. Он орал: «Как ты вульгарна! А здесь ты — безыдейна! Силы бы тебе поменьше! Ну откуда в тебе столько ярости?!» Он как мультик — тридцать два движения в секунду. Плакала. А к слезам он брезглив. И я стала оживать. Никто не мог понять идею театра Левитина. Я как собака — нюхом понимала. Он объяснял: будет маленький такой уголок Парижа. А всю жизнь мне хотелось поехать в Венецию и Париж!

Левитин на репетициях как пыхающая паяльная лампа: подкрадывается, клокочет, бормочет, заговаривает, стонет, упрашивает. Он, как зеленый лист, постоянно рвущийся наружу, раздирающий пыльную, липкую почку. Он, как запутавшийся в белье, развешанном на веревках,— срывается, ломится, путается вновь. Будто рушится дом, землетрясение, потоки песка, пыли, обломки досок, камнепад, а он должен вывести и выйти последним, чтоб первым увидеть, что там у нас получилось. Когда надо заканчивать репетицию, у него воруют карандаш.

— Такая труппа! Все поют. Не так — за столом, под гитару, а с оперными голосами. А какой Саня Пожаров — еще гений нераскрытый... Вспоминаю добром, конечно.

— А что вспоминаете?

— Ничего. Я отрубаю. Чтоб не жалеть... Хотите посмотреть нашу репетицию?

Она и Филозов репетируют что-то музыкальное по Чехову в старинном здании на краю Трубной площади. На сцене товарищ играет на пианино, будто давит на клавишах блох. Под сценой чиновные товарищи рассуждают: «Если мы на цыганах заработали шесть тысяч, то сколько можно провести по смете? А как же остатки? Предлагаю этому перечесть 570 рублей, а этому... Он же снимается много. Значит, за сцену будет двенадцать тысяч, а за питание... Здравствуйте, Любовь Григорьевна, вот решаем, сколько вам платить, ха-ха».

Он приплясывает и поет, в волосах у нее белый бант:

«Но тяжко жить в соседстве с хамом. Соседство с хамом приводит к драмам».

«Тихое счастье с окнами в сад!»

Зал с лепниной и росписями. Я спросил у вахтера на выходе, что же здесь было в реальных временах. Она сказала, что дом был веселый, и захихикала. Понятно. Вот и поговорили.

«Эрмитаж» — это с французского как бы скит отшельника. Очень уединенное место. И это правда. Он не стал еще гладким модным магазином, его не пестуют сытые газетные перья, он в сторонке от решительных исканий передовиков театральной популярности, торящих каждый свою дорогу, но собирающихся в одних и тех же местах. «Эрмитаж» пока еще не сволочится на экспорт, и игра его — на уровне глаз, не раздеваясь. Он втаскивает в свой полупустой зал троянских коней, манящими русалками всплывает из глубин, он — несбывшееся, но что могло быть, он — это уголь, еще не перегорел в пепел.

И ясно, что одиночество это естественное, в пору выполнения обещаний. Крестьяне получили землю. Народы — мир. Искусство теперь принадлежит народу. И самым важнейшим из всех искусств для нас является американское кино. Спокойно делимся: кому «Три сестры», кому три наперстка, каждый выберет свое. Прощаемся с мечтами общего духовного восхождения, постижения, воспитания — каждый сам выберет, чем отоварить свой жизненный талон, природа позаботится, это понимаешь. Но все равно жжет грудь незримый пионерский галстук, тяжелы родовые травмы светлого социалистического детства, и в одиночестве этом чудится какая-то несправедливость. Одиноки не они, а мир, который вокруг, который живет без «Эрмитажа».

На чем мы остановились? А? Громче! Спасибо, товарищ.

А до всего до этого Левитин захотел стать главным режиссером. Понял, что театр, сам не зная того, уже давно ждал Левитина и был его творением. С 1979 года Левитин поставил из 16 спектаклей 12, победил массу директоров, он признался в своем желании, а это страшное признание для художника,— желание стать кем-то, за это не щадят ни люди, ни судьба.

Часть труппы размышляла. Партийная организация и профсоюз были против. Беспартийного претендента в главрежи тягали на партсобрании, и зоркий техперсонал спрашивал: «А вот о чем ваши спектакли?» — и утверждал: «Главный инженер не прав!» Добрая душа донесла в райком, что «Нищий, или Смерть Занда» очень непристойная пьеса, и Левитин лично вслух прочел в райкоме все сто двадцать страниц, доказав, что более целомудренной вещи еще не было в истории литературы.

Актеры ходоками посещали кабинеты райкома и управления культуры. Наконец на съезд театральных деятелей отправили Полищук с письмом коллектива. Люба ходила за кулисами, обуреваемая эмоциями, и стонала актеру Горизонтову: «Горизонтыч, давай ты!» Ее объявили под занавес. Люба вышла — черное траурное платье, рост за метр восемьдесят, очень-очень красивая, прочитала письмо. Добавила от себя: «Сделайте что-нибудь». И поклонилась президиуму в пояс.

Левитина утвердили.

Факт черного платья и поясного поклона Л. Г. Полищук отрицает. Но это уже детали.

А родился театр Левитина еще раньше, до этого, когда взлетела «Чайка» «Эрмитажа» — «Хармс! Чармс! Шардам! или Школа клоунов», когда театр осенили обэриуты — Даниил Хармс. Левитин вышагивал дорожками чахлого садика «Эрмитажа», и над его не совсем кудрявой головой, давшей основание для злобной актерской клички «босоногий», витал облаком замысел первого в мире сценического воплощения обэриутов на сцене, а он вышагивал среди глухого, хоть и счастливого 1982 года и все думал, думал. Хотя бы о том, как объяснить такой спектакль «там»?

Объясняли примерно так: дорогие товарищи, как известно, Даниил Хармс — детский писатель и папа его был народовольцем. Герои нашей пьесы — люди не больные, как вы успели испугаться. Это просто клоуны. Кло-у-ны. А пьеса эта — для детей. У детей ведь особая логика, ага? Ну так ладно? Пускай будет?

«Хармса» вынашивали как ребеночка — девять месяцев. Сейчас каждый актер отведет вас за верхнюю пуговицу одежды в гримерку и прошепчет, что он единственный, кто с самого начала верил бесповоротно в успех. А тогда у всех подводило животы от ощущения пролета со свистом и предвкушения значительного облома. Помрежи сочувственно подхихикивали. В курилках после репетиций хватались за голову: «Ребята — это чумовоз. Что мы делаем?»

И этот спектакль взорвался очередями зрителей до Садового кольца, поспешными попытками запретить — на защиту встал Каверин, хорошими людьми в зале — крамольным «Метрополем», величественным Шкловским, менявшим в зале берет на кепку — мерзла голова, Сергеем Юткевичем.

«Хармс» — это почти пустая сцена, пожарный щит, дымящий автомобиль, черный задник — стена и пестрые фигурки-цветочки, собирающиеся в букетики, роняющие лепесточки, поющие в алые рупоры хитрые и простые песенки, и легкие шары в проходах, которые пинали кому не лень, и поразительная тоска обыденности вечных историй, и самоистязающий больной русский смех, и легкость, свобода открытий, длительность порывов, и мрак, оседающий в финале, когда комками ртути из разбитого градусника вязко текут, катят на сцену серебристые шары и читаются слова: «Постепенно человек теряет свою форму и становится шаром. И, став шаром, человек утрачивает все свои желания».

Ведь это так неподъемно — успеть что-то пожелать от жизни.

Ах, а какая в «Хармсе» была Любка, скажет вам любой, мечтательно улыбнется в потолок и продолжит. И когда она выходила в купальнике — все мужики оседали в креслах и стонали. Подвыпившие лезли на сцену принять участие в веселье. В нее влюблялись. А как она мячом разгрохала вдребезги люстру? Она могла позволить себе быть некрасивой. Она была всегда роскошной, но пошлой — никогда! Она такой седьмой план задвигала — и проституткой, и графиней. Вы будете с ней встречаться? Знаете что, передайте: Люба, хватит делать халтуру. Возвращайся к нам. Обещаете?

Потом Левитин поставил «Здравствуйте, господин де Мопассан», только начали играть, Полищук сказала Левитину, что ждет ребенка. «Я так и знал. Я так и знал,— рычал Левитин.— Так и думал, что ты мне что-то приготовишь такое. Конечно, рожай. Никакой Мопассан не стоит ребенка». А потом что-то у них не сладилось, не сложилось, перессеклось и — все. Люба ушла.

Левитин тогда тяжко заболел. Судьба мстила за то, что он хотел стать главным. Он в каком-то полузабвении приполз на очередное собрание, посмотрел сквозь туман теплым взглядом на не сдавшийся еще партком и местный комитет и пообещал им: «Люба ушла. И вы все уйдете. И вы — тоже. И никто не сможет мне помешать. И мы будем работать».

А совсем уже до этого был театр миниатюр, пущенный в плавание сатириком Поляковым, которого люди недобрые звали «московский пошляк». Живой был театр: с песнями, фокусами, с приходами глянуть на девочек, рукоплесканиями красивым платьям, с одним спектаклем, гонявшимся по два-три года, с кратковременным присутствием Енгибарова и Высоцкого, с героем, вылезающим из шкафа под нос ревнивому мужу и кричащим: «Я — моль!» Люди очень радовались этому театру.

Актеры засыпали на читках пьес и вздрагивали от толчка в бок: «Слышь, тебе главную роль». «Мужики, хоть про что?!» Пьески лепились вручную: ребятки, ребятки, надо художнику дать заработать, вместе посидим, выдерем что-то, переберем, анекдотиков свеженьких из «Крокодильчика» тиснем, вот тут прицепочка, тут припевочка, тут — шуточки-маюточки-чепуховина, а все вместе — винегретиком. Спрашивали у режиссера: «Ван Ваныч, а что я вот здесь делаю?» «А я откуда знаю?! Это непросто. Давайте вместе думать.— Обхватывал голову руками.— Эх, просто надо добавить сюда куражу!»

И сюда, в своих внештатных странствиях добрел Левитин, поставил Жванецкого: спектакль на выпуске секли топорами, комиссия томилась в шубах — в зале было плюс восемь, а на сцене — море и юг, маленький такой кусочек Парижа, и все началось.

Оркестр тогда еще сидел в яме, музыканты почитывали газеты, тянули пивко. Гитарист вязал рыболовную сеть. Концертмейстер Игорь Легин, закаленный ресторанами и игрой в сборных на бирже оркестрах за червонец, пришел и увидел Левитина.

— Снимай пальто и на сцену,— крикнул режиссер.— Играй!

— Что?

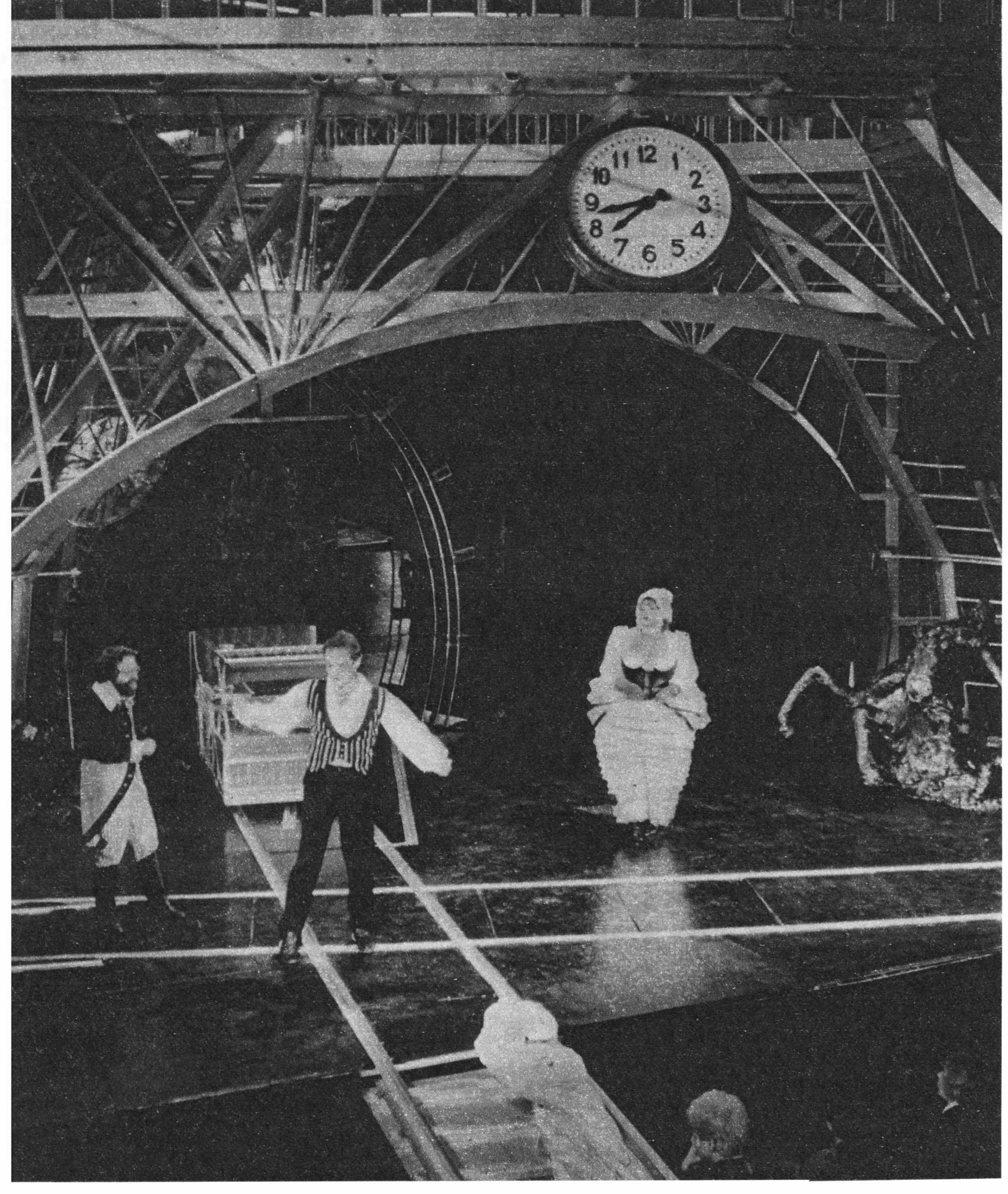
— Тему девки.

— К-какой девки?

— Какой хочешь.

И Легин заиграл, и под эту музыку уплывала несогласная часть труппы, прозорливо отчаливали Карцев и Ильченко, бросил «опэрэтку» и пришел в поисках трагедий Герчаков, явилась — из Ленинграда — шелестящая тень Гвоздицкого, который, как крепкий крестьянин на оброк, бегает на сторону, на постановки к Гинкасу. Пришла Люба. Бросил Хабаровск и «Ричарда III» уютный человек Храпунков и приехал пробоваться в «Занде», и Левитин сказал ему: да, да, да, и Храпунков назвал сына в честь Занда — Модестом. Сокращенно: Дуся. Из цирковых поднебесий и театральных подвалов вышел Володя Жорж, который на репетиции вдруг понял, что вот сейчас надо уйти, сесть, написать заявление об уходе и умереть, а Левитин вдруг заревел: «Куда?! Назад!!!» — и все получилось. Пришла подыграть подруге Лариса Панченко в мучительное время поиска замены Любе и осталась в «Хармсе» жестокой пацанкой, которой не до любви под тяжестью этого места. Зацепили в Уфе концертмейстера Сергея Миролюбова — ах, какой он во фраке с малиновым отливом с важным оркестром, который теперь сидит на сцене, летает на балкон, катается на омнибусе — все что угодно. Пришла золотая гвардия императора — Галина Морачева, которая помогает Левитину вести в ГИТИСе курс и на весь театр слышен ее голос, шершавый, как вечность египетских пирамид: «Уланова потому Уланова, что, когда все приходили на репетицию, у нее уже тапочки были завязаны».

И когда все они, и еще Лидия Чернова с оперным голосом и материнской статью, хрупко-острая Людмила Ильина, очень хорошая Даша Белоусова, юное дарование П. Бердический и актриса Галушкина, про которую Пожаров выдохнул: «У-у, Катька — наливное яблочко!» — и все они выходят к полупустому, но счастливому залу —

честве, что золотые рыбки замечаются, когда осушено море. Гляньте, товарищи, вот она какая. А мы ее с пивом!

И то, что это написано — в этом уже есть маленькая смерть, это неразборчивый призыв, и на него могут потянуться первые парнокопытные, тем более что в отношении себя самого ничего в точности утверждать не приходится, но мне просто так хотелось сохранить дыхание и радость этих дней любви, вкус легкости и страшное любопытство.

Осталось немногое: частная опера Мамонтова, в которой пел Шаляпин. До этого — первый общественный киносеанс. С 1895 года сад и театр получил название «Новый Эрмитаж». Хозяин Щукин, то ли буфетчик, то ли фельдшер, то ли официант, мыслил переплюнуть «Эрмитаж» Лентовского, где цыганский хор, одноногий танцор, человек-обезьяна и живой медведь на воздушном шаре. А до этого опять театры, пожар 1880 года. До пожара — консервная фабрика, хотели еще делать для военных клей. До этого — владение брата Герцена.

А во время забвения жизни, обнищания человека, рычания и поисков мяса, разбродного язычества и ересей «Эрмитаж» подарил нам «Парижскую жизнь», раскрывающуюся блестящим веером оперетку о современном нам Париже — о мире и мечтах несбывшегося детства, опадании золотых дождей и разливе кисельных рек, о времени, когда от мечты до свершения — миг, где главное — страсть, порыв, "я хочу", где люди сидят под русской Эйфелевой башней и не хотят выходить на антракт, в котором через динамики гремит стужей «Борис Годунов» с причитаниями юродивого, а лучше здесь с баронами и виконтами, кривоногими сапожниками с щербатой улыбкой и радушными перчаточницами, сердцебиенным танго, с омнибусами, лодками, пышными платьями, которые, кажется, называются кринолинами, и таким родным французским языком. С кутилой Бобине, который представляется адмиралом в стране без морских границ и объясняет, как он заводит часы, запускает время: крутишь, крутишь, крутишь... Пока не встречаешь небольшое сопротивление.

Это Сопротивление времени. Это Сопротивление, объединяющее всех людей, живущих всегда не в ногу, современников по духу, всегда подпольщиков — поближе к корням.

Все садятся в омнибус и застывают прощальной фотографией — уже устало, уже грустно, под бременем предрешенности и печальной несбыточности чудес.

Потом можно полазить по башне и покататься на омнибусе, пожалуйста.

Левитину страшно это видеть. Он не заходит. Они обижаются: почему? Ведь мы же играем.

Они — еще не зажравшиеся, не растащенные по «кинам» буржуи и бурлаки, текучие, капризные, как избалованные любовницы, пугливые и жалкие, как дети, и, как все мы, живущие в единственной надежде на единственного человека, и тут же готовые свалить на него все, расклевать. Все в шепоточках, размолвках, обманутых дружбах, в одиночестве и невозможности поговорить с кем-то о главном и всегда в ожидании счастья.

Он — перестающий перед репетицией «не быть» — равнодушный эгоист, ревнивый интриган, коварный деспот, соблазняющий их своими эскизами, причудливыми кувшинами со следами пальцев на мокрой глине, с кнутом и пряником, самоуверенный проповедник, со страшной неуверенностью внутри, отдающий кровь и требующий любви, поднимающий их на цыпочки в игре, кричащий: «Ты должен быть землей, деревом, морем! С тобой не должно быть душно».

Он требует, чтобы они пропитались. Это не значит наесться, это — проникнуться.

А они стоят понуро и смотрят на него одного. Они все ждут, что он их спасет.

А до этого еще Левитин родился в Одессе.

А еще до этого его духовного предшественника режиссера Игоря Терентьева спросили после первого ареста, что он чувствовал, когда его вели по коридору на расстрел. Он ответил: «Легкость. И страшное любопытство».

И страшно любопытно листать время назад, копаться в святой земле «Эрмитажа». Кинотеатр «Эрмитаж». Театр им. Моссовета. Театр Пролеткульта с первой театральной постановкой Эйзенштейна. Еще назад — Свободный театр с двумя работами Таирова и блистанием Алисы Коонен. Еще гастроли Комиссаржевской. Еще копнем, четыре первых сезона Московского Художественного. В первом спектакле играл Мейерхольд. Эта земля дала силы премьерам «Чайки», «Трех сестер», «Дяди Вани». В. И. Ленин проездом смотрел в театре один спектакль. Матери в письме сообщил, что очень понравилось.

МХТ боролся за культуру, вымывал грязь, выветривал пивной запах, запрещал шастанья в проходах во время спектакля, затыкал рот оркестру в антрактах, боролся с холодом — костюмы примерзали в гримерках к стенам. Но потом богатый Савва Морозов «решил вопрос», и МХТ унёсся в иные дали.

Теперь на месте великой сцены, на алтаре русского театра — столярная мастерская театра им. Моссовета. «Эрмитаж» играет на прежней авансцене.

Театр нас делает современниками не каторжными цепями холуйского быта — по выбору. В театре мы сами выбираем, с кем гулять по Каретному ряду, к кому зайти на Малой Дмитровке, чье лицо любить в Брюсовском переулке. Рождением и смертью время ограничено только на кладбище. Пока живые, через театр мы ищем свое время.

И не важно совсем место любимого вами театра в истории — только в вашей жизни. Пусть мясники рубят до костей, а мы любим живое, разве нам интересна падаль? И вся жестокая сила театра в том, что он город с одними гостиницами, на время. Мы ему нужны, только когда мы ему нужны. А он нам нужен — на всю жизнь.

Ну вот, почти все, но мне кажется, что в «Эрмитаж» хлынут, когда это дерево упадет — его сразу тогда заметят, протопчут тропы, жадные руки сорвут шишки, засунутся копаться в покинутые гнезда, драть кору на лапти, заглядывать в дупла, не замечая, как с прощальным криком чертит последний круг душа-птица, улетая к другим. Так странно устроена жизнь в нашем Отечестве...

Кажется, все. Еще раньше, уже совсем — частное владение, сад, каретные мастерские, а так — огороды, огороды. Недалеко был Посольский двор, где-то рядом разрешилась от бремени одна из русских цариц.

«Эрмитаж» вообще было словом распространенным. Был такой шикарнейший ресторан «Эрмитаж», где заправлял повар Оливье, сильнее всех оставивший свой след в отечественном быту из французов посредством салата. В ресторане был — ах! — дом, свиданий, в ресторане бывал Чехов. Он очень хотел поехать в Венецию. Так и писал — «а мне ужасно хочется поехать в Венецию».

Кстати, о Венеции; Любовь Григорьевна Полищук, в том доме, где вы сейчас репетируете что-то музыкальное из Чехова, у Антона Павловича за обедом в ресторане «Эрмитаж» первый раз пошла горлом кровь, прозвенел звоночек, и он понял — пора на юг.

Любовь Григорьевна, я, конечно, понимаю, что не мое собачье дело, но все-таки вернитесь в театр. Пусть ничего не изменится и все прошло, но жизнь так паршиво коротка, и так жаль разбрасываться радостью — наши пути и без того бедны,— вернитесь!

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА, ДОСТУПНЫЕ ВСЕМ

Почти каждый, кто впервые приезжает в Лондон, непременно побывает в центре города на уютной Трафальгар-сквер, где находится Национальная галерея — один из величайших музеев мира. Двери Национальной галереи, построенной по проекту архитектора Уильяма Уилкинса, открылись для посетителей 9 апреля 1838 года. Но начало этому крупнейшему в Великобритании собранию западноевропейской живописи было положено 14 годами раньше, когда правительство приобрело 38 картин из коллекции Ангерстейна, известного банкира и мецената. В коллекции были первоклассные произведения Рафаэля и Тициана, Рубенса и Рембрандта, Клода Лоррена, а из отечественных мастеров — знаменитый «Автопортрет с собакой» Хогарта (в настоящее время находится в Галерее Тейт) и вся его серия «Модный брак», а также портрет адмирала Хитфилда кисти Рейнолдса.

Особая заслуга в создании Национальной галереи принадлежит коллекционерам Джорджу Бомонту и Холуэллу Карру. Это они убедили правительство приобрести картины у Ангерстейна и, в свою очередь, решили передать государству личные собрания, включавшие такие выдающиеся произведения, как «Пейзаж с замком Стен» Рубенса, «Св. Георгий» Тинторетто, «Купающаяся в ручье женщина» Рембрандта.

К середине 1850-х годов пополнился скромный английский раздел. Галерея получила в дар пейзажи Гейнсборо «Водопой» и «Телега, едущая на рынок», картину Констебла «Хлебное поле», а по завещанию Тернера — «Последний рейс фрегата «Отважный» и другие его полотна.

Коллекция планомерно и последовательно формировалась за счет покупок. Первой в 1825 году была приобретена прелестная крошечная «Мадонна с корзиной» Корреджо, за ней последовали шедевр Тициана «Вакх и Ариадна» и «Вакханалия» Пуссена (обе в 1826 году).

Особенно плодотворным было десятилетие с 1855 по 1865 год, когда было приобретено сто тридцать девять картин, преимущественно итальянской школы, составляющих ныне особую гордость галереи. Среди них — ценнейшие произведения эпохи кватроченто — Раннего Возрождения в Италии — «Битва при Сан Романо» Паоло Уччелло и «Крещение Христа» Пьеро делла Франческа; картины Тициана, Веронезе, Веласкеса, автопортрет Рембрандта.

«Битва при Сан Романо», написанная Паоло Уччелло в ознаменование победы Флоренции под Сиеной в 1432 году, является одной из первых батальных картин в европейской живописи. Мощная пластическая выразительность форм, отличающая искусство Уччелло, основана на его глубоком изучении светотени и перспективы. Художник пытается здесь передать и пространственную даль, и объемность фигур, и сильное движение, но отдельные верно нарисованные детали еще не складываются у него в целостный реалистический образ.

Национальная галерея может гордиться тем, что является единственным в мире музеем, обладающим тремя редкими работами Пьеро делла Франческа.

«Крещение Христа» было заказано художнику в 1445 году для алтаря церкви Иоанна Крестителя в его родном городе Сан-Сеполькро в Умбрии. Ясная и простая по построению, эта композиция поражает своей монументальностью, чувством линейного и пластического ритма. Исполненные величавого спокойствия, образы Христа, Иоанна Крестителя, ангелов чудесны своей живописной законченностью, геометрической четкостью пропорций. Светлые серебристые краски прозрачны и наполнены солнцем. В своем световоздушном колорите Пьеро делла Франческа пошел дальше Уччелло, став одним из первых пленэристов в западноевропейской живописи.

«Портрет четы Арнольфини» великого мастера Нидерландов Яна ван Эйка — еще одна жемчужина Национальной галереи. Джованни Арнольфини, купец из Лукки, представитель интересов дома Медичи в Брюгге, и его жена, одетые по тогдашней довольно вычурной моде, изображены в обыкновенной комнате с люстрой, в которой днем горит свеча, с похожей на дом кроватью и комнатной собачкой, а в зеркале виднеется и собственное отражение художника.

Парад шедевров венецианской живописи Высокого Возрождения (в галерее двенадцать полотен Тициана, девять Веронезе, четыре Тинторетто) открывает великолепный портрет дожа Леонардо Лоредана кисти Джованни Беллини.

Леонардо Лоредан был избран дожем в 1501 году и возглавлял Венецианскую республику во время ее войн с могущественным союзом европейских и итальянских государств, так называемой Камбрейской лигой. Беллини, выполняя официальный заказ, создает здесь свой лучший портрет, отличающийся звучно сияющим колоритом, великолепной моделировкой объемов, точной и выразительной передачей индивидуальной неповторяемости образа, полного и мужественной энергии, и интенсивной интеллектуальной жизни.

Явный перевес итальянской школы в галерее был восполнен покупкой в 1871 году семидесяти семи картин, в основном голландских и фламандских мастеров — оставшихся после смерти сэра Роберта Пиля, бывшего премьер-министра. В его коллекцию входили два чудесных Питера де Хоха — «Дворик» и «Голландский интерьер», картины Терборха, Метсю, Стена, пейзажи Рейсдала, Хоббемы, Кейпа, а среди фламандских мастеров — «Портрет Сусанны Лунден» Рубенса, известный как «Соломенная шляпка», который стал одной из популярнейших картин галереи.

По завещанию Лэйна в 1917 году впервые поступили в галерею полотна Э. Мане — «Музыка в Тюильри» и «Портрет Евы Гонзалес», Дега и импрессионистов.

В 1903 году был создан Национальный фонд художественных коллекций, основной целью которого стало предотвращение вывоза из Великобритании художественных ценностей. С помощью средств Национального фонда для галереи были спасены: шедевр Веласкеса «Венера перед зеркалом» (1906) — одно из самых прекрасных изображений нагого тела в мировом искусстве, великолепный портрет принцессы Кристины Миланской работы Гольбейна (1909), «Поклонение волхвов» Питера Брейгеля (1920), так называемый «Уилтоновский диптих» (1929), «Саския в виде аркадской пастушки» Рембрандта (1938), две замечательные работы Гейнсборо — «Утренняя прогулка» (1954) и «Портрет четы Эндрьюс» (1960), знаменитый картон Леонардо да Винчи «Мадонна с младенцем, с св. Анной и Иоанном Крестителем» (1962) и другие.

Особенно активно шло пополнение коллекции в 1970—1980 годы. Большой удачей была покупка в 1983 году картины Рафаэля «Иоанн Креститель во время проповеди» — части уже имеющегося в галерее его алтарного образа «Мадонна Ансидеи». В настоящее время в собрании галереи, насчитывающем около 2200 картин, представлены лучшими образцами все великие имена из истории западноевропейской живописи, начиная от Дуччо и Пьеро делла Франческа и кончая Матиссом и Пикассо.

Летом 1975 года в торжественной обстановке было открыто новое «северное крыло» — десять экспозиционных залов, где разместились произведения фламандской и голландской школ. Важным событием в жизни галереи станет открытие большой пристройки к западной части галереи — «Сейнсбери Уинг», названной так по имени лорда Сейнсбери, который предоставил средства для строительства. Новые залы предназначаются для коллекции произведений Раннего Возрождения.

«Основная задача, которая стоит перед нами, проста,— говорил бывший директор Национальной галереи сэр Майкл Леви,— сделать экспонаты доступными для всех и следить за их сохранностью». И действительно, за последние 30—40 лет через реставрационные мастерские галереи прошли едва ли не все полотна основного фонда. Столь же ревностно поддерживается в галерее и традиция бесплатного входа.

Борис КУДРЯВЦЕВ

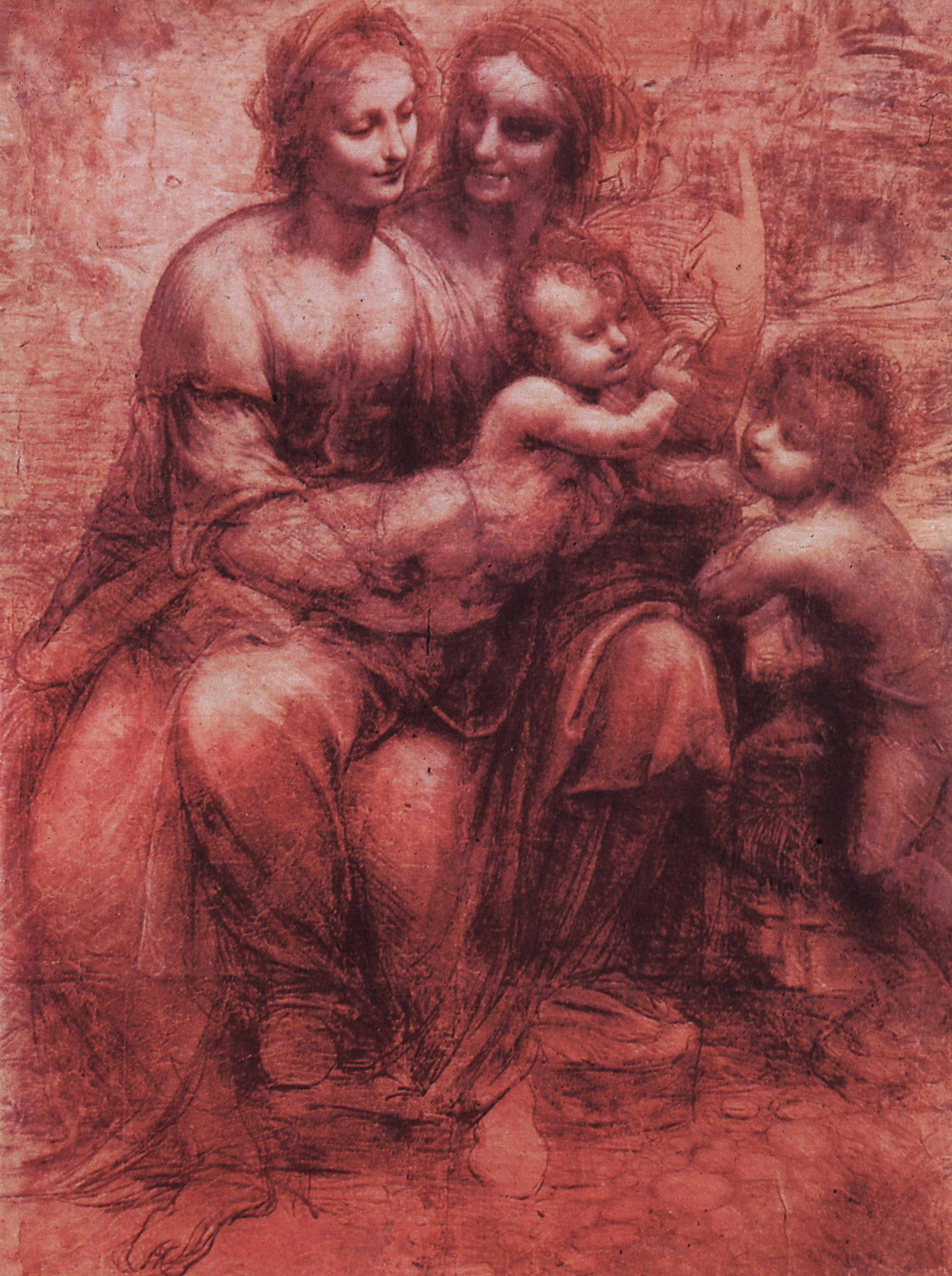

НАЦИОНАЛЬНАЯ ГАЛЕРЕЯ. ЛОНДОН.

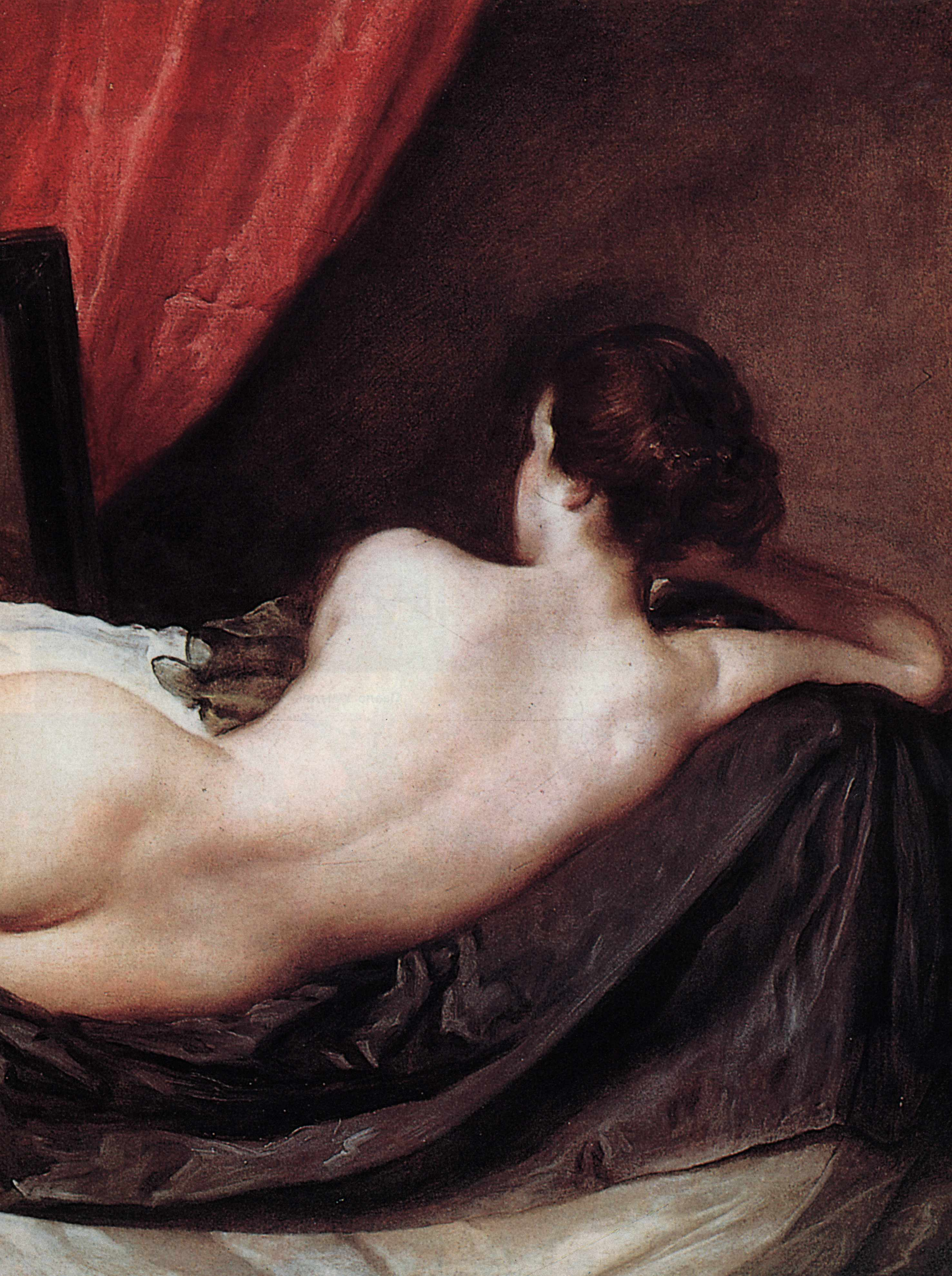
Пьеро делла Франческа. КРЕЩЕНИЕ ХРИСТА. Около 1445.

Ян ван Эйк. ПОРТРЕТ ЧЕТЫ АРНОЛЬФИНИ. 1434.

Леонардо да Винчи. МАДОННА С МЛАДЕНЦЕМ, С СВ. АННОЙ И ИОАННОМ КРЕСТИТЕЛЕМ. Около 1500.

Диего Веласкес. ВЕНЕРА ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ. 1649—1651.

Французский (?) мастер. УИЛТОНОВСКИЙ ДИПТИХ. Около 1395.

Паоло Уччелло. БИТВА ПРИ САН РОМАНО. Около 1457.

Джованни Беллини. ДОЖ ЛЕОНАРДО ЛОРЕДАН. Около 1501.

С директором цирка на Цветном бульваре Юрием НИКУЛИНЫМ беседует наш корреспондент Анастасия НИТОЧКИНА

ЧЕЛОВЕК НА БЕРЕГУ

— Мы получаем килограммы писем с вопросом: «Куда подевались анекдоты от Никулина?» А еще прошел слух, что этой загадкой интересуются люди и «покруче». Вы понимаете, кого я имею в виду?

— Я даже знаю, откуда «ноги растут» у этого слуха... Недавно меня удостоили звания Героя Социалистического Труда. После вручения наград всех пригласили в отдельный зал фотографироваться. Там официанты с подносами появились. На каждом подносе — большие бокалы с шампанским и маленькие рюмочки с разноцветными напитками. Я по наивности спросил: «Коньяк есть?» «Что вы! — отвечает официант.— Только соки...» Шампанского я не пью, поэтому выбрал рюмочку с красным соком. Вдруг слышу голос: «И правильно, Юрий Владимирович! Пить надо соки. Я тоже очень люблю клюквенный сок, он очень полезный!» Оборачиваюсь: Президент. Я говорю: «Ох, Михаил Сергеевич, как бы нам с вами не наклюкаться!» Он серьезно так отвечает: «Ну что вы. Это же сок. Он не действует на организм разрушающе...» Я говорю: «Знаете, Михаил Сергеевич, бывает, что и водкой не наклюкаешься». И рассказал ему одну страшную историю.

Однажды пришли два мужика в баню. Распили поллитру. Ничего не почувствовали. Удивились, решили повторить, но уже в парилке. Выпили: «Что за черт! Не берет! Разбавлять, что ли, водяру стали?» Решили третью выпить на третьей полке. Залезли в стоградусную жарищу. Открыли бутылку. Выпили. Никакого эффекта. Один другому говорит: «Слушай, тут недалеко приятель живет, у него всегда спирт водится. Пойдем к нему, уж точно напьемся».

Пришли, позвонили, приятель открывает:

— А, ребята, из бани, что ли?

— А ты откуда знаешь?

— Так вы же голые и с шайками...

Горбачев посмеялся, а потом спрашивает: «А что это ваших анекдотов в «Огоньке» не видать?» Я подумал: «Читает журнальчик-то...»

— Вы так смешно рассказываете, никак не могу представить вас в роли директора.

— Вот я вам о наших бедах расскажу — представите. Цирк наш совсем задушили налогами. Я насмерть стоял — ни за что не хотел поднимать цены на билеты. Мы и пятипроцентный президентский налог выплачивали из бюджета цирка — со зрителей этих денег не брали...

А после всеобщего подорожания расходы наши стали вдвое больше, и мы оказались на грани разорения,— нет денег артистам платить, зверей кормить. Я уж не говорю про гастроли, про оплату гостиниц и дороги. Я в отчаянии. Билеты стали у нас по шесть рублей. Если приходит семья из трех человек (я уж не говорю про многодетных) — 18 рублей. Дорога до цирка и обратно — еще два рубля. Ребенок захочет воды попить — полтора рубля. Мороженое в буфете тоже дорого. Сфотографироваться с живой обезьянкой (радость для малышей, раз в год ведь в цирк ходят) — еще шесть рублей. Вот и получается — вынь да положь из семейного бюджета 30 рублей. Люди приходят к нам получать радость, а тут — одно разорение... Раньше у нас были билеты на утренники по полтора рубля. Мы сделали — лишь по два. В убыток себе, но на эти спектакли не будем больше повышать цены, чтобы и малообеспеченные семьи иногда могли своих детей порадовать...

Когда услышал о том, что творческие союзы освобождаются от налога, не поверите, возликовал. Думаю: «Боже мой! Свершилось! Вздохнем свободно...» У нас ведь не миллиарды прибыли: всего две тысячи мест. Не на стадионах же работаем. Звоню Губенко: «Спасибо. Радость-то какая для нас». А он: «Подождите, подождите. Вы — государственное предприятие, так что вас этот закон не касается».

Вот такая забота об искусстве. Теперь сам добиваюсь, чтобы в порядке исключения нас освободили от налогов, хоть бы частично. Так живем...

— Да, без чувства юмора у вас тут с ума же можно сойти... Вы от этого и анекдоты собираете?

— Нет, нет! Я стал собирать анекдоты еще в пятом классе. Я знал, расскажешь анекдот, все засмеются — будет весело.

— А не отчаянное ли это было занятие по тем временам — собирать анекдоты?

— Сам удивляюсь — дурак был. Я ведь, как многие, верил тогда и в шпионов, и в антисоветскую деятельность. Собственно говоря, это и не вера даже была — это была реальность. Бытовая, над которой не больно-то я задумывался. Вы же не ломаете себе голову, почему одни троллейбусы синие с белым, а другие белые с красным. Ездят себе и ездят... Так и мы тогда... Сегодня встречаю людей, которые бьют себя кулаком в грудь и говорят, что, мол, они-то уже в 37-м знали, что Сталин — бандит и палач, а Бухарин — не враг, а герой.

Поэтому об опасности никогда не думал — честно. Мой школьный друг Шурка Скалыга подарил мне заграничную пухлую записную книжечку с защелкой, в которую я и стал записывать анекдоты. Но, видимо, я что-то все-таки уже и тогда соображал: у отца научился (он вел дневник, в который записывал стихи, смешные истории, случаи из жизни, анекдоты) кодовой записи. Никогда не писал анекдот целиком — только несколько ключевых слов. Например, лилипут в лифте. Вполне безобидно.

— Но это же были не политические анекдоты?

— Ну почему? Один из первых услышанных мною анекдотов был как раз политический.

В тюремной камере один мужик другого спрашивает:

— За что тебя взяли?

— За лень.

— Как это?

— Собрались мы втроем. Один анекдот рассказал. Другой пошел и донес. А мне лень было идти — вот и попал сюда.

Правда, политические анекдоты я никому не рассказывал. На это ума хватало...

А вот книжечка меня частенько в жизни выручала. Например, в армии...

— Ничего себе. Она и в армии, оказывается, с вами побывала. С вашими-то секретными кодами?

— Ну, раньше в армии не шмонали. И вещи личные мы с собой брали. Я даже фотографию любимой футбольной команды «Динамо» с собой всюду таскал. Фотографию под стеклом. Тяжесть жуткая, но своя ноша не тянет.

...А с анекдотической книжечкой был связан один случай.

Мой сослуживец по армии вызвался доказать, что знает анекдотов больше меня. Поспорили на десять пачек «Звездочки». Я тогда еще не курил, в войну уж пристрастился. Еле-еле дождались отбоя, легли на нары в землянке, выбрали общественное жюри. Правила такие: он начинает рассказывать анекдот, а если я его знаю и заканчиваю — не считается, переход хода. Я перед соревнованием книжечку свою проштудировал, инициативу быстро перехватил. И понеслось. Целый час громовой хохот стоял в землянке. Через два часа — уже только подхихи-

кивали. Еще через час кое-кто стал засыпать. А еще через некоторое время почти все уже громко храпели. Юмор тоже приедается. Часа в три ночи соперник мой сдался. Я стал чемпионом батареи по анекдотам.

Кстати, и политические тогда рассказывал. Но — патриотические.

— Такие бывали?

— Конечно. Ну, например.

К Молотову приходит японский посол и говорит:
— Японский посол Хоцу Кака.
Молотов отвечает:
— Пожалуйста, только не на нашей территории.

— Неужели никогда вас интуиция не подводила? Не было случая, чтобы рассказанный анекдот обернулся неприятностями?

— Бывало... Однажды в компании близких людей рассказал такой анекдот.

— Почему в Советском Союзе не хватает воды?
— Потому что 240 миллионов человек воды в рот набрали.

Брат хозяина квартиры, где происходило все это безобразие, тихонечко ко мне подходит, смотрит в глаза холодно-холодно и пронзительно, так что у меня мороз по спине, и вкрадчиво шепчет: «А ведь за такие анекдоты сажают... Если бы ты не был другом моего брата...» Он сказал это очень спокойно, но я точно понял: может пойти и настучать. Отшутился кое-как. Но стало страшно. Очень...

— Мне сегодня даже трудно представить, что это такое...

— Сегодня и я уже думаю: ну почему наши многочисленные ораторы и лекторы не рассказывают анекдоты? Это ведь такая разрядка! Любая речь от этого только выигрывает. И люди, засыпающие от убаюкивающих речей, просыпаются. У них после анекдота обостряется восприятие того, о чем говорят дальше. Это очень хороший прием. Я всегда его использую.

— Вы профессионал.

— Да не в этом дело. К слову и к месту рассказанный анекдот или смешной случай очень помогает. Смех ведь сближает людей. А если посмеются люди вместе, уже не смогут злобно друг к другу относиться.

Вот расскажу вам историю, которую услышал вскоре после войны от Зощенко.

На Ленинградском фронте в самое страшное время, зимой 41/42-го года, когда Ленинградская область уже была занята немцами, группа наших разведчиков получила задание — пройти в тыл к немцам. Перешли они нейтралку. И вот идут они в белых маскхалатах по лесу, по старой, заброшенной дороге на нейтральной территории. Ночь. Темнота. Вдруг луна неожиданно из-за тучи появляется. И они оказываются буквально нос к носу с немцами. Неожиданно... Что делать? Наши попрыгали в один кювет. Немцы — в другой. А один немец заметался, растерялся и с перепугу плюхнулся прямо на наших. Немцы его зовут: «Ганс, Ганс...» А наши так растерялись, что лишь обложили его крепким матом, а потом в панике схватили и перекинули через дорогу. Так тот, пока летел, от страха громко пукнул. В лесной тишине этот звук прозвучал, как взрыв. И немцы, и наши дико заржали. До колик. Продолжалось это с минуту, наверное. Потом смех стал стихать — видно, каждый о чем-то своем задумался... А дальше произошло нечто невероятное — без всякой пальбы каждая группа повернула и тихонечко поползла каждая в свою сторону. Без единого выстрела.

Если уж на войне смех сближал, то уж в нашей жизни, с нашими-то начальниками — и подавно... Анекдот удачно расскажешь, он тебе уже полудруг...

— Я знаю, что при строительстве цирка вам очень помог Николай Иванович Рыжков. С ним вы как подружились? Тоже анекдоты травили?

— Этого человека я всю жизнь буду вспоминать с любовью и благодарностью, хоть он и не любит частную собственность. Он — наш крестный отец. Без него не было бы сегодня Старого цирка на Цветном бульваре...

...К кому я тогда только не обращался — к Талызину, к Алиеву... Все только руками разводили: «Какая валюта! Побойтесь Бога. Чернобыль же...» А наши строители сказали: «Будем строить 12 лет». Я подумал: «Ну не доживу ведь. Где 12, там и все 50». И тогда я написал письмо Рыжкову, нестандартное, трогательное: «Дети со слезами на глазах проходят мимо забора на Цветном бульваре, где когда-то был цирк...» И дальше в том же духе. А в конце просил три с половиной минуты для личной аудиенции. Принял нас через два дня. Со мной пошли Ирина Бугримова и Олег Попов. Назначили нам на девять часов утра. Приходим. Секретарь нам говорит: «Подождите. Он там ваш вопрос решает. Вызвал Талызина, Алиева, других товарищей». Ну, у меня все опустилось внутри — эти-то уж точно ничего нам не дадут. Секретарь видит, что мы сникли, стал байки про Кремль рассказывать.

Наконец вызывают нас. Заходим. Николай Иванович нам руки пожимает: «Ну, как жизнь? Рассказывайте». Бугримова стала про львов говорить. Олег

Попов еще про что-то. Николай Иванович про мои роли в кино вспомнил. А я смотрю на часы: десять минут уже прошло. Говорю: «Извините, я-то просил всего три с половиной минуты...» Он отвечает: «А мы ваш вопрос уже решили». «То есть как?» — удивляюсь. «А вот так. Сейчас подпишу документы. Выделяем вам 22 миллиона инвалютных рублей». Я обомлел, даже рот раскрыл. «А вы как считали,— продолжает он,— мы вам скажем — нет?» Я и рассказал ему анекдот о том, что обычно говорилось в этом кабинете.

Я знаю, что сидел когда-то в вашем кабинете Сталин. Так вот разговаривает он по телефону с Черчиллем:

— Нэт. Нэт. Нэт. Нэт. Да. Нэт. Нэт. Нэт. До свидания.

Вешает трубку. А Поскребышев его и спрашивает:

— Про что это Черчилль вас спрашивал: вы «нет» говорили и вдруг один раз сказали «да»?

— А-а. Это он меня спросил, хорошо ли я его слышу...

Засмеялся Рыжков, говорит: «Думали, что откажем?.. Конечно. Мы могли бы на эти деньги два колбасных завода купить! Ну и что толку? Все равно ведь на всех не хватит. А цирк будет стоять всем на радость».

— Но не за рассказанные же анекдоты вы цирк построили. Трудно было заставить начальников воспринимать себя не как клоуна, а как солидного директора солидной фирмы? И трудно ли было привыкать к новой роли?

— Профессия клоуна — для молодых. Когда пожилой человек начинает на арене валять дурака, его становится жалко. Я не хотел, чтобы меня жалели. Ушел в расцвете творческих сил, мы играли тогда, может быть, лучшую свою клоунаду, с бревном... Ушел красиво...

Но если бы кто-нибудь лет десять назад сказал мне, что я стану директором,— рассмеялся бы ему в лицо.

А потом вспомнил историю с Охлопковым. Его назначили заместителем министра культуры. И друзья его спросили, не боится ли новой должности, он ответил: «Да что там! Я же столько царей переиграл! А уж с этой ролью и подавно справлюсь!»

Так я и стал директором. Он долго не продержался, понял, что быть замминистра — это не царей играть. А я вот директорствую пока. Было трудно сначала. Я ведь привык отвечать только за себя, а тут сразу свалилась на меня ответственность за огромный коллектив. И репетиции. И строительство. И заботы о том, увезут ли вовремя говно из конюшни или опять нас оштрафуют... Сейчас уже проще. Заместители хорошие появились...

— А что вам труднее всего далось?

— Не умею отказывать людям. Были бы у меня возможности, всех бы ублажал. Мне иногда такие письма пишут: «Вы добрый, а я дачу покупаю, пришлите мне, пожалуйста, 5 тысяч. Больше обратиться не к кому...» То гитары просят достать, то машины... Но всем помочь невозможно. Как у Окуджавы поется: «...и пряников, кстати, всегда не хватает на всех». Знаете, сколько желающих выступить в нашем цирке? 7 тысяч. А в каждой программе занято всего 70—80 артистов. Что делать? Заставлять людей в очереди по нескольку лет стоять? Тоже ведь жестоко. А менять программы чаще — денег нет... Погрузки, разгрузки, уборки, продукты для животных — знаете, каких денег все это стоит? Ого-го!

— Недавно я гуляла с собакой, и одна старушка ко мне прицепилась: «Вот развели собак, а людям жрать нечего!» А у вас сколько животных в подчинении! Как же вы решаете продовольственную программу в цирке?

— Звери получают все, что положено международными нормами. Мясо у нас почем нынче, знаете?

— Знаю, к сожалению.

— Вот и нам оно не дешевле достается.

После того как стал публиковать анекдоты в «Огоньке», получаю много писем и всегда внимательно их читаю — закалка старая,— вот и разбираю все каракули. Недавно получил письмо с «рационализаторским» предложением. Мужик пишет: «Я научу вас зарабатывать деньги. Объявите конкурс: кто войдет в клетку к хищникам, получит сто рублей...» Я удивился. Читаю дальше: «...Представьте себе, что средний вес человека — 70 килограммов. Разделите сто на семьдесят — получается 1 рубль 40 копеек. Вот и подешевеет мясо для животных...»

— Ужас какой!

— Вот и у меня такая же реакция была. Чернуха. Надо же, до чего народ довели. Я не люблю, честно говоря, черный юмор...

Хотя однажды сам пошутил по-черному над Игорем Кио. Мы поехали выступать в Америку. Ездили по разным городам. Выступали в спортзалах. У него был номер — сжигание женщины. На репетициях всегда было полно пожарных и полицейских. И нам говорили: «Как это у него получается?» Я говорю: «А что, разве у вас в Америке сложно каждый вечер новую бабу найти?» Тогда пожарные стали выяснять: что за пламя, какой высоты, другие технические подробности. Я говорю: «Что вы так волнуетесь. За два месяца, что мы в Америке выступаем, всего два зала сгорело...» Они такой крик подняли, а потом взяли да и запретили. Кио на меня страшно разозлился: «Вот до чего ваш юмор доводит!» Но было уже поздно. Там пожарные железные — если уж сказали «нет», ничто их не переубедит.

— Цирк наш пользуется огромной популярностью в мире. И в то же время поговаривают, что дрессировщики у нас самые жестокие и очень плохо обращаются с животными...

— У нас действительно за этим меньше следят. А кроме того, на Западе большой авторитет имеют общества защиты животных. Если уж они прознают про случаи плохого обращения с животными,— хорошего не жди, могут и гастроли запретить, а то и засудят дрессировщика.

Однажды они увидели, как дрессировщик избил медведя. Газеты такой подняли шум! Теперь его ни одна страна на гастроли не принимает...

Я точно знаю, что и на Западе не самым лучшим образом обращаются в цирке с животными, просто умеют это скрывать. По знаменитому дуровскому методу дрессуры лаской можно результатов несколько лет ждать, а кормиться-то надо.

Но я не сторонник болевых методов. Всегда вижу во время представления, каковы взаимоотношения дрессировщика с питомцами за кулисами. Вот у нас есть артист Петр Простецов. Так его собаки так радостно на манеж вылетают, с визгом, с веселым лаем, они смотрят на него и улыбаются. Радость зрителям несут и сами получают удовольствие. Петя может собаку на репетиции и шлепнуть, но не бить.

А бывает, подходит дрессировщик к собаке, так она, бедная, вся напрягается, к полу прижимается: ждет удара или другого действия, причиняющего боль, боится. Все делает, но без радости, от страха...

Известен случай, когда дрессировщик на репетиции кусал собак за уши так, что они визжали от боли. Кошмар. Ублюдок, а не артист цирка.

Или на Западе видел номер со слоном. Артист на манеже доставал из кармана платок. Махал им, и слон выполнял все команды. А потом выяснилось, что в платке у него острый крюк. Слон боялся — вот он все и делал.

Я стараюсь не допускать подобного в своем цирке.

— Похоже на то, как рассказчики анекдотов опасались властей предержащих. Те платочком машут: давай-давай! А в платочке крюк!

— Потому и было много абстрактных анекдотов. В них достаточно было намека...

Однажды просыпается человек. Смотрит вокруг: комната синяя, кровать синяя, потолок синий. Заходит в ванную — там тоже все синее. В зеркале — он сам синий. Выходит на улицу, видит: синяя трава, синяя дорожка, синий троллейбус, синее небо. И вдруг из синей парикмахерской выходит розовый человек. Синий подбегает и спрашивает:

— А почему все вокруг синее, а вы — розовый?

— А я из другого анекдота...

Собирая анекдоты, прослеживая, как они меняются, можно написать историю страны. Историю меняющихся взаимоотношений людей. Недавно я подумал: если бы у меня было высшее образование, если бы я не занимался искусством, но любил бы так же анекдоты — написал бы диссертацию. Но — я уже директор цирка...

— А скажите честно, не возникает иногда желания тряхнуть стариной, прийти в гримерную, сесть у зеркала, нарисовать лицо, надеть костюм, огромные башмаки и... выйти на манеж?

— Когда наконец наступил самый счастливый день в моей жизни: открыли после всех наших мытарств цирк на Цветном бульваре,— я выходил на премьерных спектаклях на манеж в гриме и костюме и пел песню про цирк, которую сам сочинил.

Несколько раз в году мы устраиваем шефские представления для солдат. С армией у меня свои отношения — воевал. Знаю, какая серая, беспросветная тоска там... Солдаты поэтому самые лучшие зрители... И я всегда выхожу их приветствовать, правда, в «цивильном виде».

Последний раз 9 мая подарили мне бескозырку и тельняшку. Бескозырку я сразу нацепил и сказал: «Я надеюсь, что через год вы снова к нам приедете и подарите мне еще и подводную лодку...» Они очень смеялись. Я поднялся в свой кабинет, подошел к зеркалу с тельняшкой в руках, с цветами, в бескозырке, глянул в зеркало... и обомлел: ну какой же я директор? Здоровенная харя, дурацкая бескозырка, маленькие глазки, большой красный нос (аллергия), губы отклячены — вид глупейший... И я понял, почему они там смеялись этой бестолковой репризе про подводную лодку: Я — КЛОУН. Никакой не директор. Всегда был и остаюсь КЛОУНОМ.

— А с Горбачевым вы лишь один раз разговаривали?

— Нет. Еще был на встрече с деятелями искусства. Выступать не собирался, но меня уговорили. Вышел уже последним. Говорил минут пятнадцать — все про кризис искусства, про культуру, про наши трудности. И под конец анекдот рассказал.

Приезжает папа римский в Америку к президенту. У того на столе три телефона — белый, красный и голубой. Президент объясняет:

— Белый — с Белым домом. Красный — с Москвой. Голубой — с Господом Богом.

— Да ну! — удивляется папа.

— Вот вам и ну! Хотите поговорить, пожалуйста,— 25 тысяч долларов минута.

Подумал папа: когда еще такая возможность представится — с самим Господом Богом поговорить. Но за одну минуту ничего сказать не успеешь... Махнул рукой и заплатил за две. Поговорили. Про здоровье спросил. Остался доволен.

Через месяц приезжает в Израиль. Приходит к президенту. Видит такие же три телефона.

— А, знаю, белый — с Белым домом, красный — с Москвой.

— С Китаем,— поправляет его президент.

— А голубой — с Господом Богом.

— Правильно. Если хотите поговорить — пожалуйста.

— Да нет, спасибо,— отвечает папа римский.— У меня сейчас финансовые сложности.

— Да что там — три цента минута.

— Как же так? А я в Америке платил по 25 тысяч долларов.

— Да ведь здесь телефон-то местный...

Засмеялись все. Я говорю: «Вот, Михаил Сергеевич, нет у нас такого телефона, чтобы с Господом Богом поговорить, не услышит он нас все равно. А с вами иногда можно, еще и бесплатно. Так что уж вы помогите нам...» Все еще пуще смеются. Потом Горбачев итоги подводит: «Ну, товарищи. Поговорили мы хорошо. Здесь присутствуют главные редактора журналов и газет. Я думаю, нужно довести до сведения народа, как мы тут с вами обменялись... Вот только анекдот печатать, наверное, не будем. Правильно, Юрий Владимирович?» Я говорю: «Конечно, правильно, Михаил Сергеевич. Я его все равно в «Огоньке» напечатаю...» Вот и напечатал...

* * *

Помню ночь 13 января. Кровопролитие в Литве. Всю ночь слушали «Эхо Москвы». Утром примчались в редакцию, заряженные бешеным желанием что-то сделать, куда-то мчаться, помогать, начали оформляться в командировки... Тут позвонил Никулин — уж не помню, по какому поводу, терпеливо выслушал наши сбивчивые ахи, охи, вздохи, обрывки несвязных мыслей, тихо, устало сказал: «Спокойней, ребята! Все образуется. Еще и новые анекдоты появятся!»

Мы были в шоке. Эта фраза про анекдоты показалась кощунственной... Но было в его хрипловатом голосе, в самой интонации, с которой произносилась фраза, столько горького, едкого смысла, житейской проницательности, столько невеселой умудренности, элементарной человеческой усталости от каждодневной суеты, что невольно подумалось: вот мы все, собравшиеся в этой маленькой, прокуренной редакционной комнате, словно щенки, попавшие в реку: не видим берега, захлебываемся в захлестывающих нас волнах... А он, этот мудрый, много поживший и испытавший человек, стоит на берегу и видит: речка небольшая, берег недалеко, течение слабенькое, да и волны в общем-то не ахти какие страшные. Стоит спокойно, не суетясь, смотрит на нас снисходительно и твердо верит — все обязательно образуется и выйдет так, как предназначено судьбой...

Так и в его веселых рассказах, анекдотах, историях, помогающих выжить и не потерять человеческое лицо в наши страшные времена, проглядывает Человек, Стоящий На Берегу.

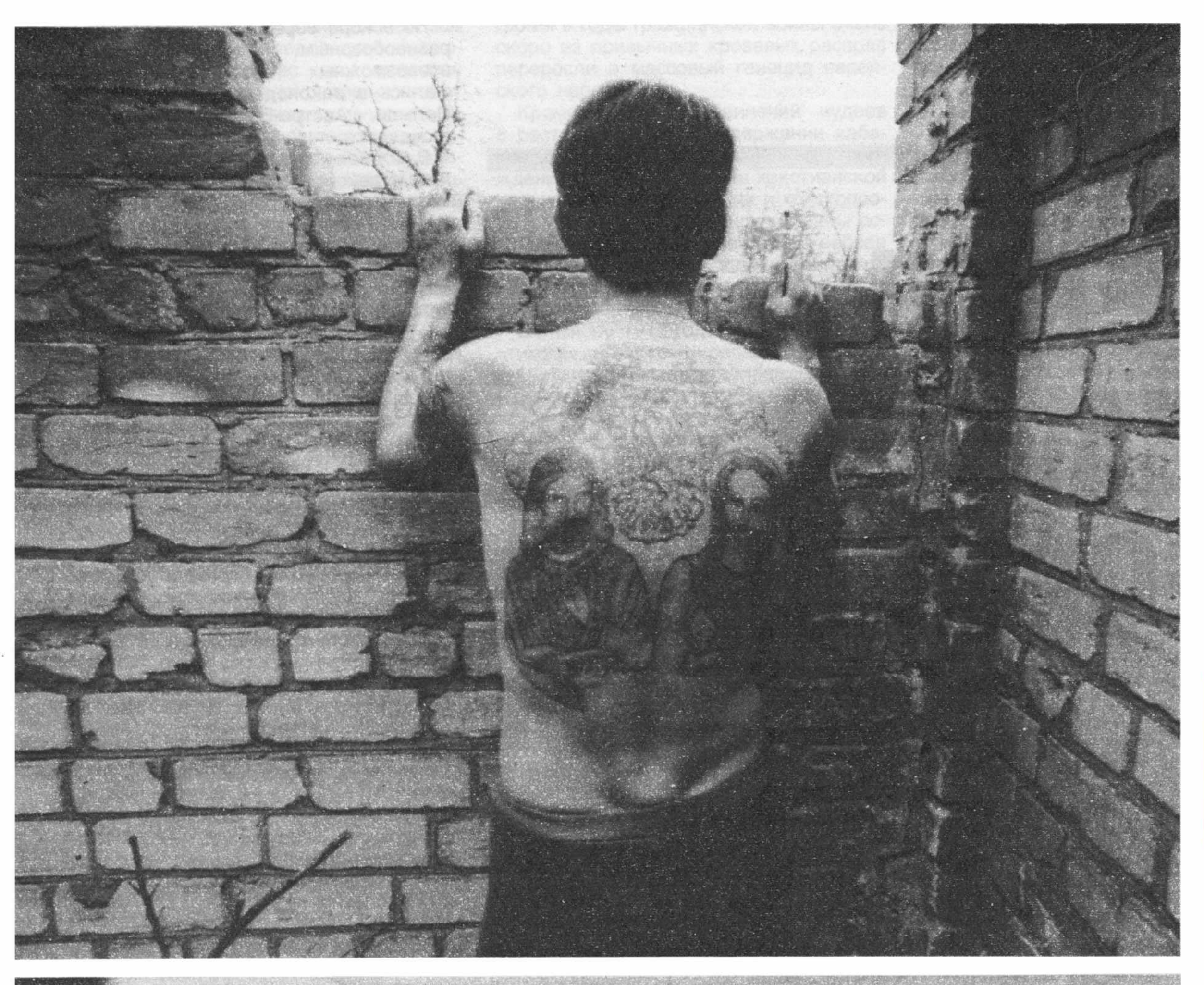
P. S. В ближайших номерах «Огонька» мы продолжим публикацию подборки «Анекдоты от Никулина».

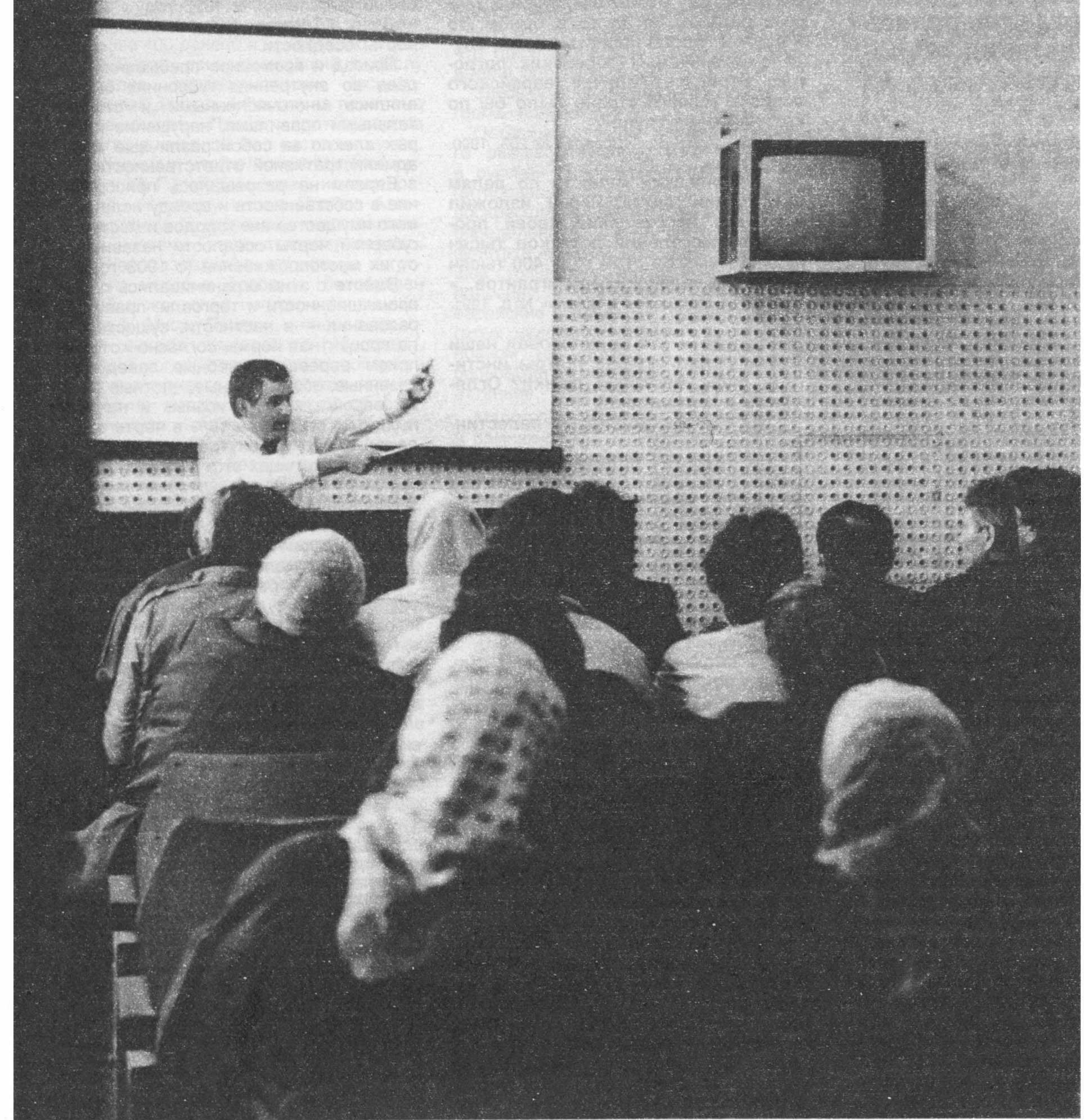

КОД ИСЦЕЛЕНИЯ

Сограждане наши отметили дату — шестилетний юбилей антиалкогольной кампании. Со времени выхода указа о борьбе с зеленым змием у доктора Закревского пациентов меньше не стало. В приемные дни они заполняют почти весь небольшой дворик Донецкого областного наркологического диспансера. В любую погоду. Недавно для них из жалости выстроили беседку, что вообще-то не полагается, так как стояние в очереди под дождем и снегом — часть психологической подготовки к лечению.

Александр Павлович Закревский — психотерапевт, успешно занимающийся, в частности, лечением от алкоголизма по методу Довженко. Закревского здесь все называют исключительно «доктор» — с оттенком трепета. И это тоже часть метода — создать такую обстановку, чтобы больной поверил, что вот он, его шанс стать здоровым. Все работает на это — и очередь, которую отстаивает больной, и трехнедельная подготовка к лечению («Двадцать один день перед сеансом — ни капли спиртного!»), и стенды с портретами доктора Закревского и его учителя Довженко, смахивающие на иконостас.

И вот они собираются здесь — протрезвевшие за двадцать один день, задумавшиеся, немного возвышенные и печальные — все-таки начало новой жизни... Многие с женами, измученными и бедно одетыми, верными и терпеливыми. В этой толпе не только алкоголики — приходят люди с заиканием, нервными расстройствами, наркоманы. Александр Павлович не уверен, что он может помочь каждому, но ни от одного больного он еще никогда не отказывался. Если есть возможность попробовать — отчего же не попробовать?

Суть метода — в кодировании на определенный срок, то есть в введении в подсознание запрета на употребление спиртных напитков. Нарушение этого запрета грозит алкоголику серьезными неприятностями для здоровья. Так что без помощи пациента не обойтись никак. Когда Закревский начинает работать с больными, он надевает высокий белый колпак и становится ужасно торжественным. Сначала — предварительная беседа с каждым из пациентов, потом в специальном зале доктор объясняет всем вместе суть и условия лечения, а потом уже происходит собственно кодирование, но в наглухо закрытом кабинете. И как это происходит, знают только доктор Закревский и его больной.

...Людей нужно лечить любой ценой, а ведь ни для кого сейчас не секрет, как финансируется здравоохранение и сколько у него проблем. Поэтому при диспансере создан хозрасчетный оздоровительный центр «Дельта», в котором оказываются платные услуги — в основном избавление от вредных привычек. Все заботы, связанные с деятельностью центра, легли на плечи И. Кононенко. Молодой и предприимчивый доктор, рискуя навлечь на себя гнев начальства, решился на, прямо скажем, нестандартный шаг: к работе центра он привлек... ясновидящих. Они помогают в определении заболеваний внутренних органов, которыми часто страдают алкоголики, сами об этом не догадываясь. Помогают тем, кто лечится, избежать срывов, предсказывая, когда и почему они могут быть. Беседуют с членами семей больных, стараются их поддержать, помочь поверить в благополучный исход. Правда или преувеличение, но говорят, что одна из женщин, работающих в «Дельте», по силе дара ясновидения превосходит болгарскую прорицательницу Вангу...

...Столы докторов диспансера завалены письмами. Это тоже условие исцеления — написать, как себя чувствуешь после лечения. Письма со всех концов страны, но больше всего, конечно, из Донецка и области, где тяжело работают и крепко пьют. Но где начинают понимать, что если бороться за свои права — то уж трезвыми.

Юлия ВЕРНИКОВСКАЯ
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Донецк.

ТРАГЕДИЯ УХОДА ОТ РОДИНЫ

Юрий ГАВРИЛОВ

«Весьма удручает и то, что в данном случае вновь (в который раз в истории!) разыгрывалась «еврейская карта», возбуждалась истерия по поводу «еврейских погромов», которых нет, не было и, надеюсь, никогда не будет...»

Из статьи «Кто убил Осташвили?» (газета Союза писателей СССР «День» № 9, май 1991 г.).

«...В условиях, когда эмиграция граждан еврейской национальности из Советского Союза достигла в прошлом году 100 тысяч человек, а в этом году может оказаться в 2—3 раза больше, когда то в одном, то в другом городе прокатываются слухи о неминуемых еврейских погромах, отрицать наличие еврейского вопроса у нас в стране было бы по крайней мере глупо».

«Правда» № 203, 1990.

«...Израильский министр по делам иммиграции Ицхак Перец изложил основные направления своей программы расселения десятков тысяч из ожидаемых в этом году 400 тысяч советских еврейских иммигрантов...»

«Аргументы и факты» № 8, 1991.

«Русские — кто оккупировал наши газеты, радио, экраны, театры, институты, суды, магазины, рынки? Оглянитесь и опомнитесь!

...Мы уже безземельные палестинцы!

...Не верьте политиканам-сионистам! Русские предатели опаснее сионистов, называйте их громко!

...Россия — россиянам!.. Победим или умрем за Россию!»

Из врезки-обращения в брошюре «Сионские протоколы — ультиматум Роcсии?», свободно распространявшейся на Невском проспекте в декабре 1990 года.

Нам прислали старую книгу. (Еврейские погромы 1918—1921. Издательство акц. общества «Школа и книга». Москва, 1926.) Но если забыть о годе ее издания, страшные фотографии напомнили о Бухаре и Тбилиси, об Оше и Вильнюсе, о том, что и сегодня мы продолжаем платить по старым счетам.

Сокрушая механизм преступлений, надо помнить о том, кому нужны преступники. О том, как власти отталкивают от себя народный гнев и готовы направить его на кого угодно — лишь бы спастись.

Когда, пытаясь объяснить резню в недавно еще вверенной ему республике, Р. Нишанов лгал в глаза Верховному Совету страны, что, мол, все дело в опрокинутой тарелке клубники, он знал, что лжет. И те, кто сваливал ответственность за убийства в Тбилиси и Вильнюсе на темперамент местных жителей, тоже знали, что лгут. И те, кто, наблюдая за приготовлениями к бакинской резне, потворствовал ей, долго не вмешиваясь в действия убийц, тоже ведали, что творят. Имперское мышление подразумевает умение отвести ответственность от центральной власти, оберегающей свои тарелки, на опрокинутую бедняцкую тарелку, в которой, дескать, весь корень зла.

Времена срастаются, и очень важно помнить об этом. Осмысливая современность, надо возвращаться по следу. Надо понимать, откуда «Майн кампф» и «Протоколы сионских мудрецов», которыми торгуют в прихожих московских шовинистических сходок. Надо осмысливать трагический опыт прошлого, размышляя над ужасом, творящимся в сегодняшнем Закавказье, о взрывоопасной Средней Азии, о трагичной Прибалтике, о неплохо обмундированных фашистиках, выползающих время от времени на площади Советской страны.

Когда мы говорим о преступлениях фашизма и, в частности, о гитлеровской политике уничтожения евреев, мы все-таки осознаем зло, пришедшее извне. Как страшно, что топор насилия может быть занесен над головой той или другой нации в границах одной страны.

Это беда, что из страны уходят, эмигрируют сотни тысяч людей. Можно, конечно, проклинать их вдогонку, но надо бы задуматься, почему это продолжается столько десятилетий подряд, почему столь обыденной стала трагедия ухода от родины, почему столь долговечно государственное умение сталкивать народы между собой.

Давайте все передумывать сначала. Очень важно понять, чтобы не допустить повторения. Мы хотим возвратиться в человечество, а без такого понимания это немыслимо. Ведь рушатся кордоны в Европе, наш руководитель охотно говорит про общеевропейский дом, а у нас дома по-прежнему неуютно...

Итак, предлагается либо умереть с именем России на устах, либо окончательно решить еврейский вопрос первоначально хотя бы в пределах от Пскова до Южно-Сахалинска. Задача не из простых, и попытки ее решения в истории нашей страны уже были...

В конце XVIII века в Российской империи в результате разделов Польши появилось многомиллионное еврейское население. Принимая под свой скипетр новые нации, Екатерина II в указе 1785 года обещала иудеям пользование выгодами и правами без различия закона (религии) и народа наравне с лицами других состояний российского подданства.

Но вскоре евреи стали подвергаться разнообразным стеснениям, образцы всевозможных ограничений содержались в законодательствах Пруссии, Польши, Австро-Венгрии, германских государств.

В XIX веке эти правовые ограничения лиц иудейского вероисповедания сложились в весьма разветвленную систему, хотя многие антиеврейские законы не отличались особой четкостью, и это делалось преднамеренно, так как двоякое толкование закона и поныне — прекрасная основа для поборов с просителя.

Русские евреи были ограничены в праве выбора места жительства, им запрещалось проживать во внутренних губерниях России и Сибири. Черта оседлости (местность, разрешенная для проживания евреев) включала в себя десять польских губерний и пятнадцать южных, юго-западных и северо-западных губерний: Черниговскую, Бессарабскую, Херсонскую (кроме г. Николаева), Таврическую (кроме городов Севастополя и Ялты), Полтавскую, Подольскую, Могилевскую, Минскую, Ковенскую, Киевскую (кроме г. Киева), Екатеринославскую, Гродненскую, Волынскую, Витебскую и Виленскую.

После первой волны еврейских погромов (в 1881—1882 годах) евреям было воспрещено селиться и в губерниях черты оседлости вне городов и местечек.

Ограничения черты оседлости не распространялись на купцов первой гильдии, лиц, имевших высшее образование, фельдшеров, дантистов, акушерок и ремесленников.

С 1891 года запрещено проживание евреев-ремесленников в Москве и Московской губернии и произведены массовые выселения, в 1893 году Ростов-на-Дону и Таганрог были исключены из черты оседлости.

Приезд и временное пребывание евреев во внутренних губерниях обставлялись многочисленными и стеснительными правилами, нарушение которых влекло за собой различные меры административной ответственности.

Евреям не разрешалось приобретение в собственность и аренду недвижимого имущества вне городов и местечек губерний черты оседлости независимо от их местопроживания (с 1903 года).

Вместе с этим ограничивались права промышленности и торговли, право образования — в частности, существовала процентная норма, согласно которой прием евреев в учебные заведения, казенные, общественные, частные (кроме еврейских, религиозных и начальных), был ограничен 10% в черте оседлости и 5% во внутренних областях, причем в столицах этот процент сокращался до 3%, а в некоторые учебные заведения, например, в Военно-медицинскую академию, в Петербургскую медико-хирургическую академию, евреи не принимались вообще *.

Значительно были ограничены права иудеев по государственной, военной и общественной службе. От участия в городских и земских выборах евреи были устранены, в офицерские чины не производились, на государственную службу практически не принимались.

Таким образом, круг занятий еврейского населения был искусственно сужен правительственными запретительными мерами; по законам Российской

*** Под еврейским населением надо понимать исключительно лиц иудейского вероисповедания. В официальных документах Российской империи не существовало графы «национальность», а существовала графа «вероисповедание». На лиц еврейской национальности, принявших христианство (выкрестов), ограничения, налагаемые на иудеев, не распространялись. Так, дед В. И. Ленина по матери Израиль Бланк смог поступить в Медико-хирургическую академию волонтером, лишь крестившись в православие в 1820 году; Александр Дмитриевич Бланк закончил службу доктором Златоустовской оружейной фабрики в чине статского советника.**

империи русский еврей никоим образом не мог стать ни земледельцем, ни скотоводом, что сейчас ему ставится в вину теми, кто плохо представляет себе реальные условия существования иудеев в России в прошлом веке и начале нынешнего столетия. Ростовщиками и кабатчиками евреи становились вовсе не в силу злонамеренности своей натуры, смехотворны байки о жидах, споивших русский народ; Ф. М. Достоевский, не питавший к евреям симпатии, не без основания замечал, что «все кабатчики неевреи, право, стоят кабатчиков евреев».

Первая волна еврейских погромов прокатилась по южным и юго-западным губерниям (около 30 погромов) после убийства народовольцами 1 марта 1881 года царя Александра II. Организовал покушение Андрей Желябов, русский, из крестьян, командовала покушением столбовая дворянка Софья Перовская; первую бомбу бросал Николай Рысаков, русский мещанин, обеспечивший успех злодейства; смертельную рану императору нанес польский шляхтич Игнатий Гриневицкий; все бомбы для покушения снарядил сын священника Николай Кибальчич; запасным метальщиком был Тимофей Михайлов, русский, из крестьян; еврейка Геся Гельфман была содержательницей конспиративной квартиры. Следствием убийства стали, как говорилось выше, еврейские погромы, которые привели к началу массовой эмиграции евреев из России (в основном в Соединенные Штаты) и взрывоподобному росту революционных настроений среди еврейской молодежи.

В 1903 году в Кишиневе совместными усилиями антисемитов и властей был организован еврейский погром, своей свирепостью потрясший Россию. Во время погрома было убито 45 человек и свыше 400 ранено и искалечено. Граф С. Ю. Витте, принадлежавший к числу наиболее здравомыслящих государственных деятелей России на переломе веков, писал: «Плеве... против евреев ничего не имел, он был настолько умен, что понимал, что политика эта (погромная.— **Ю. Г.**) неправильная, но она нравилась великому князю Сергею Александровичу, по-видимому, и его величеству, поэтому Плеве старался вовсю... При нем разразились еврейские погромы, из которых особенно безобразен дикий и жестокий погром в Кишиневе.

Граф Мусин-Пушкин, генерал-адъютант закала императора Николая I, бывший тогда командующим войсками Одесского округа, рассказывал, что немедленно после погрома он приехал в Кишинев, чтобы расследовать действия войск. Описывая все ужасы, которые творили с беззащитными евреями, он удостоверял, что все произошло оттого, что войска совершенно бездействовали, а бездействовали они оттого, что им не давали приказания действовать со стороны гражданского начальства, как того требует закон...»

За 1905—1906 годы по стране прокатилось кровавое колесо двухсот погромов, среди них — такие жестокие, как расправы над евреями в Белостоке и Одессе.

Первая мировая война обесценила человеческую жизнь. Кровь лилась не только на фронте, достаточно вспомнить неслыханную по масштабу и жестокости армянскую резню, учиненную турками в 1915—1916 годах. В границах Российской империи к 1917 году царская администрация с трудом сдерживала натиск голодных бунтов; национальные противоречия временно отступили на второй план, но было очевидно, что падение сильной централизованной власти будет означать вступление России в период нового Смутного времени, в полосу хлебных и винных бунтов, истребления дворянства, духовенства, интеллигенции и непременно еврейских погромов. Население черты оседлости в буквальном смысле слова оцепенело перед вскипавшей волной насилия. Но никто не ожидал, что свершится генеральная репетиция Судного дня — погромы в годы гражданской войны очень скоро из привычных кровавых расправ переросли в массовый геноцид еврейского народа.

Кроме обычных обвинений иудеев в ростовщичестве и содержании кабаков, диких, но распространенных утверждений об использовании христианской крови в ритуальных целях и христопродавстве, в ходе гражданской войны основным губительным наветом на евреев стало утверждение, что они есть причина русской революции и главные деятели ее.

В октябре 1919 года, в дни киевского «тихого», ночного и кровавого погрома, В. Шульгин объяснял и оправдывал его в газете «Киевлянин» следующим образом:

«По ночам на улицах Киева наступает средневековая жизнь. Среди мертвой тишины и безлюдья вдруг начинается душу раздирающий вопль. Это кричат жиды. Кричат от страха... В темноте улицы где-нибудь появится кучка пробирающихся вооруженных людей со штыками, и, увидев их, огромные пятиэтажные и шестиэтажные дома начинают выть сверху донизу...

Целые улицы, охваченные смертельным страхом, кричат нечеловеческими голосами, дрожа за жизнь... Это подлинный непритворный ужас, настоящая пытка, которой подвержено все еврейское население.

Русское население, прислушиваясь к ужасным воплям, вырывающимся из тысячи сердец, под влиянием этой «пытки страхом», думает вот о чем: научатся ли евреи чему-нибудь в эти ужасные ночи? Поймут ли они, что значит разрушать государства, которые они не создавали? Поймут ли они, что значит по рецепту «великого учителя Карла Маркса», натравливать один класс против другого? Поймут ли они, что такое социализм, из лона которого вышли большевики?..»

Здесь все, кроме позорной поэзии погрома, прямая ложь.

Оставим в стороне требующий особого разговора вопрос о роли евреев в русской революции (тем более что цитировавшаяся выше ложь не раз уже воскресала в наши дни в изданиях определенного толка), в ходе и в результате которой численность их в нашей стране сократилась едва ли не наполовину, но тем не менее заметим, что еврейские общины, не говоря уже о богатых иудейских кланах*, были в основном нейтральны в политической борьбе белых, красных и зеленых всех оттенков.

Малограмотные или же вышколенные в рамках своей религиозной традиции, воспитанные на Талмуде, комментариях Раше и «Путеводителе колеблющихся» Маймонида, обыватели гетто и местечек не понимали да и не могли понимать сути происходивших событий (а кто ведал их подлинный смысл?) и участвовали в них против воли, как, впрочем, и миллионы россиян, насильно мобилизованных в братоубийственные рати.

«...Хорошие люди не убивают. Значит, революцию делают злые люди... Кто же скажет Гедали, где революция и где контрреволюция?» — вот вопль иудейской души на пепелище разграбленного поляками и буденновцами Житомира...

Синагога решительно отвергла теорию классовой борьбы, кроме того, русские евреи, исходя из своих собственных интересов, были заинтересованы в сохранении «единой и неделимой», которую при желании всегда могли покинуть в поисках заокеанского счастья; погромщики не брали на вооружение забубенных антисемитских высказываний «великого учителя Карла Маркса» (видимо, по незнанию); а малочисленная по отношению к шестимиллионному еврейскому народу секта политиков-демагогов делила свои симпатии между Бундом, меньшевиками и эсерами, и лишь наименее сведущие в теории Маркса и не склонные к отчаянному риску террористов шли в большевики, к Ленину.

Видный деятель партии эсеров Семен Ан-ский со знанием дела замечал в статье, опубликованной в Москве в июле 1918 года: «Среди евреев-большевиков нет ни одного, который играл бы хоть незначительную роль в еврейской общественной жизни, который хотя бы по имени или псевдониму был известен не то что широким кругам, но даже небольшой группе в еврействе».

Действительно, все крупные большевики еврейского происхождения отреклись совершенно от религии, культуры, традиций и преданий своего народа, стыдились его обычаев, многие из них порвали с родительской семьей. Представлять их в качестве руководителей еврейско-марксистского заговора, опрокинувшего величайшую в мире империю, по меньшей мере легковесно.

Но тот очевидный факт, что Лев Троцкий и Григорий Зиновьев, Карл Радек и Бела Кун, по сути дела, были уже не евреями, а в чистом виде космополитами, к тому же равно враждебными всему человечеству, антисемиты признавать не желали, да и не факты и теории определяют поведение погромщиков.

Роковым обстоятельством в жизни еврейских общин Украины и Белоруссии в 1918—1921 годах стало то, что среди красных — военачальников, комиссаров, чекистов, администраторов с неограниченной властью и просто рядовых красноармейцев евреи были, а среди белых*, петлюровцев, войск Пилсудского, в отрядах Булак-Булаховичей евреев не было. Такой вот факт, весьма способствовавший разжиганию страстей.

Разумеется, среди разнообразных противников большевизма нашли себе место и представители богатых еврейских кланов: Гессенов, Винаверов, Бикерманов. Они своевременно перебрались в Европу, давали деньги на белую идею; повеленный в делах этой части еврейской буржуазии Пасманик выступал на конференции русских монархистов-эмигрантов; представитель правительства Петлюры на мирной конференции в Париже еврей Марголин не только выгораживал юдофобов-убийц, но и обвинял большевиков в организации погромов с целью дискредитации Директории Украинской республики.

Погромы на Украине в годы гражданской войны были непохожи на погромы царского времени ни по своему характеру, ни по размаху.

По сути дела, это был крупнейший со времени рассеяния геноцид еврейского народа без различия возраста, пола, степени достатка.

Массовое уничтожение евреев было частью политической и стратегической программы всех инициаторов резни — об этом говорят многочисленные официальные, печатные материалы расистского характера — приказы, объявления, бюллетени.

Так как прежняя цель погромов — запугивание еврейского населения и разжигание национальной розни — полностью потеряла смысл: евреи были приведены в состояние столбняка и в большинстве случаев потеряли способность к самозащите и массовому исходу, а население либо осуждало погромы и пыталось спасти несчастные жертвы, либо примыкало к грабежу, то становится совершенно ясно — перед нами первая в истории попытка окончательного решения еврейского вопроса (терминология Гитлера) на ограниченной территории. Можно предположить, что евреев на Украине в 1918—1921 годах спасло от полного истребления прежде всего отсутствие у расистов общего плана, единого руководства, их междоусобная борьба, что, в частности, привело и к отсутствию единой методики уничтожения беззащитных людей.

Так, если в Умани и Проскурове евреев убивали без разбору посредством ручных гранат, а уцелевших рубили или закалывали, то в Тростянце уничтожали только мужчин — от грудных младенцев до глубоких стариков, а женщин насиловали тоже без различия возраста; в поселке Трудолюбовка рубили топорами и шашками лишь глав семейств — патроны берегли, если во многих местах применялись самые жестокие пытки с целью вымогательства, то в Проскурове гайдамаки выказали исключительную стойкость по отношению к еврейскому имуществу, им вообще-то несвойственную, оставив после себя горы трупов среди неразоренных жилищ.

В Белоруссии до вторжения поляков в августе 1919 года не было значительных вооруженных соединений ни одной противоборствующей стороны, а стало быть, и условий для геноцида.

Появление польских оккупационных войск для евреев вылилось в одиннадцатимесячную полосу «тихих погромов», «умеренных погромов», организованных непосредственно военными властями Ю. Пилсудского.

«Умеренный погром» — это систематическое издевательство над религией, культурой и бытовым укладом иудеев, временами переходящее в избиения, членовредительство, изнасилования, пытки, зарывание живых людей в землю — в августе 1919 года в селе Березине и Бобруйске.

Круглые сироты — жертвы погромов, собранные в одном из детских домов в 1920 году.

Но поляки все же в основном практиковались на выдирании еврейских бород, порке поголовно всего населения (например, в деревне Ганевичи Борисовского уезда) нагайками, езде на стариках евреях, запряженных в повозки (в Минске на Немиге), организации общественных работ по субботам и праздничным дням, осквернении и разрушении синагог.

Настоящая бойня началась, когда поляков сменили вольнонаемные отряды братьев Станислава и Иосифа Булак-Булаховичей, находившихся под опекой Польши и вдохновляемых Борисом Савинковым.

В большинстве случаев погромщики выставляли конкретный повод для расправы над евреями: шпионаж, стрельба из окон по отступающим частям — при отступлении; при наступлении города

*** Богатые еврейские семьи в октябре 1919 года в Киеве нанимали добровольцев в качестве охраны, и те за «грязное еврейское золото» служили верой и правдой.**

*** В добровольческой армии были в мизерном количестве, в тылу белых армий среди журналистов, общественных деятелей встречались и выкресты, и иудеи.**

с еврейским населением отдавались на несколько дней на поток и разграбление садистам, насильникам и мародерам без объяснения причин. Если из-за нежелательной огласки открытый погром был невозможен, то начинался длительный, иногда многомесячный «тихий погром», совершавшийся при попустительстве военных и гражданских властей.

Сечевики и гайдамаки вели себя порядочнее: чаще всего они не утруждались поисками поводов для погрома, а, оцепив какое-нибудь местечко, вырезали его начисто, до единого человека, поджигали, оскверняли синагогу и уходили в походном порядке с развернутыми прапорами и духовой музыкой.

У погрома свое лицо — кровь, размозженные головы стариков и младенцев, изнасилованные и зараженные сифилисом малолетние девочки и беременные на сносях...

Опознание родственниками жертв городищенской резни.

Вот как по описанию очевидцев выглядит хроника резни в Тростянце:

«9 и 10 мая 1919 года петлюровские банды, ворвавшись в Тростянец, принялись хватать и арестовывать еврейское мужское население. За это время ими было задержано около 400 человек различного возраста, которых заперли в помещение местного военного комиссариата. Никто не знал, какая участь ожидает несчастных пленников, но чувствовалось, что предстоит нечто ужасное. Действительно, начались какие-то жуткие приготовления. Десятки здоровенных бандитов принялись копать огромную могилу в 35 аршин длины и несколько аршин ширины. Эта работа тянулась мучительно долго, вызывая тревогу у населения, а тем временем 400 человек голодных, измученных, стиснутых в небольшом помещении, запертых в душных комнатах, без воздуха и без вентиляции, страдали и томились в предсмертных муках без проблеска надежды на спасение. Эта жестокая пытка тянулась 30 часов, пока наконец не наступила развязка. Орда вооруженных людей по сигналу окружила комиссариат, ворвалась в помещение, и началась кровавая резня. Сотни озверелых погромщиков с остервенением накинулись на пленников с ножами, топорами, ломами и прочими орудиями смерти, беспощадно убивая каждого попавшегося под руку... Душераздирающие крики терзаемых и убиваемых не производили на убийц ни малейшего впечатления, и они еще с большим ожесточением накидывались на свои жертвы, упиваясь их кровью и муками.

Только тогда стало ясно, для чего понадобилась гигантская могила. Убийцы свезли свои жертвы и побросали их в яму, и эта просторная общая могила поглотила 400 мучеников, над которыми теперь возвышается своеобразный мавзолей. Это своего рода новая «Стена плача», к которой в известные дни население приходит поплакать и вспомнить кошмарные минуты пережитого. Всего погибло в Тростянце до 500 человек».

Рассказывает свидетельница и жертва обычного, рядового погрома из деревни Терево Мозырского уезда 40-летняя Хася Кветкина*:

«9 мая вечером мы узнали, что идет банда балаховцев. Мы пошли в рожь ночевать. Нас поймали и поставили напротив квартиры Анцеля Гинзбурга. Оставив около нас постового, остальные бандиты пошли к квартире Гинзбурга. Выломав окно, несколько бандитов ворвались в дом. Там они убили жену А. Гинзбурга и одну соседку, третью ранили, а Анцеля Гинзбурга выбросили окровавленного на улицу. Его присоединили к нашей компании и избивали. Он им говорил: «Я уже вам все отдал — золото, деньги, вещи; я не приверженец Троцкого». К этому времени к нам присоединили еще несколько человек. Нас, человек 15, погнали к Нососну Каплану. По дороге нас избивали. Вогнали нас в квартиру. У дверей встал крестьянин с винтовкой в лаптях и свитке. Женщины уселись на кушетку. Скоро в квартиру согнали еще около 50 человек, большинство женщин. Были мужчины и дети. Мужчины уселись на полу. К квартире съехались все конные, около 25 человек. Лошадей привязали к забору, и все всадники вошли в дом. Всех женщин, наиболее молодых, вводили в отдельную комнату, где стояла кровать, и, укладывая всех поперек кровати, друг около друга, их изнасиловали... Стали выводить по два на улицу; раньше мужчин. С обеих сторон стали у дверей двое — один с шашкой, другой с дубинкой. И, выпуская их таким образом из квартиры, тут же убивали. Убитых выбрасывали на улицу. А. Гинзбурга и еще двух вывели на улицу и напоили их по полстакана серной кислотой. После достали нож из соломорезки и тупой стороной стали медленно резать шею Гинзбургу. Эту операцию бандиты сопровождали хохотом.

Ко мне подошел бандит и сказал: «Мы тебя сейчас в эту яму похороним»,— а другой схватил мерку и ударил моего сына Михеля, 10 лет, по голове. Другой схватил топор, только что принесенный из моей квартиры, и ударил меня по голове. Я упала навзничь в яму. Тогда он начал избивать топором второго сына, Илью, 14 лет, который также упал на меня в яму. Михеля еще раз ударили, и он тоже упал на нас. Эренбург хотела убежать, но тут же ее ударили топором по голове. Череп разлетелся, и она упала на нас. Я лежала внизу. Зашумело в голове. Очнувшись, я увидела, что светло. Узнала своих детей, продвинула в сторону убитую Эренбург и вытащила детей. Один из них крикнул: «маменька», а второй, Михель, лежал как убитый... Вдруг слышу свистки. Это бандиты стали созывать друг друга и собираться. Я решила еще раз сходить в дом за водой. На этот раз бандитов уже в доме не было. Я застала своих двух племянниц ранеными. Напоив их, я сейчас же побежала с водой к своим детям. На улице крики все еще продолжались. В сарае я не застала старшего сына: он через какую-то дыру выполз в рожь... Тут подошла жена попа и подобрала раненого ребенка Э. Гинзбург; среди трупов и раненых я узнала своего Илью; начала просить попадью убрать Гиту Гинзбург и моего сына. Я пошла в ближайший еврейский

* Документ дается в сокращении.

Нашумевший петлюровец Тютюник.

Роман Передеря.
Революционный деятель и стойкий защитник еврейских масс от погромов.

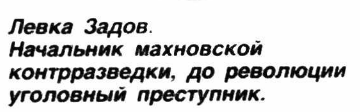

Гирш Тури.
Начальник тетиевской еврейской самообороны.

дом, взяла подушки и простыню, и мы их отнесли в сад. Попадья принесла клубники, напоила их. Все начали понемногу приходить в себя. В этот момент стало опять тревожно... Говорили, что бандиты опять идут. Крестьянки стали удирать к себе в дома. Я также хотела с ними, но они меня в дом не впускали. «Убьют нас вместе с вами».— ответили они. Одна русская девушка указала мне на свой огород и спрятала меня во ржи, принесла мне воды и хлеба и ушла. Опять открылась стрельба. Я лежу. Через несколько минут девушка эта вернулась (я ее не знаю) и сказала: «Не бойся, голубка, лежи смело: то пришли наши солдаты». Я поднялась и поплелась искать своих детей. Пришла в сад к раненому сыну, затем в сарай к контуженому. Он стонал тихо. Пришла сестра милосердия из отряда Карпова с фельдшером Босковичем, стала нас перевязывать и забрала нас в больницу. Там мы переночевали. На следующий день приехали наши врачи».

Трудно возвращаться к подобному тексту, но все же, приглядевшись, заметим и русскую девушку, спрятавшую Хасю Кветкину и попадью, забравшую к себе еврейских детей. Русские и украинцы в Киеве вовсе не думали в средневековые ночи, как воображает В. Шульгин: поймут ли евреи, осознают ли свой грех перед Российской империей; люди с нормальным, неотравленным сознанием, сохранившие в сердце христианское чувство сострадания, переживали минуты стыда, ужаса, жалости и отчаяния от невозможности помочь жертвам. (Яростный хулитель еврейства — В. В. Розанов писал в это время: «...Погромы! Ведь это — ужас!»)

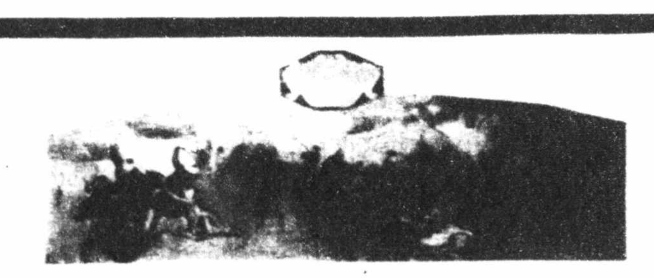
В чаду погромного пожара главное стало ясным — большинство нееврейского населения относилось к погромам с отвращением, а к погромщикам — с брезгливостью, и, как признает еврейский автор, если бы этого не было, то еврейское население было бы поголовно истреблено, а уцелевшая часть погибла бы от голода, холода и болезней. В. Г. Короленко в Полтаве, украинец Верхола в Проскурове, волынский крестьянин Роман Передеря, погибший в Чуднове, спасая от гибели еврейское население, Союз металлистов в Елисаветграде, просто обыватели городов и местечек, просто люди...

Левка Задов.
Начальник махновской контрразведки, до революции уголовный преступник.

Махно.

„СКОРБНЫЙ ЛИСТ“

Название губерний:	Число погромл. пунктов	КЕМ и СКОЛЬКО ПОГРОМОВ БЫЛО УЧИНЕНО					
		Деникинцами	Петлюровцами	Поляками	Балаховичем	Бандами	Общее число погромов*)
Волынская	100	1	26	6	—	100	133
Подольская	164	44	113	15	—	198	370
Киевская	239	92	47	8		359	506
Черниговская	42	15	5		—	31	51
Полтавская	40	25	5	—	—	24	54
Харьковская	12	13	—	—	—		13
Николаевская / **Одесская**	71	27	8	—	—	60	95
Екатеринославская	26	3	2	—		44	49
Донецкая	9	6	—	—	—	18	24
Итого на Украине	703	226	206	29	—	834	1295
В Белоруссии	179	—	5	18	43	130	196
В Гомельск. губерн.	29		—		4	25	29
Всего**):	911	226	211	47	47	989	1520

*) Число погромов превышает число погромленных пунктов, потому что многие пункты подвергались погромам по несколько раз.

**) Сюда не вошли деникинские погромы, учиненные ген. Мамонтовым в Курске, Козлове, Тарасове, Ельце и др. пунктах.

Подведем скорбные итоги.

Интуитивно намеченной цели — вырезать поголовно еврейское население Украины по названным выше причинам не удалось — не хватило единства сил и времени. Через краткий исторический промежуток Сталин и Гитлер столкнутся с теми же трудностями; да и практика покажет: уничтожение многомиллионных масс беззащитного и безоружного человеческого материала (терминология Сталина) требует специально разработанной технологии и многочисленных высококвалифицированных специалистов — кадры решают все!

Количество жертв первой широкомасштабной попытки окончательного решения еврейского вопроса не поддается скрупулезному учету: погибло 180—200 тысяч человек (без умерших от болезней — следствия погрома); на Украине после окончания гражданской войны существовала оценочная цифра еврейских сирот — более 300 тысяч; цветущие местечки, средоточие столь необходимых в годы всеобщего обнищания ремесел — слесарного, скобяного, портновского (Богуслав, Фастов, Знаменка, несть им числа), лежали во прахе и смердели тлением.

Сотни тысяч людей, всю жизнь трудившихся и производивших, как правило, предметы первой необходимости, были превращены в беженцев, побирушек, обитателей бараков и клиентов благотворительных учреждений.

Кому лучше, кому веселее стало жить?

А труднопоправимый вывих в душе многих и насильников, и жертв остался.

Одни помнили себя сверхчеловеками, в душе других вместе с вечным страхом усилилось желание покинуть Россию, но еще одним итогом геноцида стало стремление многих молодых евреев выломиться из своего народа, отряхнуть его прах со своих мелкобуржуазных ступней и стать не людьми первого сорта — русскими или грузинами, а людьми высшего сорта — людьми без родины, без религии, без культуры, левитами всемогущего государства и его всесильно-всемирно-единственно верной идеологии. Среди этих отщепенцев были и прекраснодушные идеалисты, но большинство становилось исполнителями приговоров, ягодами и фриновскими всех мастей и чинов; заметим в скобках: палачами были русский Ежов, мингрел Берия, грузин Рухадзе, армянин Кобулов, азербайджанец Багиров, были Ворошилов, Жданов, Абакумов, Меркулов, но всех их по антисемитскому разумению всегда перевесит один Каганович.

Сегодня мы наблюдаем массовый исход евреев за пределы СССР, причем если темпы выезда не снизятся, еврейский вопрос в нашей стране будет решен окончательно в ближайшие два-три года.

Можно согласиться с теми, кто главной причиной еврейской эмиграции называет ухудшение экономической ситуации и неуверенность в завтрашнем дне. Так думают 60% участников опроса, проведенного в прошлом году Всесоюзным центром изучения общественного мнения. 9% респондентов считают массовый отъезд евреев результатом роста антисемитизма и угрозой погромов, а сами евреи, покидающие СССР, ставят страх перед погромами на первое место среди причин выезда, называя свое решение покинуть родину вынужденным. Необходимо отметить, что евреи гораздо чувствительнее других относятся к нынешнему параличу власти: опыт Украины и Белоруссии времен гражданской войны остался навечно в генетической памяти народа.

Вот так мы без каких-либо кошмарных эксцессов, одной лишь хозяйственной разрухой и угрозой «пустить судорогу» сделали реальной ситуацию, когда мы, русские, останемся без русских евреев, еврейский вопрос в СССР будет решен окончательно и бесповоротно.

«Евреи, конечно, уедут,— с сознанием печальной неизбежности утверждает Юрий Карабчиевский.— одни — с радостью, другие — с горечью, третьи — с отчаянием. Уедут те, кто твердо знает, что надо уехать, и те, кто твердо знает, что надо остаться. Те немногие, что и впрямь останутся, не изменят общей картины отъезда. Все уедут, и не от страха — от унижения... Уедут евреи и полукровки, и квартероны, и кто не записан, и породненные, и чисто русские, и чисто-чисто-чисто русские, так до конца и не осознавшие всех преимуществ своей чистоты, но не вынесшие своего ли, чужого ли унижения и позора».

Совершенно очевидно, что борьба с евреями — это борьба с нами, русскими, с Россией и русской культурой. Русско-еврейское культурное взаимопрорастание в музыке, поэзии, живописи, в науке носит сокровенный характер, и есть неразложимая на рациональные понятия трансцендентальная сущность; вычленить «еврейское» из «русского» на протяжении последнего века невозможно; совсем немыслимо это разорвать — так казалось еще совсем недавно.

Гонит унижение.

Теоретические изыскания о некоем «малом», но чрезвычайно злокозненном народе в нормальном, сытом, неозлобленном обществе скорее всего не вызвали бы особого интереса, ну разве что в суде; в обществе, находящемся в состоянии устойчивого равновесия, подобная идея на улицу не выйдет, у нас — непременно и сразу на панель. Теоретики особенностей той или иной национальной психологии должны помнить, где они живут и что в сегодняшней воспаленной стране отвлеченные умственные упражнения оборачиваются постыдной травлей, пошлым бытовым юдофобством и невыносимым унижением — и для евреев, и для русских. А еще — стыдом и ощущением участия в чем-то гадком против своей воли. Это уже только для русских.

По живому режем, опять на себе опыты ставим...

Может быть, наши антисемиты опомнятся, как произошло это перед смертью с В. В. Розановым, признавшим во времена поистине апокалипсические: «Я нисколько не верю во вражду евреев ко всем народам. В темноте, в ночи, не знаем — я часто наблюдал удивительную, рачительную любовь евреев к русскому человеку и к русской земле».

М. В. Ломоносов в трактате «О сохранении и размножении российского народа» еще в 1761 году предлагал для нашего же национального блага привлекать иностранцев в русское подданство. Так поступают все культурные народы. Наши доморощенные сионисты-антисемиты делают все, чтобы выпихнуть своих граждан для блага чужих государств...

Нынешняя еврейская эмиграция — наше общее несчастье и наш собственный российский урон; ущерб, что гибелью грозит.

Всем, кто не хочет или уже сил не имеет выстоять, перебедовать здесь, нужно, разумеется, открыть границы. Хлынет (если там примут) поток на четыре стороны света; так что же мы, те, кто точно останется на родном пепелище до конца, каким бы оно ни было, станем мелочно подсчитывать, кого среди отъезжающих окажется больше: евреев, украинцев, русских?..

Ирина ЖУРАВСКАЯ,
специальный корреспондент
«Огонька»
Фото А. ДЖУСА

«ПРИМИТЕ НА ПОСТОЙ...»

Звонок был год назад.

— Вы что, не понимаете? Муж подал на развод, она пыталась покончить жизнь самоубийством. Я приехал к детям, пока сестра была в больнице...

— Понимаю... ужасно... но что я могу?

— Ни черта вы не понимаете,— голос в трубке сорвался в крик.

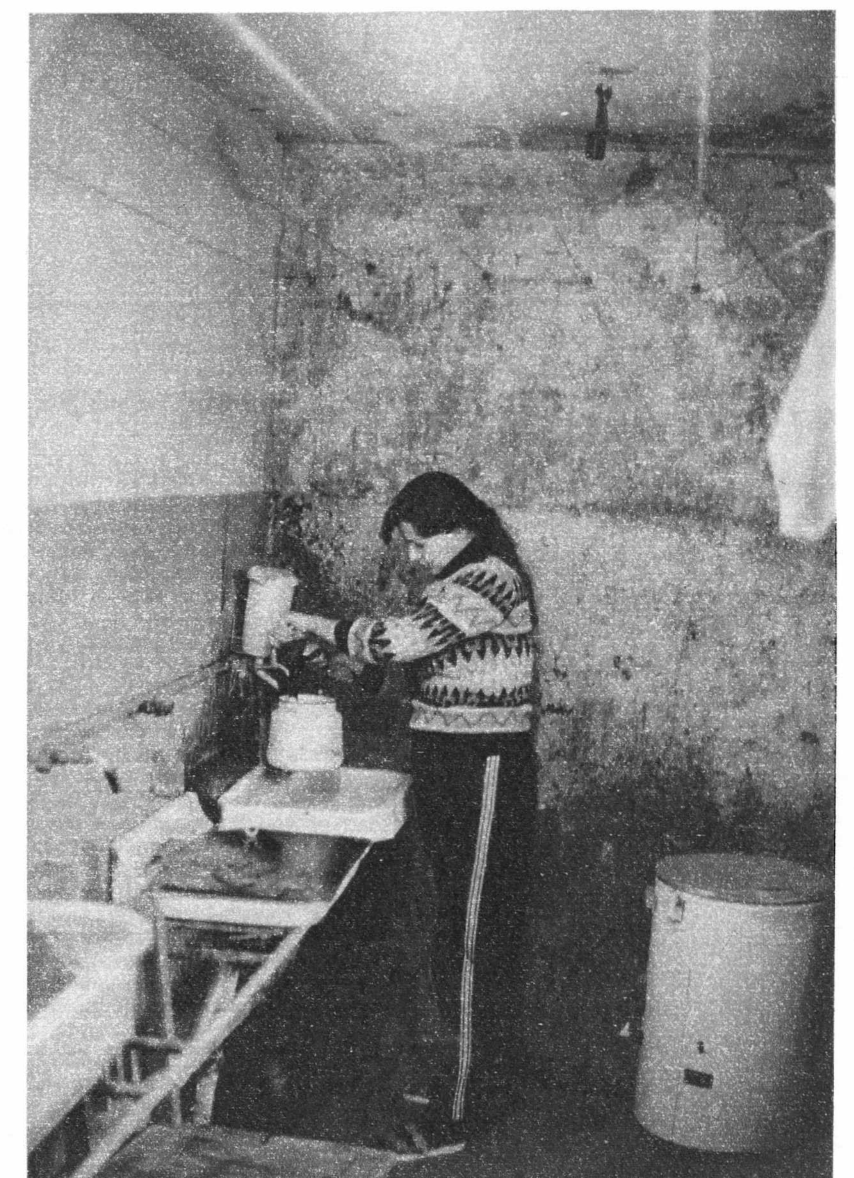
— Она — жена офицера... Для нее это все, конец, с частной квартиры гонят, прописки нет, работы нет... Сделайте что-нибудь!

Ничего я тогда не сделала. Она не захотела. «Не надо, пожалуйста, боюсь...»

А может, и сейчас честнее было отказаться? Не браться за эту очередную безнадегу на фоне общих безнадег. Не маяться по приемным, не отрывать от дел важных должностных лиц, дозваниваясь до них неделями. Не ждать пропусков рядом с кабинами внутренних телефонов, где строгая табличка все предписывает не разглашать в разговорах некую тайну. Не составлять вопросники и не штудировать письменные на них ответы... Зачем? Если жилья не хватает фатально и безнадежно нам всем, почему его должно хватать офицерам?

Десять тысяч военнослужащих в Москве не имеют крыши над головой. 192 тысячи по стране. С семьями — около миллиона. Что ж, очередное прободение очередной социальной язвы. Зададим пару риторических вопросов, вознесемся надеждой к соцсправедливости, реформе армии и рыночному послезавтра — не привыкать.

Все так и все иначе. Потому что, да простят меня одинокие матери, ждущие очереди в пеналах общежитий, коренные москвичи и ленинградцы, отбывающие пожизненные сроки в коммуналках, прочие наши, обделенные человечьим жильем граждане, дело бесквартирных офицеров не квадратными метрами измеряется. Или не только ими.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

... Человек в форме, стесняясь и оглядываясь, налепил на столбе бумажку и, заметив мой взгляд, торопливо отошел. Я прочла. Опять все то же. Такое, как объявление выше, такое, как ниже: «Военнослужащий с семьей снимет квартиру...» Новый претендент, правда, обещал будущему благодетелю сделать ремонт и построить дачу. Может, больше повезет...

Я могла уже ни о чем его не спрашивать.Сколько было за эти дни нелепых моих вопросов, их поначалу недоверчивых, мрачнеющих взглядов: надоело об этом. И горьких монологов потом. И в конце — я знала и ждала этой, невыносимой и для них, и для меня, точки: «Не надо фамилий, дети у меня, не надо».

И хотелось опять отойти, отвести глаза, не заметить, позволить сильному остаться сильным. Он офицер, полковник, подполковник, каперанг — он имеет на это право. Должен иметь.

— Нам надо было запретить жениться. Нам нельзя иметь детей. Теща моя

как-то приехала проведать. «Бочку» нашу увидела — ой, говорит, бензин, что ли, хранят? Нет, мамаша, дочь ваша, жена офицерская, мать его двоих детей здесь процветает. Располагайтесь. А без хлеба белого девять лет прожить — пробовали? Там у нас на «точке», где зимой за 50 мороз, а ты в сапогах, где зубы все потерял, где жену, только второго родившую, за сотни километров в больницу еле довезли, а ты один с двумя остаешься, при службе, и молока в округе ни капли — там, знаете, мысли «зачем?» почему-то не посещают. Вы вот любите все о чести, достоинстве... Присяга есть, понимаете, присяга. Об этом почему-то не вспоминаете. В 20-м офицерство белое что, за царя погибало? Бросьте. Присяга была... Да Бог с ней, с историей.

За 20 лет службы — девять переводов. Два переезда — один пожар, говорят, да? К сорока годам — получи свое пепелище. А тут в Москву вдруг. Это ж шанс твой, это ж «поле чудес». А на «поле» тебе опять ни крыши, ни талона, ни визитки, жена без работы, детей в сад или школу устроить, через столько унижений пройдешь, вспоминать тошно... Не знаю, кто виноват, не знаю, кому это нужно... Только, если государство, которому я присягал, во мне не нуждается, пусть не пять, четыре миллиона — пусть миллион оставит, но настоящими государственными людьми. Не топча, не унижая. И жалеть нас, знаете, тоже не надо. Сможете понять — поймите, а так ... лучше помолчим.

...

Я не писала на диктофон, не вынимала блокнота — ни на гигантских кухнях офицерских общежитий (счастливчики, есть общежитие!), ни в раскиданных по московским спальным районам съемным квартирам (тоже повезло: хозяева за границей, новые, к тысяче скакнувшие цены пока не назначили)... И в какой-то момент мне показалось, что не десятки судеб раскрывались в этих сбивчивых то спорах, то монологах — одна. Или одно личное дело.

Училище, назначение, казарма, свадьба, если повезет, служебная площадь, чаще — чужая квартира, с обязательным соседом-алкоголиком. Опять перевод, опять поиски жилья, взлет — академия, крыша общежития, назначение — переезд. 20 лет, 25? И, наконец, вот оно, теперь московское, столичное бесквартирье.

— У сына ни одного товарища в классе. Они, говорит, с нищими не дружат. И правда, нищие, что скажешь?

Но ведь я же помню и свой класс, из зюзинских пятиэтажек — сплошь офицерские дети. Элита школы. Это у них первых в домах появлялись только входящие в скромный посткоммунальный советский быт ковры и чешские серванты, сияющие дефицитным хрусталем и недосягаемыми для меня шоколадными наборами, что порой так нетронутые и тухли на этой выставке офицерского благополучия. Больше всего жилья, лучшие пионерлагеря, санатории и поликлиники — под вывеской МО. Армейские привилегии столь же непоколебимо запечатлелись в сознании, как и все прочие привилегии в нашей небогатенькой жизни.

Наверное, не для всех, но уж московской-то «паркетной» армии вдали от провинциальных постоев на что было обижаться?

И как же вывернуло нас всех, если теперь на том же столичном «паркете» мы получили 10 тысяч армейских «бомжей» в чинах высшего офицерства! Венец борьбы с соцпривилегиями, антиармейский заговор, что?

Мне говорили: вы хотите вместо одного Алксниса получить тысячи, что ж, громите армию, получите... Когда сидишь вот так друг против друга, обсуждаешь житейские неудобства и планы на будущее, когда хозяйский мальчик, улучив минуту, показывает тебе диссертацию отца в блестящем переплете, когда его мать все спрашивает, куда обратиться, а отец семейства каждый раз, горько улыбаясь, повторяет — обращайся к мужу,— не хочется ни о чем спорить. Не хочется о политике, не хочется искать виноватых. Хочется вернуться к извечному российскому «мы», способному и вину, и беду, и преступления, и ошибки поделить на всех. И отпрянешь от следующей фразы: «Так пойдет — завтра мы с вами стрелять будем друг в друга...»

Ни ненависти, ни злобы — так, муторная усталость, тоскливое раздражение... Повернуться и уйти? Или пока до этого «завтра», которое он вполне допускает, а я в которое ни за что не поверю, еще есть время, попытаться понять, что и куда нас (опять нас!) закинуло? Даже если речь всего-то о квадратных метрах.

СЛУЖЕБНОЕ ДЕЛО

— Так все же, Иван Тихонович, откуда этот армейско-жилищный кризис? — В кабинете генерал-майора Чернышова, начальника организационно-планового управления капстроительства МО СССР, я уже второй раз. И справка с цифрами, подготовленная министерством, у меня перед глазами, а все спрашиваю — почему да откуда?

— Вы же видите, обеспечение жильем в Министерстве обороны осуществлялось до этого года по двум источникам. Первый — строительство за счет средств, выделяемых министерству на капстроительство. И его доля ежегодно возрастает. Теперь — 86,2 процента, из них только 10 процентов идет по долевому участию. Второй источник — получение квартир от исполкомов местных Советов. По постановлениям ЦК КПСС и Совмина СССР от 1984 года Советы должны были выделять нашему ведомству ежегодно 875 тысяч квадратных метров общей площади. Вот тут главная беда. С каждым годом мы получали все меньше, и в результате общая задолженность республик составила 22,6 тысячи квартир. К тому же, заметьте, срок этих постановлений в прошлом году истек. И в целом ряде республик исполкомы категорически отказываются от погашения долгов. Приплюсуйте еще около 13 тысяч квартир, не полученных по долевому участию, и 80 тысяч для переселения из закрытых городков, что тоже должны были обеспечить местные Советы. Вот и весь ответ.

Что ж, ничего удивительного. Пока казенные наши денежки спокойно кочевали из кармана в карман, любой горисполком брал под козырек любое постановление ЦК и Совмина. Центр денег даст. А если мало-помалу городской бюджет выходит на самостоятельные рельсы, приходится считать, и явно не в пользу Министерства обороны. Да и чем теперь обязаны, собственно? ЦК КПСС, судя по всему, ныне не до подобных постановлений, и слава Богу. Совмин, став Кабинетом, тоже, видимо, стесняется... Будущее туманно.

Как-то в «Красной звезде» депутат Верховного Совета СССР Кучеренко на взволнованный вопрос корреспондента: а не останутся ли военнослужащие в один прекрасный день без зарплаты? — с достойной восхищения прямотой ответил: «Нет, такой ситуации не будет, правительство просто напечатает деньги и выдаст их». Квадратные метры не напечатаешь...

Этот и следующие три года нам прибавят еще 70 тысяч советских бесквартирных офицеров и прапорщиков из стран Восточной Европы и Монголии.

И все-таки пока едва ли не самая тяжелая ситуация в Москве. Тут тоже мне говорили о моссоветовских долгах — 140,5 тысячи квадратных метров. Ведомство, правда, считает, что это жилой площади, как ни крути,— 3—4 тысячи квартир. А бесквартирных — 10 тысяч. И тоже меньше как-то не становится.

И вообще назначение в Москву — это что, нечто, не поддающееся анализу и прогнозу? Фатальная неизбежность?

— Нормы на переводы офицеров в Москву нет.— объяснил мне генерал-майор Д. Д. Ярмак, заместитель начальника Главного квартирного эксплуатационного управления МО.— Есть объективная потребность в комплектовании главных и центральных управлений министерства опытными офицерскими кадрами.

Я выясняла — сколько? Выяснила — в среднем ежегодно по 2,5—3 тысячи офицеров. В прошлом году — 1600, в первом квартале этого — 50 человек.

Само по себе количество переводов в предыдущие годы, конечно, впечатляет. К тому же, сколько я ни пыталась обнаружить цифру покидающих Москву — не удалось. Наверное, ее просто нет. Потому и служебную (временную) площадь, как мне терпеливо объясняли, строить смысла не имеет. Ладно, можно понять, после стольких военно-полевых мытарств офицер в чинах имеет право на нечто более постоянное.

Что за «объективная потребность» такая притягивает тысячи кадровых военных в Москву, тоже судить не берусь. Хотя, каюсь, после пространных объяснений, что, «когда начальник важного подразделения покидает пост, замену ему вызывают с периферии», ничего умнее, кроме как спросить — а в Москве поискать нельзя? — не могла. Мне снисходительно улыбнулись в ответ. Не понимает товарищ. Не понимаю, равно как и почему именно в Москве должны размещаться 13 военных учебных заведений, со своими очередями на жилье...

Но самое нелепое происходило с цифрами. Они сидели в голове, складывались и делились на бумаге и приводили в уныние.

Вот, пожалуйста. С 1986 по 1990 год в Москве Министерство обороны получило (с учетом всех источников) 462,2 тысячи квадратных метров жилой площади, или примерно 14 тысяч квартир. Дают, как мне отвечали, в основном бесквартирным, и только 5 процентов — на улучшение. Значит, если за пять предыдущих лет приехало даже 15 тысяч офицеров, за некоторым исключением, должно хватить. А не хватает. Десяти тысячам не хватает! Ладно, допустим, что хвост бесквартирных вырос еще до этих пяти лет. Но мне говорят, нет, это только с 87-го выросла проблема, этакое дитя перестройки. И опять — тупик.

Да простят мне сведущие товарищи женскую логику, но я могу найти только два объяснения: либо офицеров приехало больше, либо что-то не так было с распределением. Первое — все же маловероятно, есть ведь прописка и прочее. Остается второе? То есть на улучшение шло далеко не пять процентов. Хотя, понимаю, конечно, есть ветхое жилье, есть медицинские показатели, есть воины-чернобыльцы, «афганцы». Тут ясны и права, и привилегии.

Но что уж там — есть ведь и дома на Рублевском, о которых уже писали, с прекрасными генеральскими квартирами, есть и другие. Можно, конечно, вскричать «эврика!» и поставить точку. Но, честно говоря, не хочется. Меня, например, гораздо больше интересовали мелькающие в прошлогодних списках на получение квартир молодые лейтенанты, недавно, после училища назначенные в Москву, бездетные или даже холостые, а вот поди ж ты, уже отмеченные не орденом, так ордером. Или, может, дело в том, что на списках «шапка» Генштаба?

Вообще единой очереди бесквартирных по Московскому гарнизону нет. Хотя именно на этом, и, по-моему, справедливо, настаивает Моссовет.

— Это нецелесообразно,— объяснял мне Д. Д. Ярмак.— «Вести» очередь в 10 тысяч человек даже с помощью ЭВМ практически невозможно: есть особенности прохождения службы, льгот на первоочередное обеспечение жильем. Поэтому приказом министра обороны от 1991 года единые очереди бесквартирных предписано создать в видах ВС, родах войск и так далее. Это значительно упростит порядок и придаст большую гласность.

Я тоже надеюсь, лучше поздно, чем никогда. Хотя... «Вся жилая площадь распределяется между воинскими частями пропорционально количеству нуждающихся в жилье». Пусть так, но странная вещь — есть ведь бесквартирные с 86-го года, с 87-го, а по спискам отдельных подразделений, уж не говорю о Генштабе, получают 88-й, 89-й.

И все-таки, как ни пеняй сегодня на былые «издержки», как ни гневайся на могучую машину, что продолжала крутиться в прежнем, рассчитанном на особые милости режиме, словно не замечая вокруг пробуксовок, сколько ни крои сегодня эти квадратные метры, как ни ужесточай систему распределения (что по этому году довольно заметно), жилье с неба не свалится.

— Своими силами нам не выкарабкаться, это я вам честно скажу,— закончил беседу Д. Д. Ярмак.— Мы готовы строить сами, готовы перейти на нормальные денежные отношения, предлагаем перевести деньги для долевого участия. И что же? Мы получили отказы почти во всех республиках. А уж про долги и слушать не хотят...

МЕСТНОЕ ДЕЛО

— Долги, говорите? Что ж, давайте считать.— Э. С. Якушенко, первый заместитель начальника управления Мосжилучета, взял лист бумаги.— За годы с 86-го по 89-й, знаете, сколько жилья получили исполкомы райсоветов Москвы? 2,8 миллиона квадратных метров общей площади. А Министерство обороны? Всего-то в пять раз меньше. Сюда входит и то, что мы давали по постановлению, и то, что сами они строили. В то время как общие цифры жилищного строительства в Москве падали аж с шести миллионов до трех, могли ли мы по-прежнему выделять безвозмездно военному ведомству эти 110 тысяч квадратных метров в год? Да, сократили, вынуждены были. Но в эти же годы мы разрешили министерству максимально увеличить собственное строительство. И они действительно увеличивали. И сейчас военные получают в несколько раз больше, чем средний московский райисполком с очередью в тридцать — сорок тысяч человек.

Что ж, я, конечно, тоже все посчитаю и тоже пойму. Я знаю, что еще ходят в Моссовет с требованием отдать долги приехавшие когда-то строители олимпийских объектов. Я бывала в московских рабочих общежитиях, где подданные Рязанской, Смоленской и прочих губерний, перевалив положенные десять лет, все ждут, пока столица отдаст обещанное. И нам, зажатым в панельные мышеловки, тоже, судя по всему, особо рассчитывать не на что. И все-таки — общежитская, коммунальная, любая другая — это крыша. У тех десяти тысяч нет никакой.

— Мы не можем скинуть с себя обязательства, что так щедро раздавали наши предшественники,— теперь на мои вопросы отвечает зампред Моссовета Н. Н. Гончар.— Хотя это, разумеется, по-большевистски: царских долгов не признаем. Нет, нам придется тащить за собой все богатство, что получили в наследство вместе с этими кабинетами. Теперь другой вопрос: когда прошлые обязательства мы сумеем исполнить? Можно соврать, пообещать что-нибудь радостное в расчете на то, что ко времени исполнения нас уж точно не будет. Но, если серьезно, точного ответа мы сегодня дать не можем. Пока в октябре прошлого года приняли постановление о ежегодном выделении Министерству обороны 50 тысяч квадратных метров общей площади в домах-новостройках, ЖК и ЖСК специально для бесквартирных.

Но главное даже не это. Я, честно говоря, не люблю слова «помочь». Бедным на паперти — да, помочь надо. Но у военных огромный потенциал, есть резервы, и мы должны предоставить возможности их реализовать. На заре перестройки Горбачев сказал ключевую фразу: суть перестройки в учете интересов людей, в управлении ими, через них. Этот интерес есть и у армии, и у генералов. Считаться с ним и управлять, искать общие выгоды и интересы придется учиться. А то у российской интеллигенции всегда одна боль: под ее порывы народ не созрел. Милости просим, с этим народом... Спокойно и ровно можно найти общий язык, можно работать...

ЧЬЕ ДЕЛО?

Так действительно чье? Здесь ведь даже, как теперь принято, на Запад не посмотришь. Что смотреть, если любой американский полковник за свои шесть тысяч долларов в месяц может позволить себе любое жилье.

В бывшей ГДР, правда, можно опыт поискать. Там офицеру, выбравшему себе место жительства после службы, заранее обеспечивали крышу.

У нас вот тоже теперь право есть. Пиши заявление, проси поставить на льготную очередь в кооператив города, который выбрал. Получишь ответ — возможности нет.

Я спрашивала: может, раз уж все мы пока пленники своей прописки, не надо превращать армию в «эскадрон гусар летучих». Велик эскадрон. Может, поступая в училище, не должен будущий офицер терять общее гражданское право на жилье. Пусть движется очередь там, пусть хоть среди временных постоев службы в будущем будет уверенность... Думаем, прорабатываем, говорили мне. Разработана министерством и программа государственного масштаба по социальному обеспечению военнослужащих. Но понимает ли общество, что выполнить ее можно лишь совместными усилиями? Пока — молчание в ответ.

Да, я понимаю, все труднее местным Советам, республиканским органам отрабатывать «воинскую повинность», теперь, впрочем, вообще ничем не регламентированную. (Хотя бесплатный воинский постой даже в царской России был одной из натуральных земских повинностей.) Что ж, не та армия, не те постои.

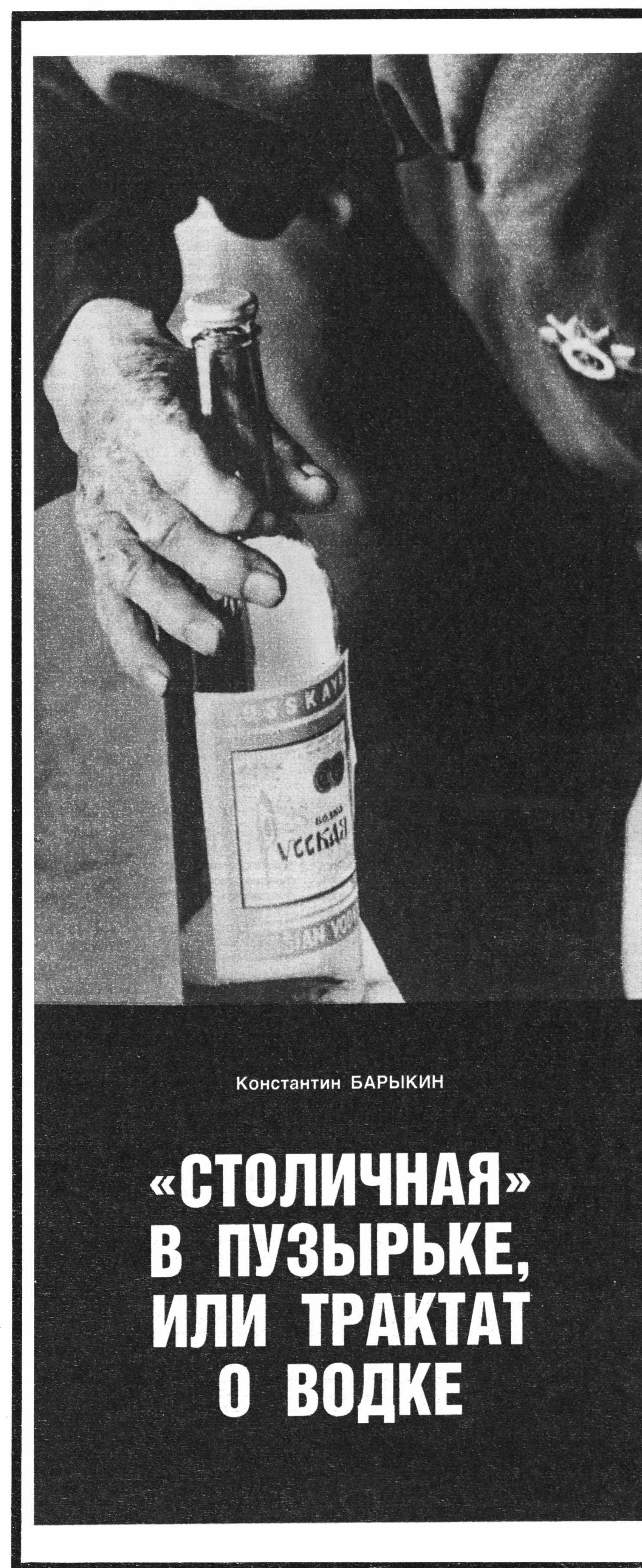
Надо сокращать, скажут мне. Надо, не спорят даже сами военные. Только вот само сокращение жилищную проблему обострит до предела. Нельзя же уволить человека в запас и отставку без крыши над головой. Это мы понимаем? Не уверена. А первые полмиллиона сокращенных уже показали, как это будет...

Так чье оно, это дело о советском военном постое? С кого, например, для меня оно началось? С членов Комитета бесквартирных офицеров. По-моему, именно им удалось впервые соединить перед лицом проблемы все три ее деловых круга: и личный, и служебный, и местный. Это они писали Президенту и пока еще ждут ответа. Это после ими организованного первого совещания бесквартирных Юрия Никитовича Солдатенкова, капитана I ранга и сопредседателя комитета, вызвал к себе министр обороны. И уже после этого родилась директива, предписывающая временно назначения генералов, адмиралов и офицеров в Москву не производить, если нет жилья... Они вместе с комиссией по военным вопросам Моссовета и ГлавКЭУ МО составили проект совместного решения и ждут его утверждения. Они вновь проводят конференцию, они ищут, предлагают и... стоят в очереди — с 86-го, с 87-го... Они — государственные люди.

Только кто и когда, обманув нас всех, государственных людей превратил в крепостных? Ну, допустим, бедное наше государство не в силах было обеспечить жильем всех своих остро нуждающихся граждан. И точно так же не в силах запретить им жениться, рожать детей, даже в условиях вечного дефицита квадратных метров. Тут понятно. Но ведь, обзаводясь армией в тех или иных масштабах, оно должно просчитывать и собственные возможности ее содержать. Или здесь другие задачи, высшего порядка и не нашего ума. И во всем этом была какая-то своя, недоступная нам логика. Государственные люди — зависимые люди. Меньше имеют — больше зависят. И можно столкнуть нас у телецентра в Вильнюсе или в Москве на Манежной. Можно поставить друг перед другом, каждого со своим страхом в глазах и подождать, совсем немного, пока не откажут взвинченные нервы.

И все-таки это время у нас есть. Время избавиться от обоюдных мифов и без услужливых переводчиков, не сваливая друг на друга, разобраться в общих и собственных бедах... На что еще надежда?

То объявление, что висело на столбе, кто-то поджег спичкой...

Константин БАРЫКИН

«СТОЛИЧНАЯ» В ПУЗЫРЬКЕ, ИЛИ ТРАКТАТ О ВОДКЕ

Водка — товар державный. Не заносчива, но не без гордости. Уж как ее только не обзывали: и «табуретовка»-то она, и «сучок»... Не дрогнула. Какой только анафеме ее не предавали! Выстояла. И когда от имени и по поручению партии и правительства объявили водку вне закона и вызвали на тропу войны, всякому здравомыслящему было ясно: не в той они, партаппаратчики, весовой категории, чтобы выйти из этой битвы победителями. Понимаю, даже сочувствую: в громадье планов им некогда было заглянуть в питейную нашу историю. А она кое-что напомнила бы. Лесков Николай Семенович предупреждал: не играйте с водкой, не доводите до греха, ибо административные меры и всяческие сокращения «нимало не искореняют в народе злоупотребление спиртными напитками».

Да, они очень старались. И были упоены первыми результатами. Отдали один из лучших особняков Москвы оголтелым активистам беспомощного общества. Искоренили все фильмы, герои которых имели неосторожность поднять бокал. Главные газеты клеймили водку вдоль и поперек. Все шло по сценарию, составленному по лучшим образцам соцреализма.

Начали крушить заводы, пустили под откос отработанные технологии. И, по тому же сценарию, отправили по замочным скважинам лучших осведомителей: а не прикладываются ли там, за закрытыми дверями, к рюмочке? В райкомах были созданы комиссии. Сколько партбилетов успели отобрать у нестойких коммунистов!

Но что партбилет: на один меньше или больше — что от этого меняется? Уничтожительная чума добралась до бутылок. Били их артельно, с улюлюканьем. Звон стоял на всю страну. За весьма короткое время расколошматили более миллиарда бутылок. К делу подключили высокие инстанции: те скоренько запланировали переделку бутылочных заводов. Перепрофилировали их на выпуск стеклянных блоков. Москвичи знают загаженные остановки троллейбусов и автобусов, всегда они усыпаны стеклом, осколками тех самых блоков, которыми с тупым упрямством продолжают стеклить павильончики.

Тем же, кто проявлял здравый смысл и не спешил сломя голову выполнять нелепые постановления, грозили не пальчиком, дубинкой. КПК при ЦК КПСС на специально созванном заседании рассмотрел вопрос и со всей партийной принципиальностью и с большевистской прямотой топнул ножкой: решение «о серьезных недостатках руководителей Министерства торговли СССР и его подразделений по выполнению постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР по преодолению пьянства и алкоголизма» никаких шансов здравомыслящим, тем, кто пытался выстоять, не оставляло. А чтобы нижним чинам неповадно было, начали сверху, с замминистра С. Д. Алешина, «из-за бесконтрольности которого... во многих проверенных регионах допускается перепоставка (оцените стилистику! — **К. Б.**) спиртных напитков».

— Мы продолжаем ощущать последствия всеобщего послушания,— без улыбки говорит мне Сергей Дмитриевич Алешин.

Замминистра не склонен все списывать на вчерашние несуразности. Он больше озабочен тем, что и как сделать сегодня. Острейшая нехватка бутылок не может быть восполнена в одночасье. Снова переделать под бутылки линии стекольных заводов едва ли удастся.

Один немосковский завод купил в ФРГ автоматическую линию по производству бутылок. Замахнулся еще на одну, а ему по рукам — отобрали заработанную предприятием валюту. Чтоб неповадно было? Остается также нерешенным вопрос полного обеспечения укупорочными средствами. «Недостает 692 млн. шт. шампанских и винно-коньячных укупорочных изделий, 330 млн. шт. алюминиевых колпачков, 3.465 млн. шт. кроненпробок»,— телеграфно докладывал один большой начальник другому, очень большому.

Ошалевший от безысходности Госстандарт сочинил и разослал депешу, документ государственной важности! Только в Госкомиссии по продовольствию и закупкам его, едва получив, тут же тиражировали: сперва замам министра и членам коллегии, затем передали главным специалистам, а также в отраслевые отделы. Всем! Всем! Всем! Госстандарт именем и подписью первого заместителя «в связи с дефицитом стеклянной тары, в том числе бутылок», разрешил разливать водку в то, что окажется под рукой. В ход пошли бутылки, в которые прежде разливали хорошие виноградные вина (коих теперь нет), а также бутылки изпод шампанского, и даже в крохотные бутылочки наливают сорокаградусную; прежде они наполнялись американской пепси-колой, состоящей, и об этом я еще скажу, в странном родстве с русской водкой...

К генеральному директору завода «Кристалл», это один из немногих сохранителей настоящих, ценимых знатоками водок во всем мире, Владимиру Анатольевичу Ямникову я пришел в момент, когда он обсуждал возможность выпуска пластиковой посуды. Собрались химики-полимерщики, кто-то из торгового ведомства. «Конечно, это не решение проблемы,— говорил мне позже Ямников.— В пластик западные фирмы расфасовывают лимонады, разливают недорогие сорта виски. Едва ли водка в пластмассовой бутылке обрадует традиционного покупателя на Западе». В копенгагенском аэропортовском супермаркете я обратил внимание на сотни пластиковых бутылочек со смирновской водкой. Но тамошний ценитель знает, что «Смирновская» — не чета нашей «Столичной», «Смирновскую» можно и в пластик.

Много лет назад тогдашний министр пищевой промышленности В. П. Леин пытался доказать необходимость хорошей упаковки для всех продуктов. С Леина началась у нас работа по облагораживанию винной и водочной бутылок. Его пытались урезонить — второстепенным, дескать, делом занимаешься. Он — свое. Выгнали министра; благородно, конечно, «на пенсию». И с уходом Леина с поста многое остановилось. «Не упаковка важна, продукт»,— говорили его восприемники. Сама же номенклатура пользует водочку «с винтом». Не ту, что гонят из мелассы или картофеля, а из пшеничных спиртов особой очистки. Случайно я узнал о совсем недавнем документике. Им предписывалось отпустить якобы ликвидированной спецпродбазе № 208 — ее знают как поставщика харчей и питья Совмину. ЦК, министерствам — две тысячи бутылок водки «улучшенного ассортимента» в счет фондов Москвы.

...На «Кристалле» технология и профессионализм таковы, что плохой продукт отсюда выйти не может. Но ведь в стране не один «Кристалл». И не исключена водка «второй свежести». Особенно сейчас, когда пошла она в рост. «Производство алкогольных напитков в первом квартале 1991 года составило 32,7 миллиона декалитров (в пересчете на абсолютный алкоголь), или на два процента больше, чем в соответствующем периоде прошлого года». Но до прежних объемов едва ли добраться...

Водка обрела статус второй валюты, куда более прочной, чем минфиновско-банковский рубль. Это не новый феномен, отмечает профессор экономики одного из американских университетов Владимир Тремл. «Водка стала играть в СССР роль денежного эквивалента. Рубль не воспринимается как устойчивая валюта». И продолжает: «Водка в роли денег способствует росту теневой экономики, она облегчает некоторые виды сделок и отвлекает труд в сферы нелегальной деятельности». И далее: «Рост масштабов использования водки в качестве денег будет способствовать инфляционному давлению на рынке потребительских товаров».

Двойная валюта — двойная мораль...
Таков текущий момент, как говорят в инстанциях. Но он отмечен еще и тем, что до сей поры не отменено постановление № 410 Совета Министров СССР, то самое, которое запрещает, ограничивает и вообще не рекомендует...

И если тот же Ямников будет очень уж высовываться, проявит инициативу, которая не понравится какому-нибудь начальству, его можно приструнить: что же ты, братец, нарушаешь правительственное постановление? И никто не заступится. На нашей вымощенной парадоксами и идиотизмом дороге очень даже просто сломать себе ногу.

Или голову.

«Кристалл» работает в тесном контакте с отраслевой наукой, и одного из ведущих знатоков водочного ремесла, профессора Петра Яковлевича Бачурина, время от времени можно видеть в цехах завода. Это он, Бачурин, поведал мне (но просил не называть фамилии рекомендателей и их организации) о том, что нынешний винно-водочный ажиотаж рождает в воспаленных головах всяческие предложения. Кто-то не прочь легализовать самогоноварение. Кто-то вспомнил о визите одного из наших прежних вождей и учителей на нефтеперегонный завод, где ему, наставнику и радетелю, поднесли рюмку водки, выгнанной из продуктов переработки нефти.

«Сколько мы расходуем пшеницы и кукурузы (он очень уважал кукурузу, этот вождь) на водку?» Назвали цифру. «Сократить». И научил, он любил учить: «Будем гнать из нефти». Генетики провели дополнительные исследования — в одном случае в рацион подопытных мышей добавляли пшеничную водку, а во втором — нефтяную. Тем, из первой контрольной группы, решили не показывать, чтобы не травмировать мышиную психику, как вырождалось племя пьющих нефтеводку.

Да и спасла ли бы она, нефтеводка, страну, которая не смогла толково распорядиться нефтедолларами?

Совсем недавно к ученым поступил еще один запрос: проверить возможность изготовления рисовой водки. «Можно?» Ответили: «Винокуренный промысел рис признает».

Стали разбираться. И выяснилось, что в водку хотели превратить не просто рис, а такой, что по причине излишней зараженности ядохимикатами в пищу не пригоден. Купили его в одной иностранной державе. А есть нельзя.

Номер не прошел. Хотя как знать. У нас не привыкли слушать науку, тем более такую «несолидную».

Отрасль лихорадит. Да, обещал премьер не поднимать цену на водку. Хорошо, поверим. Но что проку от такого жеста, когда водки не хватает. Самогоноварение, а это прямой результат запретов, стало мощной отраслью и выходит из подполья, приобретает массовый характер. Во Всесоюзном центре лечения острых отравлений есть жуткая статистика. С 1986 года сюда поступило втрое больше, чем прежде, пациентов с диагнозом: отравление алкогольными суррогатами.

Планы поставки настоящей водки не выполняются. Ждать помощи «со стороны», от других алкогольных напитков нереально: виноградники тоже уничтожены, пивные мощности демонтированы, посадки хмеля сокращены настолько, что дефицит хмеля составил более 7 тысяч тонн. Для того чтобы восстановить прежние его посадки, придется вложить 250 миллионов рублей. И результаты будут не сейчас, а через 3—4 года. Виноградники требуют более 4 миллиардов (в прежних, допавловских ценах) рублей и срока — шесть лет. Дождемся ли? За эти годы сотни тысяч людей выпьют цистерны самогона, отравятся суррогатами, простоят в очередях за бутылкой миллионы часов... Надо закупить по импорту 24 стеклоформующих линии, но где взять на это золотые миллионы?

Отчаянные головы выдвинули очередную новацию: прекратить экспорт водки. А на какие, простите, шиши тогда купить те же линии? Меня, конечно, смущает, что условия, на которых мы продаем водку, весьма кабальны и неуважительны. Мы посылаем короб с водкой, а в нем 12 бутылок. Каждая бутылка приносит менее двух долларов. И то не звонкой монетой, часть водочной валюты отдаем за пепси-колу. Напиток этот, говорят, уступает русскому квасу. Да и неведомо мне, из чего варят-кофеварят эту пепси. Не видел ни одного сертификата качества на пепси-колу. Почему скрывают-то?..

До той поры, пока водкой тот же «Кристалл» торгует не напрямую, а посредством государственных внешнеторговых организаций, как изменить ситуацию? Давай, что надо, а бери, что дают. Не привередничай. Неужели на заводе смирились с такой практикой?

Не следует ли подумать о том, чтобы передать «Кристаллу» несколько стекольных заводов? Отрасль стройиндустрии, коей поручены и бутылки, со своими прямыми заботами не справляется, оконного стекла вдосталь сделать не может. «Кристаллу» же такой завод — важный цех, от работы которого будет зависеть и выпуск основной продукции. Передать несколько заводов, дать прямой выход на внешние рынки, открыть свои фирменные магазины...

...Передо мной ворох документов, справок, докладных записок. «Принять меры», «наладить производство», «восстановить объемы».

Но это уже не проблема. Это — состояние. «Столичная» — товар государственный, державный.

Отчего же за державу не обидно?

ОЛИМПИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ

ОРДЕНА ДАВАЛИ НЕ ПО БЛАТУ

Я смотрю на фотографию, которая мне очень нравится. Москва. Начало лета. Большой Кремлевский дворец. Крупным планом Александр Горшков, Людмила Пахомова, Анна Синилкина, Ирина Роднина, Александр Зайцев, Татьяна Тарасова. 1976 год, награждение после зимней Олимпиады. Все улыбаются, у всех на груди очередные ордена. Недалекая, но уже история. Кого уж нет, а кто далече.

Смеется Пахомова, еще, наверно, не зная, что смертельно больна. А потом очередь, чтобы попрощаться с ней, протянулась от катка ЦСКА до метро «Аэропорт». И хотя прощание продолжалось несколько часов, очередь так и не уменьшилась. Может быть, мы прощались и с тем фигурным катанием, которое так любили?

Держится, но все чаще болеет легендарная Анна Ильинична Синилкина, комсомольский работник начала пятидесятых и бессменный директор Дворца спорта в Лужниках с момента его открытия, то есть уже тридцать пять лет. Прабабушка (если судить по сменившимся на ее глазах поколениям) советского фигурного катания. После изгнания из Спорткомитета Сергея Павловича Павлова она повесила у себя в кабинете его портрет в парадной форме посла Советского Союза (почти генеральская), где опальный министр увешан наградами ненамного меньше, чем почивший в бозе Генеральный секретарь.

В Лос-Анджелесе работает тренером Ирина Роднина. Уехала со вторым мужем, с двумя детьми. С Сашкой Зайцевым-младшим и дочкой. А я помню, как мы летели с Зайцевым-старшим с очередного чемпионата мира, просидели без денег сутки в Будапеште, но в самолете он оказался с огромным букетом тюльпанов. Вез жене, которая осталась дома с грудным ребенком. Зайцев на фотографии с погонами старшего лейтенанта, а сейчас, наверное, уже подполковник?

Все безмятежно улыбаются, только Тарасова серьезно смотрит в объектив. У каждого, кто на этой фотографии, в те годы славы было больше, чем у нее, но в любой будущей книге об истории фигурного катания запись о ней окажется самой длинной. И не только потому, что ее ученики собрали в общей сложности медалей больше, чем у любого другого тренера (на равных, пожалуй, только Ютта Мюллер и Карло Фасси, и то не уверен), а прежде всего потому, что Тарасова смогла в таком консервативном спорте, как фигурное катание (в танцах всего семь элементов), создать свое направление. И по этому пути сейчас идут почти все танцоры.

— Татьяна Анатольевна, расцвет, зенит и закат фигурного катания удивительно совпали с эпохой, которую мы называем «застоем». Если б не взлет популярности фигурного катания и в остальном мире, можно было бы подумать, этот вид спорта специально у нас придумали для конкретного времени...

— Наша работа к тому, что происходило в стране, отношение имела отдаленное. Впрочем, для меня самые счастливые годы — это середина восьмидесятых, когда сформировался мой театр «Все звезды» и появились первые постановки.

— В те годы нередко повторяли, что Чайковская, Жук и Тарасова (ленинградка Тамара Москвина всегда была в стороне), перекрывая все фигурное катание, забирают всех лучших себе и не дают хода молодым тренерам. Но так получилось, что почти одновременно из спорта по разным обстоятельствам ушла вся ваша великая тройка. Вроде бы открыты все двери, а ярких талантов, на мой взгляд, не появилось...

— Мы будоражили интерес публики не только своими учениками, но и собой. На нас ходили. В Ленинграде, во время гастролей театра, в последний день продали полторы тысячи только входных, дополнительных билетов. А спустя месяц на чемпионате Союза в Минске в зале почти никого не было.

Кому мы мешали? Да, у нас характеры были нелегкие, но мы шли разными путями, мы вообще разные, объединяло только одно: на совесть делали свое дело. У моих учеников 27 золотых медалей с чемпионатов мира, Европы и Олимпийских игр, серебряные и бронзовые я не считала.

В феврале я была в Нью-Йорке и, проявив инициативу, прилетела в Миннеаполис, чтобы посмотреть национальный чемпионат США. В Миннеаполисе впервые почувствовала, что я заслуженный тренер СССР. Весь Дворец зааплодировал, когда я вошла. Здесь людей уважают за профессионализм, а не за принадлежность к какой-то стране. Публики масса. Юниоры и взрослые соревнуются рядом, то есть сразу видишь все лучшее, что есть в стране. В фойе продают все, что нужно для фигурного катания, и бесчисленные сувениры. На мониторах не прекращается показ чемпионов прошлых лет. Увидела и свои программы.

Про то, как американцы болеют, я и вспоминать не буду, но сидели рядом конкуренты, знаменитые менеджеры ледовых ревю Майкл Розенберг и Том Коллинз, и как же они любили

тех, кто катался на льду. Они вскакивали, кричали, хлопали стоя. Они приехали на чемпионат с семьями — это же дело всей их жизни. Полная противоположность нашему начальству, у которого главная цель — научиться на все реагировать с темпераментом сфинкса.

Шла война в Заливе, половина зрителей носила желтые банты — это означало, что их родственники в действующей армии.

В завершение был дан банкет для тренеров. Не было на нем ни одного человека, который бы не подошел ко мне, не пожелал успеха. Почему нам не суждено испытать подобное в собственной стране, не знаю.

— Что же происходит у нас с фигурным катанием? Пропала мода?

— Ну, немножко перекормили. Был большой бум, и должным образом этот вид спорта не развивался. Сейчас уже не до него. Меня не боялись в семь лет отпускать одну на тренировки. Мы с Милой Пахомовой ездили через всю Москву на стадион Юных пионеров. Кого из детей можно сейчас отпустить после четырех-пяти часов одних? А потом, когда мы повзрослели, тренировки продолжались до двенадцати ночи. И на последнем трамвае — домой. Кто сейчас отпустит дочку в это время? Большинство старается сразу приобщить детей к какой-то профессии и языку. А фигурное катание в отличие от тенниса даже при высоком разряде, как правило, не становится профессией — это все же развлечение. Да и больших заработков не дает. Искусственного льда мало, а на открытом много не простоишь.

— Какая у вас, одного из самых знаменитых тренеров, была зарплата?

— Моя первая зарплата была 76 рублей, потом 94, потом 116, 220, 280, 300, и закончила я свою двадцатилетнюю тренерскую карьеру в 1988 году с зарплатой в 350 рублей. Потолок для тренера сборной тогда был в 400 рублей. Я спросила у руководства, почему мне не платят по высшей ставке. Помялись, ответили: «Если результаты будут лучше, будем платить». Я ответила: «Лучше уже быть не могут, даже если я умру».

Многое загубило и то, что большинство начальства в фигурном катании было — да и есть — или из людей, ничего не понимающих в этом виде спорта, или из фигур, мягко говоря, странных. Например, Валентин Николаевич Писеев в твердом уме и здравой памяти вновь руководит фигурным катанием, после совсем неслучайного отлучения от него, когда возникшее свободное время он посвятил руководству санным спортом. Хорошо хоть я не дожила в спорте до того, когда судить соревнования стала его жена, и именно танцы. Просто судьба надо мной смилостивилась, иначе бы я села в тюрьму как минимум за злостное хулиганство. Нет никаких сил, когда твою работу оценивают люди совершенно безграмотные.

— Как мне известно, эти странные фигуры сумели на выборах в федерацию прокатить даже Роднину.

— А им никто не нужен, потому что сами они ничего из себя не представляют. И весь их след в истории фигурного катания СССР будет заключаться в том, что они были устроители скандалов со мной, с Родниной...

— При всей вашей с мужем славе, популярности и безусловной лояльности к режиму, вам все же не особенно доверяли и вместе за границу не пускали. Мне говорили, что у министра культуры тех лет была определена квота примерно на сорок человек, причем только народных артистов СССР, которые имели право отправиться на гастроли с женами. Происходило парадоксальное явление: муж летит на гастроли в Австрию, жена в то же время на соревнования в ФРГ, но вместе съездить, предположим, в Аргентину они не имели права.

— Один раз случайно мы встретились в Италии, где у меня были летние сборы. Мне шибко доверяли, поэтому сопровождавших у меня не было, а Володя приехал с оркестром, там всегда двоих посылали, не то что одного. Уж очень они нервничали, когда я к мужу приехала, и облегченно вздохнули, когда на следующий день села в поезд.

— Возможно, зная вас по отдельности, страна...

— От Москвы до самых окраин...

— ...не знает, что знаменитый пианист, народный артист и лауреат, похоже, всех конкурсов и премий Владимир Крайнев — ваш муж и носит это почетное и единственное звание уже второе десятилетие.

— Это говорит только об его идеальном характере.

— И вот вы, такие знаменитые, такие известные не только в Союзе, но и на Западе, сейчас, когда много друзей уже не здесь, все по-прежнему живете в старом генеральском доме у метро «Сокол». Здесь, кажется, ничего не изменилось, только надпись «Агитпункт» над вашим подъездом сняли и двор, как убрали дежурных солдат, стал очень грязным. Сейчас не спрашивают, почему вы уезжаете, спрашивают: почему вы остались? Нет выгодных контрактов?

— Нет, любой контракт можно оговорить — это вообще не вопрос. Нам же с Володей не надо бежать. У нас есть профессия, и в ней мы не последние люди. А человек, полностью владея профессией, найдет работу в любой стране. Мы можем преподавать, учить своему делу. И, наверное, неплохо учить. Так что не пропали бы. Не знаю, как Володя, но я еще несколько лет назад не могла понять: зачем едут, куда едут? Сейчас стало ясно, зачем и почему. Каждый съезд, все заседания, до 4—5 утра смотрим. После этих просмотров понятно, почему друзья уезжают. Понятно, у кого есть дети — у нас страшно, нет защиты.

Снимаются с мест, бросают в середине жизни родных, дом бросают, профессию, если она там не нужна. Но никто не пропадает. У меня там много друзей. Раньше с ними виделась назло тем, кто ездил за нами приглядывать. Уходила ночью, встречалась тайно.

На моих глазах развернулась история моего друга.

Был такой директор одесского Дворца спорта Бернард Маркович Шуровецкий, который организовал в Одессе школу фигурного катания и лично отбирал для нее тренеров и детей. Он пригласил ныне знаменитую Галину Змиевскую. Ее ученик — чемпион последнего первенства Европы Виктор Петренко. К тому же Шуровецкий был еще и заслуженным тренером по волейболу. Замечательный профессионал, и я не понимала, как Одесса может его терять? Да, и он не хотел ехать.

Но мудрые наши начальники считали, что должность директора Дворца номенклатурная, а Шуровецкий был не только беспартийным, но и евреем. В конце концов ему предложили написать заявление, но не о приеме в славные ряды КПСС, а «по собственному желанию». Отнимали его детище, то, во что он вложил душу и сердце. И в родной Одессе ему на шестом десятке стало нечего делать.

Ведь какие проблемы там перед людьми вырастают? На пятом десятке учить чужой язык. Для того чтобы на этом языке последние пятнадцать, двадцать лет, кому сколько осталось, разговаривать — это тяжело, так же, как и привыкать по-другому жить. Для меня невозможно. А потом у меня здесь театр. Театр, который достался мне нелегко, я в нем живу, в нем учусь. Не представляю без него своей жизни. Может быть, если бы у меня были дети, я боялась бы за них. Боялась, что обидят, что разденут, это полбеды, лишь бы по голове не дали. Тогда я бы старалась увезти их на Запад. А за себя мне не очень страшно. Просто не могу оторваться от этой земли. Пока не могу.

Я закончила долгий трудный путь в своей жизни. Двадцать лет была тренером, занималась только спортом. Нашла в себе силы последние четыре года совмещать тренерство с работой художественного руководителя театра. Быть на двойной работе — это потратить столько сил! У меня не осталось энергии, чтобы заново все это организовывать там.

— Много ли специалистов фигурного катания уехало на Запад? Отразится ли это на нашем, как говорят спортивные начальники, медалеемком виде спорта?

— Отъезд специалистов вообще ужасен, даже и без фигурного катания. Сколько умов потеряли, сколько талантов! Ведь прежде всего тянутся те, у кого есть профессия. Страна теряет свой золотой запас.

Вот и мое хозяйство может в одночасье рассыпаться, так как мои артисты — люди на Западе известные, умеющие работать и понимающие в работе толк. Думаю, в этом есть и моя заслуга, многих я растила с детства и смогла заинтересовать профессией, научить трудиться. Но у нас такие славные валютные законы, что у меня нет никаких гарантий, что в один прекрасный день мой театр не растащат. Ведь артисты — молодые люди, свободно говорящие на английском, и истинные профессионалы.

— Я знаю, в ваших планах существовал проект создания совместного предприятия и в этом случае репетиционная база театра могла оказаться на Западе?

— Этого не произошло. Может, пока к лучшему. Конечно, есть удачные примеры: перебрался в Испанию Володя Спиваков, но это немного другое. У нас сейчас очень тяжелый бизнес. Во всем мире интерес к фигурному катанию падает. Хотя на театр есть спрос, но с гастролями не всегда складывается так, как хотелось бы.

Но главное не в этом. Главное, что здесь наши родители, здесь наши друзья, правда, к сожалению, их все меньше и меньше. Там я себя не представ-

ляю. Для меня языковой барьер не барьер, а стена. Я говорю на английском, пусть безобразно, но говорю, но общаться хочу на русском. Мы с Володей перешагнули рубеж сорока, ведь наступил самый расцвет творческих сил.

И хотя веры нет, мне хочется, чтобы здесь стало хотя бы немножко лучше. Для своего же зрителя ставишь спектакли. Меня совершенно потряс успех театра в Ленинграде в конце ноября. Я ловила себя на том, что прошли гастроли в Америке, такие тяжелые и ответственные, в «Медисон сквер гарден», где каждый артист счастлив работать хотя бы один раз в жизни, прошли сотни концертов в Лондоне, Вашингтоне, Мельбурне, но нигде я не испытывала такого сосания под ложечкой, такого волнения, которое испытывает артист, такого желания показать свою работу, как в Ленинграде или в Москве.

— Вахтангов в послереволюционную разруху поставил «Принцессу Турандот» — сказочный спектакль, совершенно противоположный тогдашней действительности, но ставший необыкновенно любимым. Дело не в сравнении, но и ваш спектакль «Кордебалет» — цилиндры, фраки, платья с блестками из Америки — на фоне серого, тоскливого Ленинграда времен шестого года перестройки. Еще год назад, когда жизнь была полегче, директор вашего театра мне говорил, что гастролей в стране у вас значительно меньше, чем за рубежом, из-за того, что здесь вы публику собрать не можете, а там обычно выступаете в переполненном зале. И вдруг люди стоят в проходе. Реакцию зрителей предсказать невозможно?

— Мне кажется, что есть города, где люди всегда ходят на представления, и есть, где люди никуда не ходят. Есть города, где завоевана репутация. Я уверена, что, когда мы приедем в Томск, а мы обязательно туда приедем, в зале будет публика. Звонят из Таллинна, из Вильнюса, приглашают на гастроли, обещают аншлаг, хорошие условия. В нынешней обстановке сами по себе эти звонки уже приятны. Будем заниматься культурным обменом.

— Но с Гордеевой и Гриньковым вы вновь начали работать как тренер. Что это, ностальгия по прошлому?

— Ни в коем случае. Мне это неинтересно. Работая тренером, я выучила азбуку, а дальше захотела читать. Свое пребывание в сборной команде СССР расцениваю как учебу в хореографическом училище при Большом театре. Потом самые талантливые из училища попадают в театр. Может быть, нахальство так рассуждать, но я так считаю.

С Катей и Сережей работаю как тренер, но с другим поворотом. Начала готовить их к профессиональному чемпионату мира. Там нет запрещенных элементов, следовательно, полная свобода творчества. Катя и Сережа не только выдающиеся спортсмены, но и прекрасные актеры, и этому их дару еще предстоит раскрыться.

— У меня такое предчувствие, что в конце концов профессиональные чемпионаты станут более популярными, чем любительские.

— Возможно, даже заменят любительские. Я в первый раз этой зимой оказалась на профессиональном чемпионате мира и обнаружила, что давно не видела на наших соревнованиях такого зрительского интереса. Он сделан как огромное шоу, за день до начала все уже отрепетировано на генеральной репетиции.

Там другие программы, там ценится то, что я всегда в спорте ценила больше всего: индивидуальность, изобретательность, новизна взглядов, хореографических решений, то есть собственное видение фигурного катания. А техника служит средством выражения драматургии. Я увидела, что бывшие любители не только не растеряли лучшие свои качества, а, наоборот, приобрели новые. И катались мощнее, и по-актерски открылись больше. Мне приятно, что артисты нашего театра Воложинская и Свинин были вторыми после Торвилл и Дин, даже получали одинаковые оценки, что и знаменитые чемпионы, у такого серьезного человека (а судьи — или тренеры, или знаменитые в прошлом фигуристы), как Карло Фасси, который не может мухлевать, слишком большое имя в спорте.

С Катей и Сережей мы только начали этот путь.

— Гордеева и Гриньков должны стать чемпионами среди профессионалов?

— Если будут искать свой стиль, свой путь. Кто должен, кто не должен — этого я не знаю.

— Но в свое время вы были уверены в будущих победах Бестемьяновой.

— Тогда речь шла о любительских первенствах. У Наташи была яркая индивидуальность. Ярче, чем у всех. Катя три раза побеждала на чемпионатах мира и выиграла Олимпийские игры, но профессиональный чемпионат — это другое. Бестемьянова, кстати, его не выиграла. Не смогла. Но будем заново учиться побеждать.

— Наконец, и у нас признали, что Бродвей — это Бродвей, нет смысла поливать грязью, лучше смотреть и учиться. Но на Бродвее мюзикл не снимается с репертуара по десять лет, почему же вам нужно постоянно представлять новые программы?

— Конечно, лучшие спектакли будут оставаться. Но пришли новые артисты: Гордеева и Гриньков, Селезнева и Макаров, Анненко и Сретенский. Они не были заняты в прежних программах. Почему мои артисты так быстро росли, так быстро достигли высокого профессионального уровня? Только потому, что перед ними ставили большие задачи и для их решения необходимо было постоянно расти. Артист, как известно, растет с ролями. Я ставила много спектаклей, много дивертисментных номеров, а артистов в театре было мало, и они хорошо себя попробовали в разном качестве. Теперь пришли новые. И их надо развивать, разглядеть их лучшие стороны. Так приходится все время делать новое. Но и те, кто работает в театре уже семь лет, должны совершенствоваться постоянно, мне хочется, чтобы театр по-прежнему отличался от других коллективов.

— Вы считаете, что в мире такого театра нет? А знаменитые «Айс ревю»?

— Это низкий уровень или, точнее, совсем другой. Там главная задача — развлекать, художественных проблем практически никаких. Это парад костюмов, страусиных перьев. Ни мысли творческой, ни мастерства: ни исполнительского, ни актерского.

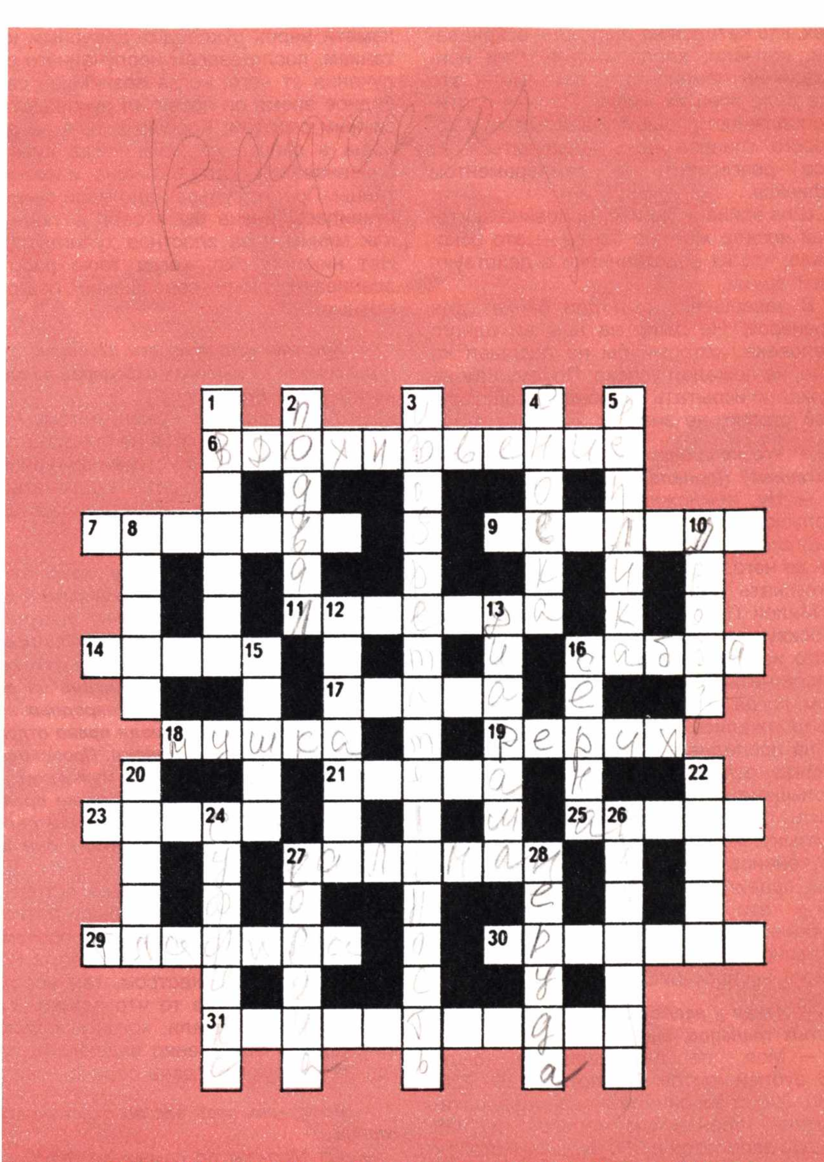
— Так получилось, что последнюю вашу программу я смотрел несколько вечеров подряд и заметил, что происходит тот редкий случай, когда каждый раз открываешь в ней что-то новое. Наверно, это и есть успех?

— Вы смотрели уже предпоследнюю программу. Сейчас мне даже трудно разговаривать. Я пустая как пробка. За полтора месяца поставила четыре балета: давно задуманная серия «Русские на Бродвее», знаменитые бродвейские спектакли: «Вестсайдская история», «Фантом в опере», «Кабаре», «Кордебалет», «Кошки». И еще из нашей уже классики «Ночь на Лысой горе». Всего получается шесть спектаклей, но две постановки принадлежат моим артистам Валерию Спиридонову и Елене Гаранией. Пусть наше дело живет и не умирает.

...Все так же чист и холоден лед. Жесткий и жестокий. И так же мятежна и обжигающе откровенна мысль Творца. Она терзает сияющую вечность, и на стыке стихий рождается чудо — ледовая феерия Татьяны Тарасовой и ее «звезд».

Виталий МЕЛИК-КАРАМОВ

Фото Анатолия БОЧИНИНА.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Творческий подъем. 7. Актриса Московского театра имени Ленинского комсомола, народная артистка СССР. 9. Приток Припяти. 11. Декоративное, масличное, медоносное растение. 14. Точка небесной сферы, к которой движется Солнце. 16. Сушеный виноград, вид кишмиша. 17. Один из героев повести Н. В. Думбадзе. 18. Выступ на передней части ствола огнестрельного оружия. 19. Русский художник, археолог, писатель, живший в Индии. 21. Искусственный подземный водоток. 23. Музыкальный звукоряд. 25. Птица семейства фазановых, обитающая в лесах Юго-Восточной Азии. 27. Венгерский композитор, мастер новой венской оперетты. 29. Действующее лицо в пьесе М. Горького «Достигаев и другие». 30. Авторитет, влияние. 31. Горный массив на Кольском полуострове.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Парнокопытное животное, обитающее в Гренландии. 2. Статья в нижней части газетного листа. 3. Понятливость, находчивость. 4. Дополнительный текст внизу страницы. 5. Краткое замечание, возражение. 8. Самая высокая горная система Западной Европы. 10. Певчая птица. 12. Рассказ А. П. Чехова. 13. Живописная картина с передним предметным планом. 15. Поэма М. Ю. Лермонтова. 16. Горная антилопа. 20. Светильник на рукоятке. 22. Русский струнный музыкальный инструмент. 24. Минимальная значимая часть слова. 26. Малая форма прозы. 27. Венец, ореол. 28. Чилийский поэт, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Премьера. 6. Чистотел. 8. Экскаватор. 10. Дятел. 11. Ельск. 14. Синяк. 15. Чаплин. 16. Театр. 17. Рахманинов. 20. Бидон. 21. Крупов. 22. Аверс. 24. Ленок. 27. Инари. 28. Астрономия. 29. Апостроф. 30. Курсовка.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Герней. 2. Элиста. 3. Десятина. 4. Стельмах. 5. Пандус. 7. Ласкер. 8. Электроника. 9. Реставрация. 12. Таймура 13. Филидор. 18. Единорог. 19. Терапевт. 20. Белуха. 23. Скирда. 25. Строфа. 26. Амгунь.

ДАЙТЕ НАМ ШАНС СЭКОНОМИТЬ ВАШИ ВРЕМЯ И ДЕНЬГИ!

Объединение «МММ» предлагает:
компьютеры, совместимые с **IBM PC / AT, XT** с любой периферией, и оргтехнику.

А также широкий выбор: пишущих машинок, дигитайзеров, электронных записных книжек , калькуляторов и т.д.

БЕЗ ПРЕДОПЛАТЫ. ОПТОВЫМ ПОКУПАТЕЛЯМ ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ СКИДКА.

КОМПЬЮТЕРЫ
IBM PC/AT-286 - 44000 руб.
IBM PC/AT-386 (Винчестер 120 МБ. ОЗУ 4МБ, 25 МГц) - 107000 руб.
ПЛОТТЕРЫ
(графопостроители)
Формат А3 -31500-33000 руб.
Формат А1 - 107000 руб.
ЛАЗЕРНЫЕ ПРИНТЕРЫ
Формат А4
«LASERJET II P» - 51000 руб.
«LASERJET III» - 85000 руб.
ТЕЛЕФОНЫ
"PANASONIC" - 3400 руб.

КСЕРОКСЫ
Формат А4
«SHARP Z-50» - 28000 руб.
«CANON FC-2» - 30500 руб.
Формат А3
«RICOH M 100» - 62000 руб.
«CANON 1215» - 80000 руб.
ТЕЛЕФАКСЫ
«MURATE-M5» и «FI» - по 21500 руб.
АВТООТВЕТЧИКИ
«PANASONIC» - 7750-8000 руб.

ВЫ ВИДЕЛИ ГДЕ-НИБУДЬ БОЛЕЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ?

МЫ ПРОДАДИМ ЕЩЕ ДЕШЕВЛЕ!

Вниманию организаций, имеющих опыт коммерческой деятельности!

Объединение «МММ» открывает новые филиалы.
За дополнительной информацией обращаться в письменной форме по адресу :
109518 Москва,ул.Газгольдерная, 10 (проезд: метро «Текстильщики», автобусы 29, 725 до остановки «Вычислительный центр»).
Телефоны в Москве: 171-03-97,173-44-15,171-13-81, 171-06-90.

Филиалы «МММ»:
г.Донецк, ул.Горького, д.146;
г.Красноярск, ул.Урицкого, д.61, тел. 27-84-09;
г.Николаев, Мельничная ул., д.23, тел. 37-56-49;
г.Новокузнецк, а/я 4366, тел. 44-27-42;
г.Новосибирск, ул.Фабричная, д.13, тел. 23-75-29;
г.Пенза, 2-ой проезд Молокова, тел. 33-22-65;
г.Пермь, ул.Холмогорская, д.4/3;
г.Пятигорск, ул.Павлова, д.30б, тел. 5-77-50;
г.Рига, ГСП ул.Дзирнаву, д.33, тел. 33-25-08, 33-12-37, 33-23-61;
г.Свердловск, а/я 835, тел. 22-76-14;
г.Ставрополь, ул.Ленина, д.460, тел. 6-15-71, 6-31-47, 2-30-43;
г.Ставрополь, ул.Ленина, д.133б;
г.Ташкент, шоссе Луначарского, д.63, тел. 67-25-57, 67-77-06;
г.Тула, ул.Вересаева, д.24, тел. 20-87-33;
г.Южно-Сахалинск, Коммунистический пр-кт, д.1, тел. 3-25-41;
г.Якутск, а/я 09, тел. 4-14-51.

У «МММ» НЕТ ПРОБЛЕМ!

«ОРТЭКС» НЕ ЖДЕТ РЫНКА ОН ЕГО ФОРМИРУЕТ, ДЕЛАЯ ВАШИ РУБЛИ СВОБОДНО КОНВЕРТИРУЕМЫМИ СЕГОДНЯ

ORTEX

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЕ КОММЕРЧЕСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ «ОРТЭКС» ПРЕДЛАГАЕТ:

ОРГТЕХНИКУ И СРЕДСТВА СВЯЗИ:

телефонные аппараты; телефонные аппараты с автоответчиками; телефаксы; фотокопировальные машины формата А3, А4; электронные печатные машины с русским и латинским шрифтом; диктофоны; настольные бухгалтерские калькуляторы; калькуляторы с печатающим устройством; термобумагу для телефаксов; картриджи для фотокопировальных машин формата А4.

ТЕЛЕВИДЕОАППАРАТУРУ И ОБОРУДОВАНИЕ:

телевизоры с экраном от 36 до 72 см; видеомагнитофоны VHS PAL/SEKAM, VHS multisystem; видеоплейеры; видеокамеры VHS movie.

БЫТОВЫЕ ЭЛЕКТРОТОВАРЫ:

кондиционеры; портативные дизель-генераторы; холодильники; морозильные шкафы; электрические и газовые плиты; СВЧ-печи; пылесосы; кухонные комбайны; швейные, вязальные, стиральные машины.

НОВЫЕ И БЫВШИЕ В УПОТРЕБЛЕНИИ ЛЕГКОВЫЕ АВТОМОБИЛИ, МИКРОАВТОБУСЫ, ДЖИПЫ:

Форд «Транзит», «Скорпио», «Сьерра»; Линкольн «Континенталь»; Мерседес «190E», «200E», «280SE», «300SE»; Вольво «460GL», «490GL»; Опель «Омега»; Джип «Чероки»; Ниссан «Патрол»; автобус «Мерседес-0303» (49 мест); автобус «Неоплан» (77 мест).

Единичные, мелкооптовые поставки организациям по договорам лизинга в сжатые сроки.

Оплата по аккредитиву, депозиту либо чековой книжке!

Импортные поставки организациям — по рыночным ценам с оплатой только в рублях продукции ведущих фирм Японии, США, Западной Европы, Южной Кореи.

Наш адрес:
117593, Москва, «ОРТЭКС»
телекс 131310 ORT SU
факс (095) 427-6410
телефоны: 427-11-01 (5 линий), 427-57-36, 427-66-11.

Украинское представительство:
Киев-1, гостиница «Москва», «ОРТЭКС»
факс (044) 229-3721, телефон 228-00-19 (5 линий).

ЭСКАРТ

1 руб. Индекс 70663